ИГОРЬ ШИШКИН

БЕЗУПРЕЧНЫЙ ПАКТ

КТО РАЗРУШИЛ БРИТАНСКУЮ ИМПЕРИЮ

наше завтра

УДК 327(47+57:430)(091)<1939.08.23>
ББК 63.3(2)62-6 + 63.3(4Гем)62-6

Шишкин И.С.
Безупречный Пакт: Кто разрушил Британскую империю.
Издание второе, исправленное и дополненное. —
М.: Наше Завтра, 2021. — 195 с.

ISBN 978-5-9904496-8-8

УДК 327(47+57:430)(091)<1939.08.23>
ББК 63.3(2)62-6 + 63.3(4Гем)62-6

© Шишкин И.С., 2021
© Оригинал-макет, оформление
design amiton, 2021

ISBN 978-5-9904496-8-8

ИГОРЬ ШИШКИН

БЕЗУПРЕЧНЫЙ ПАКТ

КТО РАЗРУШИЛ БРИТАНСКУЮ ИМПЕРИЮ

Издание второе, исправленное и дополненное

наше завтра

МОСКВА, 2021

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.

Правительство СССР и

Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года,

пришли к следующему соглашению:

Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется об'ектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обоих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII.

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР

За Правительство Германии:

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обоих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обоими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обоими сторонами в строгом секрете.

По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов

Москва, 23 августа 1939 года.

За Правительство Германии:
Риббентроп

РАЗ"ЯСНЕНИЕ К "СЕКРЕТНОМУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРОТОКОЛУ" от 23 августа 1939 года.

В целях уточнения первого абзаца п.2-го "Секретного Дополнительного Протокола" от 23-го августа 1939 года настоящим раз"ясняется, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно:

" 2.В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Лисса, Нарева, Вислы и Сана".

Москва, 28-го августа 1939 года.

По уполномочию ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР

За ПРАВИТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ

ВВЕДЕНИЕ

ПОЧЕМУ «ОНИ» ТАК НЕНАВИДЯТ ПАКТ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА

Судьба Договора о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. не имеет аналогов. Договор, подписанный 80 лет назад и прекративший свое действие 22 июня 1941 г., до сих пор находится на передовых рубежах большой политики. Каждая годовщина его подписания уже традиционно отмечается всем «прогрессивным человечеством» как одна из самых скорбных дат всемирной истории.

В Соединенных Штатах и Канаде 23 августа — это День черной ленты. В Евросоюзе — День памяти жертв сталинизма и нацизма. Власти Грузии, Молдовы и Украины в этот день с особым рвением рассказывают подведомственным народам о тех неисчислимых бедах, которые они претерпели из-за «ужасного» Пакта Молотова — Риббентропа. В России со времен горбачевской перестройки все либеральные СМИ и общественные деятели из года в год в преддверии 23 августа начинают биться в истерике и призывать народ к покаянию за преступный Пакт.

Из тысяч и тысяч международных договоров, заключенных за многовековую историю дипломатии, подобной «чести» в современном мире не удостоился ни один. Вполне естественно возникает вопрос: в чем причина особого отношения к Пакту Молотова — Риббентропа? Самый распространенный вариант ответа: Пакт был исключителен по преступности содержания и катастрофичности последствий. Именно поэтому «борцы за все хорошее против всего плохого» считают своим долгом постоянно напоминать людям и странам о зловещем Договоре, чтобы такое больше никогда не могло повториться.

Но есть и другое объяснение: Пакт нанес сокрушительный удар по жизненным интересам внешних и внутренних врагов России. Отсюда и их ненависть к нему как к символу стратегического поражения.

Конечно, пропагандистская машина Запада, постсоветских этнократий и отечественных либералов уже которое десятилетие доказывает нам, что правильным является исключительно первый вариант ответа. Но опыт учит: верить на слово западным политикам и СМИ, а уж тем более отечественным либералам — непростительное легкомыслие.

Поэтому давайте попробуем разобраться и выяснить причину ненависти к Пакту у преданных «идеалам свободы и демократии» государств, а также примкнувшей к ним российской либеральной общественности. Обвинения в адрес Пакта хорошо известны.

«ПАКТ ВОЙНЫ»

«23 августа 1939 года нацистская Германия под руководством Гитлера и Советский Союз под руководством Сталина подписали пакт, изменивший историю и положивший начало самой безжалостной войне в истории человечества» (Вивиан Рединг, еврокомиссар по вопросам юстиции).

«Пакт Риббентропа — Молотова от 23 августа 1939 года, заключенный между двумя тоталитарными режимами — коммунистическим Советским Союзом и нацистской Германией, привел к взрыву 1 сентября Второй мировой войны» (Совместная Декларация памяти и солидарности Сейма Республики Польша и Верховной Рады Украины).

«Пакт Молотова — Риббентропа — это <...> преступление советского руководства и лично товарища Сталина» (Сергей Мироненко, директор Государственного архива РФ.)

«Трудно представить еще более грубый и преступный заговор против мира и суверенитета государств» (Инесис Фелдманис, главный официозный историк Латвии).

«Этой войны, этой страшнейшей драмы не было бы, если бы не пакт Молотова — Риббентропа <...> если бы решение Сталина было иным, Гитлер вообще не начал бы войну» (Антоний Мацеревич, министр национальной обороны Польши).

Подобных высказываний за последние годы накопилось множество.

Читая их, просто поражаешься, насколько всемогущ был товарищ Сталин! От одного его слова зависело — быть или не быть Второй мировой войне. Отказался бы Сталин от договора с Германией, и Гитлеру пришлось бы распустить вермахт, а «белокурым бестиям» и прочим «истинным арийцам» — всю жизнь мирно пить баварское пиво.

Японские самураи прекратили бы войну в Китае, а вместо удара по Перл-Харбору занялись бы рисоводством. Версальская система с мировой гегемонией Британской империи осталась бы незыблемой по сей день. Ну а американцы так и сидели бы в гордой изоляции за морями-океанами, даже не пытаясь облагодетельствовать собой весь мир. Вот какова сила слова товарища Сталина!

Если же говорить серьезно, то каждому нормальному человеку хорошо известно, что и Вторая мировая война, и Первая мировая, и наполеоновские войны были порождены борьбой западных

стран за передел мира, борьбой за господство над ним. Сначала борьбой Франции против Великобритании, потом Второго рейха, а следом уже и Третьего против все той же Британской империи.

Отменить эту многовековую борьбу внутри цивилизации Запада, в которую в XIX и XX вв. вовлекался уже весь мир, не было под силу ни слову Александра I, ни Николая II, ни Сталина.

Пакт в принципе не мог ни запустить, ни остановить маховик конфликта между Великобританией, Германией и длительное время действующими «из-за кулис» Соединенными Штатами Америки. Подобно тому, как Тильзитские и Эрфуртские договоры не могли предотвратить «грозу двенадцатого года» и прекратить схватку Франции с Британией. А соглашение Николая II с Вильгельмом II в Бьёрке — остановить скатывание мира к Первой мировой войне.

Такова реальность. Что же касается заявлений о «Пакте войны», то их авторы не историческими изысканиями занимаются, а политикой и пропагандой. Сейчас уже совершенно очевидно, что наши бывшие союзники и бывшие противники, вместе с «пятой колонной», взяли курс на пересмотр истории Второй мировой войны. Их цель — перевести Россию из разряда государств-победителей в разряд потерпевших поражение государств-агрессоров, со всеми вытекающими из этого последствиями. Отсюда и бредовые заявления о «Пакте войны». Законы пропаганды гласят: тысячу раз произнесенная ложь через какое-то время начинает восприниматься обществом как само собой разумеющееся. Председатель правления «Мемориала» (организации, официально признанной в России иностранным агентом) Ян Рачинский даже и не скрывает, что их задача — превратить утверждение о равной ответственности СССР и Германии за мировую бойню «в банальность». Но это «их» цели и задачи.

«ПРЕСТУПНЫЙ СГОВОР»

Надо отдать должное внешним и внутренним врагам России: трактовка Пакта Молотова — Риббентропа как преступного сговора двух тоталитарных «империй зла», в отличие от трактовки «Пакт войны», уже прочно вошла в общественное сознание и действительно многими воспринимается как банальность. Но обвинения в преступлении должны опираться не на эмоциональные характеристики, а на указание конкретных норм международного права, которые попрал («преступил») советско-германский договор. А вот их-то за все годы демонизации Пакта никто обнаружить так и не смог. Ни одной!

Сам Договор о ненападении с юридической точки зрения абсолютно безупречен. Да, советское руководство, как, кстати, и британское, прекрасно знало о готовящемся нападении Германии

на Польшу. Однако не существовало ни одной нормы международного права, обязывающей СССР в этом случае отказываться от нейтралитета и вступать в войну на польской стороне. Тем более что Польша, во-первых, была врагом Советского Союза, а во-вторых, в преддверии заключения Пакта официально отказалась принимать от России гарантии своей безопасности.

Секретные протоколы к Договору, которыми в последние тридцать лет разве что детей не пугали, — стандартная практика дипломатии с древнейших времен и по сей день.

Напомню, при Бараке Обаме Россия и США заключили соглашение по Сирии, значительная часть которого по настоянию американской стороны была засекречена. «Прогрессивная общественность» даже не шелохнулась. Почему мы должны считать дозволенное Обаме преступным для Сталина?

Не будучи противоправными по форме, Секретные протоколы не были таковыми и по содержанию. В организованном Александром Яковлевым («главным архитектором» развала Советского Союза) Постановлении Съезда народных депутатов СССР, заклеймившем Пакт Молотова — Риббентропа, утверждалось, что Секретные протоколы, разграничивая сферы интересов СССР и Германии, «находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран». Однако все это откровенная ложь.

Не существовало, как и не существует сейчас, никаких норм международного права, запрещающих государствам разграничивать сферы своих интересов. Более того, запрет на подобное разграничение фактически означал бы обязанность стран противодействовать друг другу на территории третьих государств, с соответствующими последствиями для международной безопасности.

Конечно, «маленьким, но гордым», приноровившимся ловить рыбку в мутной водице противостояния великих держав, подобный запрет был бы крайне выгоден, но не следует путать их интересы с международным правом. Поэтому сам принцип разграничения сфер интересов, примененный в Пакте Молотова — Риббентропа, не являлся противоправным и, следовательно, преступным.

Ни в коей мере разграничение сфер интересов не противоречило и закрепленному в международном праве принципу суверенного равенства всех государств. Пакт не содержал никаких решений, обязательных для исполнения третьими странами. Иначе, зачем их делать секретными для будущих исполнителей? Широко распространенное обвинение в том, что по Секретным протоколам Гитлер передал Сталину Прибалтику, Восточную Польшу и Бессарабию — чистой воды демагогия. Гитлер в принципе, при всем желании не мог отдать того, что ему не принадлежало.

Да, Пакт лишил Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Румынию возможности использовать Германию против СССР. Поэтому они и кричат истошно о попрании их суверенных прав. Но Германия — тоже суверенная и независимая страна. Она совершенно не обязана была служить интересам государств-лимитрофов. Не было ни одной нормы международного права и ни одного международного договора, которые обязывали бы Германию противодействовать восстановлению территориальной целостности нашей страны. Как не существовало ни одной нормы, запрещающей нам возвращать отторгнутые территории. В противном случае придется признать противоправным, а, следовательно, преступным возвращение Францией Эльзаса и Лотарингии, восстановление территориальной целостности Германии или Вьетнама.

Собственно Договор о ненападении в открытой его части содержал обязательство СССР сохранять нейтралитет по отношению к Германии независимо от ее столкновений с третьими странами, Секретные же протоколы к Договору, в свою очередь, оформили обязательство Германии не вмешиваться в дела СССР на европейской части постимперского пространства. Ничего более.

«Прогрессивному человечеству», якобы столь озабоченному противоправностью Пакта Молотова — Риббентропа, можно только посоветовать призвать к покаянию США и Великобританию, которые в 1944 г. не «сферы интересов» в третьих странах разделили, а разделили между собой богатства этих самых третьих стран. «Персидская нефть ваша. Нефть Ирака и Кувейта мы поделим. Что касается нефти Саудовской Аравии, то она наша» (Франклин Рузвельт послу Великобритании лорду Галифаксу, 18 февраля 1944 г.). ПАСЕ, ОБСЕ, Конгресс США и далее по списку, напринимавшие горы резолюций в осуждение мифической преступности Пакта Молотова — Риббентропа, об этом реальном преступном сговоре даже и не вспоминают.

«АМОРАЛЬНЫЙ ПАКТ»

Тезис о безнравственности Пакта Молотова — Риббентропа вбит в общественное сознание еще более прочно, чем тезис о его преступности. Об аморальности Пакта почти единодушно говорят и политики, и историки, правда, опять-таки, не отягощая себя обоснованием причин подобной оценки. Обычно все сводится к патетическим заявлениям о том, что не стыдиться договора с Гитлером могут лишь бессовестные люди. Однако и здесь мы имеем дело с сознательной и циничной демагогией.

До 22 июня 1941 года для СССР Гитлер — легитимный глава одной из великих европейских держав. Потенциальный противник и даже вероятный? Несомненно. Но потенциальными противниками и даже весьма вероятными на тот момент для нашей стра-

ны были и Франция с Великобританией. Достаточно вспомнить, как в 1940 году они готовили удар по СССР, чтобы придать начавшейся мировой войне характер общеевропейского «крестового похода против большевизма», дабы хоть таким способом принудить Третий рейх пойти на Восток и тем самым спасти элиты Запада от коммунистической угрозы, а Британскую империю от краха.

Нацистские преступления на момент подписания Пакта еще не были совершены. Да, к тому времени Третий рейх произвел аншлюс Австрии и захватил Чехию. Практически бескровно. Американская же агрессия в Ираке привела к гибели сотен тысяч мирных жителей. Гитлер собирался напасть на Польшу, но Трамп не так давно с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН угрожал стереть с лица земли Северную Корею и ее народ. Следует ли из этого, что любой договор, подписанный с Соединенными Штатами, по определению аморален?

В Третьем рейхе существовала открытая, закрепленная на законодательном уровне дискриминация еврейского населения. Но столь же открытая и законодательно закрепленная тотальная дискриминация негритянского населения была в то время в Соединенных Штатах Америки. Это не было и не могло быть препятствием для взаимодействия Сталина с президентом расистского государства Рузвельтом. Лагеря смерти и все, что связано с попыткой «окончательного решения еврейского вопроса», — все это было в будущем.

Человеконенавистнический характер национал-социалистической идеологии Третьего рейха также не делает договор с этой страной преступным и аморальным. Ведь либеральный глобализм тоже совершенно правомерно рассматривать как одну из разновидностей человеконенавистнической идеологии. Из чего вовсе не вытекает, что безнравственно заключать договоры с Макроном или Меркель. Свое отношение к этому вопросу Сталин предельно четко сформулировал в беседе с министром иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока: «Какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств».

Поэтому давно пора признать, что стремление объявить Пакт Молотова — Риббентропа безнравственным сговором является ничем иным, как сожалением о том, что Сталин отказался ставить чужие интересы выше интересов своей страны, выше интересов безопасности Советского Союза.

Причем неважно, какие именно чужие интересы — мирового коммунистического движения, интересы борьбы с нацизмом или интересы демократии.

Как видим, все тиражируемые обвинения в адрес Пакта Молотова — Риббентропа («Пакт войны», «преступный и аморальный

сговор с Третьим рейхом») в историческом, правовом и нравственном плане абсолютно несостоятельны. Но откуда же тогда такая совершенно искренняя, неподдельная ненависть к Пакту на Западе, в постсоветских этнократиях и у либерального сообщества России? Давайте и здесь попробуем разобраться по порядку.

ЗАПАД

Шок Запада от возвращения Крыма лучше всего объясняет, почему западных политиков до сих пор «трясет» при одном воспоминании о Пакте Молотова — Риббентропа, благодаря которому Советская Россия вернула себе Выборг, Прибалтику, Западную Белоруссию, Западную Украину и Бессарабию, отторгнутые от нашей страны в период краха Российской империи.

Только восстановлением территориальной целостности России стратегические потери от Пакта как Запада в целом, так и каждой из его ведущих держав, не ограничиваются. Одной из главных целей всех трех главных организаторов Второй мировой войны было уничтожение СССР. В этом вопросе и Третий рейх, и Великобритания, и США были едины. Реализация их сценариев войны практически не оставляла шансов Советскому Союзу. В послевоенном мире его не должно было быть, независимо от того, кто победит в схватке за гегемонию. Однако Пакт расколол единый антисоветский фронт и дал возможность Сталину максимально эффективно использовать противоречия между западными державами для спасения страны в почти безвыходной ситуации.

По совершенно точному определению Натальи Нарочницкой: «Договор поменял расписание неизбежной войны, а, следовательно, послевоенную конфигурацию». Конфигурацию, в которой вместо планируемой мировой гегемонии Запада во главе или с Лондоном, или с Берлином, или с Вашингтоном, Советский Союз оказался второй сверхдержавой, а, соответственно, примерно половина мира не превратилась в кормовую базу для западных компаний и западных элит. Поэтому Пакт Молотова — Риббентропа был, есть и всегда будет символом стратегического поражения для стран Запада, тем, что никогда не должно больше повториться.

ПОСТСОВЕТСКИЕ ЭТНОКРАТИИ

Все лимитрофные государства и в начале XX века, и в его конце обретали независимость исключительно в результате кризиса российской государственности (сначала Российской империи, затем Советского Союза). Роль форпоста западной цивилизации в противостоянии с Россией они до сих пор считают главной гарантией своего существования. 23 августа 1939 г. мир перевернулся.

Не стало единого фронта Запада против России. Одна из великих держав — Германия — признала постимперское пространство зоной интересов СССР, а затем (лиха беда начало) в Ялте это были вынуждены признать и Великобритания с Америкой. Столпам Запада на какое-то время взаимодействие с Советским Союзом оказалось жизненно необходимо, а про «маленьких, но гордых» они тут же забыли. Пакт Молотова — Риббентропа для всех лимитрофов до сих пор является символом всего самого худшего, что с ними может случиться, символом призрачности их существования. Поэтому при любом самом незначительном признаке улучшения отношений России с какой-либо из великих держав Запада, в первую очередь с Германией, у них начинается истерика по поводу грядущего «нового Пакта Молотова — Риббентропа».

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Проще всего отношение либерального сообщества России к Пакту объяснить стремлением угодить Западу, привычкой «шакалить у посольств» и любовью к иностранным грантам. Однако полагаю, что они бы все это писали/говорили и на общественных началах, хотя за гонорары «зеленью», конечно, делать такое сподручнее.

Еще Достоевский предельно четко сформулировал кредо «бесов» (тогда выступавших под вывеской «социалисты», сейчас — «либералы»): «Кто проклянет свое прошлое, тот уже наш».

Лишь в духовно разложившемся обществе «иванов, не помнящих родства» они чувствуют себя как рыба в воде и процветают. Отсюда их столь искренняя любовь к 20-м и 90-м годам прошлого столетия — периодам открытого глумления над самыми героическими страницами русской истории. Отсюда, кстати, порой кажущаяся неадекватной реакция либералов на возвращение Крыма. Конфликт с Западом и исчезновение импортных деликатесов — все это вторично. Главное в другом — «счастье было так близко, так возможно»: собственность «прихватизировали», патриотизм превратили в ругательство, слово «русский» употребляли исключительно в сочетаниях «русский фашизм» и «русская мафия». И тут, нате вам, возвращение Крыма и патриотизм, как национальная идея! Русь, оказывается, жива.

Причем подобный «облом» эта публика переживает уже второй раз за неполные сто лет. Только в «благословенные» 20-е годы у «бесов» того времени появилась возможность при вынесении приговора писать: «расстрелять как патриота и контрреволюционера», только при взрыве храма Христа Спасителя радостно скакали и кричали: «Задерем подол матушке-России!», только-только

утвердилась надежда на свое светлое будущее в арбатских квартирах и на подмосковных дачах расстрелянной «контры», как мир начал стремительно рушиться. Мировая революция из цели превратилась в инструмент, государственные интересы, государственный суверенитет и патриотизм объявили высшей ценностью.

И Пакт Молотова — Риббентропа стал для них одним из самых наглядных и зримых доказательств этой катастрофы. У Василия Гроссмана, провозглашенного «великим русским писателем», были все основания горько жаловаться: «Мог ли думать Ленин, что, основав Коммунистический Интернационал и провозглашая лозунг мировой революции, провозглашая "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", он готовил почву для невиданного в истории роста принципа национального суверенитета? ... Русское рабство и на этот раз оказалось непобедимо».

Как видим, у Запада, постсоветских этнократий и российских либералов есть все основания ненавидеть Пакт Молотова — Риббентропа, считать его воплощением зла. Для них он, действительно, является символом стратегического поражения. Их позиция понятна, логична, в полной мере соответствует их интересам и не вызывает вопросов. Вопрос вызывает другое: до каких пор в оценке Пакта Молотова — Риббентропа мы будем руководствоваться отношением к нему внешних и внутренних врагов России?

P.S. Более трех десятилетий демонизации Пакта Молотова — Риббентропа привели к тому, что само слово «пакт» стали воспринимать чуть ли не как ругательство. Нередко приходится слышать: прекратите Договор о ненападении между СССР и Германией обзывать «пактом». Должен напомнить «бдительным товарищам», что пактом принято называть международные договоры, имеющие большое политическое значение, выделяющиеся из огромной массы обычных договоров и соглашений. Например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. В особо значимых случаях пакт называют по именам политиков, его подписавших, например, Пакт Бриана — Келлога 1928 г. (Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики).

Поэтому Договор о ненападении от 23 августа 1939 г., изменивший «расписание» Второй мировой войны и внесший неоценимый вклад в нашу Победу, по праву называется Пактом Молотова — Риббентропа.

ГЛАВА I

ВЫЗОВ БУДУЩЕМУ РОССИИ

ПОДМЕНА СМЫСЛА ВОЙНЫ

Пакт Молотова — Риббентропа (Договор о ненападении между СССР и Третьим рейхом) и по прошествии 80 лет со времени его подписания так и не превратился в факт истории дипломатии. Он по-прежнему остается в большой политике. Начиная с середины нулевых годов XXI в., Запад и «пятая колонна» внутри России превратили Пакт в ключевой элемент массированной кампании по внедрению в общественное сознание принципиально новой концепции Второй мировой войны, основанной на тождестве нацизма и «сталинизма», равной ответственности СССР и Германии за развязывание мировой бойни.

Геополитические цели этой кампании никто не скрывал ни тогда, ни теперь: перевести Россию/СССР из разряда держав-победительниц в разряд держав-побежденных, со всеми вытекающими последствиями («горе побежденным»). Старт кампании был приурочен к 60-летию Победы. А всего через четыре года, в 2009 г., в преддверии 70-летия начала войны новая концепция предстала во всей «красе»:

- Третий рейх и СССР по Пакту Молотова — Риббентропа разделили Европу между двумя тоталитарными империями, а их совместная агрессия против Польши, согласованная в Секретных протоколах к Пакту, ввергла мир в пучину Второй мировой войны;
- Свободный мир выступил на бой со злом, но силы оказались неравными. Гитлеровская Германия захватила почти всю Западную и Центральную Европу. Сталинский СССР оккупировал страны Балтии, Восточную Польшу и Бессарабию, напал на Финляндию. Свобода, добро и демократия оказались на грани гибели;
- Империалистические инстинкты привели к столкновению двух тоталитарных режимов — нацизма и сталинизма. Свободный мир вынужден был ради спасения добра и демократии выбрать меньшее зло и пойти на сотрудничество с одним из тоталитаризмов (Советским Союзом);
- Грандиозная битва на Восточном фронте (это порой даже признают и отдают дань героизму советского солдата) между двумя тиранами позволила демократиям накопить силы и подготовиться к решающим сражениям;
- Победа над гитлеровской Германией привела к окончанию первого, «горячего» этапа Второй мировой войны. Однако другая тоталитарная империя (СССР) оккупировала половину Европы;

- Ялтинско-Потсдамская система подвела черту под первым этапом Второй мировой войны. Она заложила основу справедливого мирового устройства (Устав ООН и т.п.), но за блага свободы и демократии пришлось заплатить высокую цену. Железный занавес, опущенный Советским Союзом, отгородил часть человечества от демократии;
- Свободный мир не бросил на произвол судьбы оккупированные «империей зла» народы и самоотверженно вступил в «холодную войну» — новую фазу Второй мировой;
- Победа в «холодной войне» над СССР является подлинным окончанием Второй мировой войны. Силы добра, свободы и демократии окончательно победили силы зла, тирании и тоталитаризма.

Конечно, «научная» база под новую западную концепцию войны, ставящую знак равенства между СССР и Третьим рейхом, закладывалась еще во времена «холодной войны».

Достаточно вспомнить книги немецкого историка Эрнста Нольте и его последователей. Суть этих «исследований» очень точно раскрыла Наталья Нарочницкая: «Борьба с "империей зла" требовала новых идеологем, и фундаментальные книги Э. Нольте, ученика М. Хайдеггера, пришлись как нельзя кстати. В них виртуозно была решена, казалось бы, невыполнимая задача: развенчать СССР — главного борца против фашизма, при этом не реабилитировать сам фашизм, но освободить Запад от вины за него. <...> Цель ясна: доказать, что главное зло XX века и вообще мировой истории — это русский и советский тоталитарный империализм, эталоном которого был СССР сталинского периода, и выделить все, что может сойти за его подобие в гитлеровском рейхе» [1].

Однако во времена СССР превращать эти «научные» наработки в оружие официальной политики Запад не стал. Во-первых, с Советским Союзом подобные игры не могли пройти безнаказанно. А во-вторых, Ялтинско-Потстдамская система, созданная Москвой и Вашингтоном по итогам войны, узаконила лидерство и СССР, и Америки в биполярном мире. Вашингтону было совершенно невыгодно превращать борьбу с противником в «холодной войне» в борьбу против себя самого. Что совершенно не мешало преуменьшать вклад СССР в Победу и даже замалчивать само его участие в войне. Достаточно вспомнить, как назвали в США фильм о Великой Отечественной войне — «Неизвестная война». Но все это делалось до строго определенного предела, за которым ставилась бы под сомнение легитимность выгодного для США послевоенного мироустройства.

Именно в этом причина парадокса, столь удивившего Министра иностранных дел России Сергея Лаврова: «Даже в "холодную войну" никто и никогда не пытался ставить на одну доску нацист-

ский режим и диктатуру Сталина» [2]. Не было жизненной необходимости — вот и не ставили.

Тем более такой необходимости не было после распада СССР. Крах Советского Союза ликвидировал биполярный миропорядок, запустил процесс создания однополярного мира — Нового мирового порядка с безраздельным господством западной цивилизации во главе с Америкой. 90-е годы были периодом эйфории Запада, веры в то, что наступил «конец истории» и их гегемония продлится до скончания веков. Соответственно, в 90-е годы не было никакого смысла заниматься пересмотром итогов Второй мировой войны. СССР больше нет, а Российская Федерация — умирающее государство, в чем на Западе практически никто не сомневался. Зачем тратить силы на борьбу с тем, что вот-вот канет в лету?

Поэтому и Пакт Молотова — Риббентропа, сыгравший немалую роль в разрушении СССР, сошел в те годы с авансцены глобальной политики, но как отмечает М.В. Демурин, в политическом арсенале Запада он остался. Пакт использовался для пропагандистского обоснования «политической, социально-экономической и культурной дискриминации нетитульного населения Латвии, Литвы и Эстонии, <...> усилий по политической реабилитации нацистских преступных организаций и пособников нацизма в Прибалтике, а потом и на Украине, выдвижения в адрес России требований "компенсаций за оккупацию"» [3].

Можно сказать, Пакту тогда отводилась роль дубинки для вразумления, казалось бы, навсегда поверженного противника: стоило России хоть чуть-чуть поднять голову и посметь заявить о своих интересах или о дискриминации русских на отторгнутых территориях, как тут же возникал зловещий Пакт и призывы покаяться и осудить. Действовало безотказно: российские власти осуждали и отступали, отступали и каялись.

ГЕОПОЛИТИКА, А НЕ ИСТОРИЯ

Отношение Запада к истории Второй мировой войны коренным образом изменилось к середине нулевых. В преддверии 60-летия Победы, как по команде, началась широкомасштабная политическая кампания по пересмотру смысла войны. Главы государств и правительств, высокопоставленные чиновники и депутаты, национальные парламенты и международные организации — все постарались отличиться на «историческом» поприще, закрепить новое видение войны в своих речах, резолюциях и постановлениях. Потом все это повторялось на 70-летие начала войны и на 65-летие Победы. Не снижая обороты, эта кампания продолжается и по сей день. 80-летие начала Второй мировой войны и подписания Пакта Молотова — Риббентропа тому наглядный пример.

Списать «историческую» активность политиков на свойственную информационному обществу повышенную возбудимость в связи с любыми юбилейными датами невозможно. Кампания неуклонно, методично и однонаправленно развивалась и в обычные, «скромные», годы.

Нет никаких оснований и для предположения о том, что политики, политологи, акулы пера и экрана всех мастей и разных стран вдруг массово заразились тягой к истории, причем именно России, а не Японии или Египта.

Первопричина повального увлечения западных политиков и журналистов историей Второй мировой очевидна — она в возвращении России в разряд великих держав. К концу первого срока правления Владимира Путина Запад осознал, что Россия пережила катастрофу 90-х. И хотя она перестала быть сверхдержавой, а ее экономический, военный и политический потенциал по сравнению со временами СССР многократно снизился, де-юре и в силу психологической инерции Россия продолжает воспринимать себя и, главное, продолжает восприниматься другими в качестве одного из ведущих государств мира.

Причина не только и не столько в оставшихся от СССР стратегических ракетах, запасах нефти и газа — они подкрепляют, а не определяют место России в мире. Причина в ее статусе государства-победителя, которое совместно с США (при участии других союзников) создало после войны еще продолжающую функционировать современную политическую систему.

Одновременно к середине нулевых стало ясно и то, что Америка не смогла конвертировать невиданную в человеческой истории экономическую и военную мощь в неограниченную политическую власть. Политика Буша-младшего разбудила на всех континентах, практически во всех странах, даже союзных с США, мощные антиамериканские настроения, никем не предвиденную энергию сопротивления. Мир не принял гегемонию и диктат Америки. Провал «кавалерийской атаки» Буша-младшего показал, что Запад еще не может полностью отказаться от Ялтинско-Потстдамской системы мироустройства, заменив ООН, с ее постоянными членами Совбеза, на, например, возглавляемую Соединенными Штатами Лигу демократий с блоком НАТО в роли мирового жандарма.

Вместе с тем, Ялтинско-Потстдамская система делает возможным «возвращение» России в качестве самостоятельного и равноправного цивилизационного центра, что способно поставить крест на однополярном мире в форме Pax Americana. Казалось бы, неразрешимое противоречие.

Одним из ответов на этот вызов для США и транснациональной, точнее трансгосударственной элиты стала концепция Второй

мировой войны, базирующаяся на тождестве «сталинизма» и нацизма, и признании равной ответственности Германии и СССР/России за ее развязывание.

Такой подход ко Второй мировой позволяет перевести Россию из разряда государств-победителей и отцов-основателей, столпов современной политической системы, в разряд потерпевшего поражение агрессора (Германия в 1945 г., СССР в 1991 г.), не подрывая легитимность Ялтинско-Потстдамской системы и тем самым содействуя ее трансформации в Pax Americana.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНТЕРЕС

В новой версии Второй мировой войны, наряду с глобальной элитой и Соединенными Штатами, оказался кровно заинтересован и Европейский союз (ЕС). В середине нулевых ЕС начинает активно позиционировать себя на международной арене в качестве самостоятельного и претендующего на ведущие роли игрока. Однако современный миропорядок — это все еще результат Победы, а большинство членов Европейского союза являются не победителями, а побежденными.

Почти вся континентальная Европа, прямо или опосредованно, воевала на стороне Германии, которая сейчас является неоспоримым лидером и столпом Евросоюза. Только в советский плен попало 464 147 военнослужащих из тех европейских стран, которые формально не участвовали в войне против СССР. А это примерная численность пяти (!) общевойсковых армий РККА в 1943 г. Или еще одна крайне показательная цифра: 86% европейцев, погибших на фронтах Второй мировой войны, погибли, сражаясь за Гитлера.

Во многом именно соединение стратегических интересов рвущегося к гегемонии Евросоюза с психологическими комплексами побежденных сделало неизбежным активную поддержку новой концепции войны Европой. Как отмечают А.С. Сенявский и Е.С. Сенявская в исследовании «Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики», когда «эти психологические закономерности дополняются государственными интересами, подобное явление переоценок и даже оценочных инверсий становится вполне объяснимым: политика смыкается с массовыми общественными настроениями и опирается на них, **даже если "новые интерпретации" полностью противоречат исторической правде** *(выделено мною — И.Ш.)*» [4].

Особенности проявления «комплекса побежденного» в современной Европе, в первую очередь, в Германии, раскрывает социолог А.Г. Здравомыслов: «Рассказ о войне в этих странах и, прежде всего, в Германии, непопулярен. Этот "рассказ" желательно вытес-

нить из памяти! <...> Но поскольку это невозможно, постольку возникает искушение включить в него какие-то оправдательные аргументы, прежде всего, за счет такого представления победившей стороны, которое дезавуирует значение и смысл самой победы, приравнивает в каких-то отношениях "победителя" и "побежденного", палача и его жертву. Концепция тоталитаризма как раз и предоставляет логические средства для отождествления "фашизма" и "коммунизма"» [5].

А.Г. Здравомыслов на основе экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты выявил и конкретные формы современного проявления «комплекса побежденных» в Германии. Среди них на первое место он поставил «стремление ввести в дискурс концепцию "равной ответственности" Германии и Советского Союза за развязывание войны и равной "ужасности" войны и, как следствие, дегероизация воинского подвига советской стороны» [6].

Рассмотрению «комплекса побежденных» в качестве одной из причин заинтересованности Европейского союза в пересмотре смысла Второй мировой войны ни в коей мере не противоречит тот факт, что Франция (второй столп ЕС) имеет статус государства-победителя и участника антигитлеровской коалиции. Не надо забывать, что само понятие «коллаборационизм» родом из Франции. Количество французов, сложивших свои головы под знаменами Третьего рейха (в основном на Восточном фронте) составляет примерно 40 тысяч, что в два с лишним раза превышает количество французов, павших в рядах Сопротивления — около 20 тысяч [7]. Это не считая потерь французских добровольческих формирований СС и вермахта, которые в основном были разгромлены советскими войсками. Например, осенью 1941 г. при наступлении на Бородино (!) всего за несколько дней потери французского добровольческого 638-го полка вермахта примерно в пять раз превысили численность летчиков, воевавших в прославленной «Нормандии — Неман».

Новая концепция войны предоставила всем этим странам уникальную возможность перейти их разряда побежденных агрессоров или пособников агрессора в разряд жертв советской тоталитарной империи. Было бы очень странно, если бы Евросоюз этой возможностью не воспользовался и поставил бы историческую правду выше собственных интересов.

Необходимо учитывать и то, что для Германии и ее соучастников из континентальной Европы тезис о равной ответственности Третьего рейха и СССР за войну — это лишь первый шаг к полному обелению себя. Показательно, какую официальную формулировку в своей исторической политике использует Евросоюз: «преступления сталинизма и нацизма». Она позволяет для «краткости»

опускать стоящий на втором месте «нацизм» и оставлять один «сталинизм», что активно и делают уже не один год европейские СМИ. Если все будет идти так, как идет, то не за горами время, когда уже на официальном уровне Европа окажется жертвой лишь одного тоталитаризма — сталинского, от которого в 1941 году она должна была превентивно защищаться.

Поэтому заявление Арсения Яценюка, в бытность его премьер-министром Украины, о том, что «мы все очень хорошо помним советское вторжение на Украину и в Германию» [8], — это совсем не следствие его непроходимого кретинизма. Именно таким мелким, как бы безответственным политическим деятелям Евросоюз и доверяет ответственную миссию вбрасывать в общественное пространство нужные для пересмотра истории тезисы. Напомню, что первое официальное обвинение СССР в развязывании Второй мировой войны в соответствии с преступным Пактом Молотова — Риббентропа было сделано в 2009 г. тоже на крайне низком, можно сказать безответственном уровне — в резолюции Сейма Польши.

В Евросоюзе, естественно, есть не только побежденные. Великобритания, в отличие от Франции, по праву считается страной-победительницей. Однако и Лондон оказался жизненно заинтересован в пересмотре истории Второй мировой войны. В первую очередь для того, чтобы не допустить возвращения в разряд великих держав своего многовекового противника — России, а, во-вторых, чтобы переложить на СССР вину за спровоцированную Британской империей мировую бойню.

Особая активность Польши на поприще фальсификации истории войны объясняется целым рядом причин и комплексов, связанных с ее положением между жерновами германского и русского мира, «своего среди чужих и чужого среди своих». Польше сейчас жизненно важно сохранить западные области, отторгнутые от Германии в ее пользу по инициативе Сталина, и одновременно восстановить влияние в потерянных после Освободительного похода Красной Армии «Восточных кресах». Для достижения этих целей Варшаве необходимо в мировое общественное мнение прочно внедрить образ жертвы немецкого и русского тоталитаризма и империализма. Но с белыми одеждами невинного страдальца, умученного двумя тиранами по Пакту Молотова — Риббентропа, совершенно не вяжется реальная предвоенная деятельность Польши, которую Черчилль совершенно справедливо называл «гиеной Европы». Отсюда и проистекает чрезмерная экзальтированность, на гране истерики, «исторической политики» Польши.

К стратегическим интересам ЕС, обуславливающим его заинтересованность в пересмотре смысла войны, следует отнести и то, что расширение Евросоюза осуществлялось и планируется осуществлять на территориях, которые либо вышли (Восточная Евро-

па и Балканы), либо должны выйти, с точки зрения евростратегов, из-под контроля России (Белоруссия, Украина, Молдавия, Закавказье).

В связи с этим новая концепция Второй мировой войны, превращающая Россию из победителя в побежденного, которому предстоит искупить вину перед пострадавшей от его агрессии Европой, в полной мере отвечает геополитическим устремлениям Евросоюза. Включая и реального союзника СССР по антигитлеровской коалиции — Англию, и мечтающую о гегемонии в Балто-Черноморском регионе Польшу. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что целый ряд стран ЕС рассчитывает в процессе покаяния России за развязывание войны получить от нее деньги и территории.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР

Существенную роль в рождении новой концепции Второй мировой войны на Западе сыграл и цивилизационный фактор. Одним из первых на это обратил внимание историк О.Б. Неменский: «Без осуждения России Запад не может быть уверен в положительной самооценке, то есть в позитивном восприятии своего исторического опыта и своих ценностей. А ведь западные ценности мыслятся универсальными (общечеловеческими) именно благодаря уверенности в том, что они суть Абсолютное Добро. Либеральные ценности заменили Западу христианство, он религиозно верен им, он через них себя осознаёт — и этому ничто не должно мешать. Особенно — историческая память» [9].

Нацизм, трактуемый как Абсолютное Зло, был побежден не Абсолютным Добром, а Россией, которая не может трактоваться как Добро, так как не является Западом. Следовательно, отмечает О.Б. Неменский, «надо представить дело так, что сама война была результатом сговора этих двух Зол, и таким образом — их совместным мероприятием. <...> То, что эти две державы потом стали воеватьдруг с другом, и одна победила другую — ну, это их же неудача, неудача Зла» [10].

Это неизбежно порождает крайне важное дополнение к новой концепции войны. Победа в «холодной войне» не может в полной мере считаться окончательной победой сил Добра над силами Зла — произошла она «"как-то неправильно", без американских танков в Кремле — так что Зло там еще живет, просто стало слабым, но оттого не менее опасным» [11].

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Для властных элит постсоветских государств рожденная на Западе новая концепция Второй мировой войны оказалась просто подарком судьбы, позволяющим удерживать контроль над «охот-

ничьими угодьями», нежданно-негаданно полученными на полное разграбление в результате распада СССР. Для сохранения «незалежности» от России им было необходимо не только найти сильного покровителя (вступить в НАТО), но и создать мощные внутренние силы для противодействия любым попыткам интеграции постсоветского пространства. Тема «преступлений» «сталинизма» как нельзя лучше подходила для создания образа России — империи зла, источника всех прошлых и нынешних бед маленькой, но гордой нации (название подставить).

Однако совместная Победа в самой страшной и кровавой войне в истории человечества не разъединяла, а объединяла народы. Память о ней — прямой вызов жизненным интересам постсоветских элит, жаждавших сохранять свою власть и богатства. Соответственно, столь желанным для них оказалась концепция равной ответственности СССР и Германии. Никакой Великой Отечественной войны — схватка двух тоталитарных империй, в жернова противоборства которых попали все те же маленькие, но гордые народы. Вполне закономерно, что закон о декоммунизации Украины оказался в «одном флаконе» с запретом самого понятия «Великая Отечественная война».

***

Как видим, пересмотр смысла Второй мировой войны явился следствием начала в середине нулевых годов двадцать первого века нового этапа борьбы за геополитический передел мира, борьбы, порожденной крахом СССР и биполярной системы мироустройства. Никакого отношения к развитию исторической науки он не имеет. Перед нами не мода или эпидемия исторических изысканий, а «историческая политика», точнее, геополитика.

Соответственно, пересмотр истории войны — это вызов не отечественной исторической науке, а России. Идет большая политическая игра, ставка в которой — будущее России и ее народа, а не та или иная трактовка событий 80-летней давности. Меняя отношение к прошлому, мы меняем будущее. Причем это не теория, а хорошо известная нам практика. Историческое оружие уже доказало свою силу в период развала СССР.

В рамках этого нового этапа геополитической борьбы, призванного блокировать возвращение России в разряд великих держав, пересмотр смысла Второй мировой войны призван содействовать четкому и однозначному перераспределению ролей в новой геополитической картине мира XXI века:

- Запад — спаситель человечества от чумы двадцатого века (тоталитаризма в форме нацизма и «сталинизма»). Он принес на алтарь победы неисчислимые жертвы. Его священный долг, миссия — не допустить повторения трагедии прошлого столетия, защищать и продвигать демократию;

• Россия и послевоенная Германия — правопреемники потерпевшей поражение тоталитарной империи, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если Германия давно встала на путь исправления и искупления и заслужила право войти в семью цивилизованных народов, то России еще только предстоит этот путь пройти. «Десталинизация», как и «денацификация», — тяжелый и долгий процесс.

ПАКТ – ПОШАГОВАЯ ДЕМОНИЗАЦИЯ

Ключевую роль во внедрении нового смысла войны призван сыграть Пакт Молотова — Риббентропа, которому отводится роль наглядного «доказательства» сговора двух тоталитарных империй зла против мира Свободы, и который, якобы, положил начало Второй мировой войне. В новой концепции на него возложена системообразующая функция.

Вполне естественно, что в этих условиях Запад в преддверии 60-летия Победы «вдруг» вновь вспомнил про Пакт, вспомнил и ужаснулся. Ведущие западные издания бросились дружно просвещать своих читателей о сем кошмарном факте русской истории. Свободолюбивые властители дум прогрессивного человечества сочли своим долгом поведать ему (человечеству) об охватившем их отвращении от сделки двух тоталитарных монстров, развязавших 23 августа 1939 года Вторую мировую войну. Конгресс США принялся принимать одну за другой резолюции с призывом к России покаяться за совершенные на основе Пакта преступления СССР.

В 2008 году более 400 членов Европейского парламента выступили с инициативой провозгласить день подписания Пакта Молотова — Риббентропа «Днем памяти жертв сталинизма и нацизма». Минул год, и Европарламент принимает декларацию «Европейское сознание и тоталитаризм», в которой черным по белому записано: «Поскольку Европа не будет единой, если она не сможет сформировать общее представление о своей истории, не признает фашизм, сталинизм, фашистские и коммунистические режимы общим наследием и не организует честного и внимательного обсуждения преступлений этих режимов в прошлом веке <...> [Европарламент] предлагает провозгласить 23 августа Общеевропейским Днем памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов, памяти, которая должна чтиться с достоинством и беспристрастностью» [12].

Не осталась в стороне от магистральной линии и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Парламентская ассамблея ОБСЕ поспешила утвердить резолюцию «Воссоединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», в которой полностью поддержала инициативу Европарламента объявить 23 августа Об-

щеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма и тем самым официально приравняла нацизм и коммунизм.

Польша, спустя 70 лет после начала Второй мировой войны, неожиданно открыла для себя и всего мира, что в 1939 году она стала жертвой агрессии не только Третьего рейха, но и СССР, и утвердила сие историческое открытие резолюцией Сейма: «Семнадцатого сентября 1939 года войска СССР без объявления войны совершили агрессию против Речи Посполитой, нарушая ее суверенитет и попирая нормы международного права. Основание для вторжения Красной Армии дал пакт Молотова — Риббентропа, заключенный 23 августа 1939 года в Москве между СССР и гитлеровской Германией. Таким образом был произведен четвертый раздел Польши. Польша пала жертвой двух тоталитарных режимов — нацизма и коммунизма» [13].

Демонизация Советского Союза с помощью Пакта достигла такого масштаба, что «маленькие, но гордые» прибалтийские республики поспешили воспользоваться моментом и стали выставлять России фантастические счета на сотни миллиардов долларов за «оккупацию», а в Эстонии и вовсе додумались до требования передать им во временное пользование Новосибирскую область. Такое заявление на встрече с президентом Эстонии сделал председатель специальной «государственной комиссии по расследованию репрессивной политики» профессор Торонтского университета Велло Сало (в годы войны служил добровольцем в диверсионном полку «Бранденбург 800»): «Пусть, например, в наше пользование отдадут Новосибирскую область, на территории которой в течение определенного количества лет мы могли бы делать лесозаготовки» [14].

Продолжателей дела фашистских пособников из Прибалтики вскоре превзошла Румыния, которая во время войны отправила на Восточный фронт вторую по численности (после Вермахта) армию. Ее президент 22 июня 2011 г. в день 70-летия начала Великой Отечественной войны заявил, что имея такого союзника, как Гитлер, он бы тоже в 1941 году отдал приказ о нападении на СССР. Естественно, во имя восстановления территориальной целостности Румынии, попранной в результате «преступного» Пакта Молотова — Риббентропа: «Если бы я был в тот исторический момент, то отдал бы такой же приказ, потому что у нас был союзник, и нам надо было вернуть территорию. Если бы были те условия, вероятно, я бы так и сделал» [15].

На призыв России осудить столь вопиющее заявление США, Евросоюз, ОБСЕ и ПАСЕ ответили красноречивым молчанием.

Дальше — больше. Госдеп США в 72-ю годовщину Пакта официально объявил СССР виновным в развязывании Второй мировой войны: «В этот день, более семидесяти лет назад, нацистская

Германия и Советский Союз предприняли шаги, которые поставили Европу и весь мир на путь неминуемой войны» [16].

Прошел всего год, и уже один из высших чиновников ЕС Вивиан Рединг, заместитель председателя Еврокомиссии, еврокомиссар по делам юстиции говорит о виновности СССР в развязывании Второй мировой войны как о чем-то само-собой разумеющемся и очевидном: «73 года назад, 23 августа 1939 года, нацистская Германия под руководством Гитлера и Советский Союз под руководством Сталина подписали пакт, который изменил историю и положил начало самой безжалостной войне в истории человечества» [17].

Следует отметить, что отождествление Советского Союза, внесшего решающий вклад в победу над фашизмом, с Третьим рейхом, а также подмена смысла Второй мировой войны — события, определившего судьбы мира, — задачи не из легких. Соответственно, Запад решает их предельно осторожно, пошагово. Показательна форма, в которой Америка признала ответственность СССР за развязывание войны — заявление посольства США в Эстонии. Документ официальный, а уровень предельно низкий. Дезавуировать его легко без малейшего урона для репутации США. Точно так же и в Евросоюзе — пробный шар вбросила мало кому известная дама- еврокомиссар. Конечно, она чиновник очень высокого ранга, но при этом Брюсселю не составило бы труда отмежеваться от ее мнения. Главное в другом: принципиально важный шаг сделан, и если реакции нет (а ее не было), тогда позицию застолбили и пошли дальше.

Проявлением такой пошаговой тактики является и то, что лидеры великих держав Запада еще воздерживаются от слишком откровенных и брутальных заявлений о виновности СССР/России за Вторую мировую войну. В последние годы эта «честь» предоставлена президентам, премьерам и парламентам стран Восточной Европы, Прибалтики, Грузии, Молдовы, а теперь и Украины. Их задача — сделать обыденным звучание подобных утверждений на высоком государственном уровне. И работают они над решением поставленной задачи не покладая рук. Заявления, декларации, резолюции, одна скандальней другой, сыплются, как из рога изобилия.

Президент Латвии Раймондс Вейонис (2015 г.): «Подписанный 23 августа 1939 года Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом и прилагавшийся к нему секретный дополнительный протокол были незаконной и циничной сделкой, заключенной за счет третьих стран. Это был пакт войны, раздора и уничтожения, который полностью разрушил созданную после Первой мировой войны систему безопасности в Европе. Этот пакт открыл

СССР путь на Запад, дал "зеленый" свет началу Второй мировой войны и санкционировал агрессию и репрессии в отношении тысяч людей» [18].

В 2016 г. Сейм Республики Польша и Верховная Рада Украины приняли совместную Декларацию Памяти и Солидарности: «Мы, представители Сейма Республики Польша и Верховной Рады Украины, совместно и одновременно принимаем эту Декларацию Памяти и Солидарности, чтобы отдать дань миллионам жертв, которые понесли наши народы во время Второй мировой войны, и осудить внешних агрессоров, которые пытались уничтожить нашу независимость.

Мы привлекаем внимание к тому факту, что пакт Риббентропа — Молотова от 23 августа 1939 года, заключенный между двумя тоталитарными режимами — коммунистическим Советским Союзом и нацистской Германией, привел к взрыву 1 сентября Второй мировой войны, вызванной агрессией Германии, к которой 17 сентября присоединился Советский Союз. Следствием тех событий была оккупация Польши Германией и Советским Союзом и массовые репрессии против наших народов. Те события привели также к принятию в Ялте в 1945 году решений, которые начали новый этап порабощения всей Восточной и Центральной Европы, длившийся полвека» [19].

«НЮРНБЕРГ-2»

Одними гневными обличениями преступного Пакта дело, естественно, не ограничилось, да и не могло ограничиться. За преступления надо отвечать, надо понести наказание. Германия его понесла, она пусть и не полностью, но искупила свою вину перед человечеством. Теперь пришла очередь России. Поэтому в общественное сознание начинает внедряться тема «Нюрнберга-2».

В логике новой концепции войны, внедряемой Западом последовательно и неуклонно, как бульдозер, иного и быть не могло. Если «сталинизм» и нацизм — близнецы-братья, если СССР и Третий рейх 23 августа 1939 г. запустили маховик мировой войны, что уже официально признано на уровне международных организаций и правительств демократических стран, то почему осужденными до сих пор остаются злодеяния одного нацизма?

Тему нового Нюрнбергского процесса Запад раскручивает по уже хорошо отработанному пошаговому алгоритму. Медленно, но верно. 23 августа 2011 года министры юстиции стран ЕС приняли Варшавскую декларацию, в которой заявили о том, что «преступления тоталитарных режимов в Европе, независимо от их рода и идеологии, должны быть признаны и осуждены» [20]. И никакой

конкретики, ведь главным было застолбить позицию, что Европа — жертва тоталитарных режимов.

Каких? Догадайтесь сами. Впрочем, для того, чтобы никто не ошибся, в Декларации особо подчеркивается необходимость оказывать политическую и финансовую помощь некоммерческим организациям (НКО) стран Восточного партнерства, «которые активно вовлекаются в изучение и сбор документации, связанной с преступлениями, осуществленными тоталитарными режимами» [21].

Уже тогда Модест Колеров предупреждал: «В переводе на русский практический язык это значит, что политическим классам Армении, Азербайджана, Грузии, Украины, Молдавии, Белоруссии <...> прямо указано собирать материалы к обвинительному заключению по новому "Нюрнбергскому процессу" против России. <...> "десталинизация" становится прямым условием их интеграции в ЕС, супротив которого "музеи оккупации" покажутся детским лепетом» [22]. К сожалению, в российском МИД и правительстве этому предупреждению не вняли. А жизнь подтвердила справедливость его слов: прибалтийские и грузинские «музеи оккупации» — детский лепет по сравнению с тем, какими методами сейчас избавляют Украину от наследия «тоталитарного коммунистического режима» при полной поддержке кураторов из Евросоюза.

Первой непосредственной реакцией на Варшавскую декларацию стало решение Национального следственного управления Венгрии начать расследование «военных преступлений» Советской Армии на венгерской территории в ходе боев 1945 года. Той самой Венгрии, которая до конца была верной союзницей Третьего рейха, и войска которой немцы на оккупированных советских территориях использовали преимущественно в качестве карателей.

В том же 2011 году главы Чехии, Болгарии, Румынии, Латвии, Литвы и Венгрии публикуют письмо в Еврокомиссию с призывом законодательно запретить в Европе отрицание преступлений коммунизма.

В 2012 году в Брюсселе проводится конференция «Правовое урегулирование коммунистических преступлений» с участием членов Европарламента, на которой предлагается создать наднациональную судебную организацию для расследования и осуждения преступлений, совершенных коммунистическими тоталитарными режимами.

Прошло два года, и в очередную годовщину подписания Пакта Молотова — Риббентропа 23 августа 2015 года предпринимается следующая попытка перевести идеи «Нюрнберга-2» в практическую плоскость. Министр юстиции Эстонии Урмас Рейнсалу пред-

ложил своим коллегам из Евросоюза: «Преступления коммунистических режимов на сегодняшний день не подлежат компетенции ни одного международного суда. Поэтому я предлагаю заключить межгосударственное международное соглашение, в соответствии с которым будет учрежден межгосударственный суд для расследования преступлений коммунизма, так, как расследуют преступления нацизма. Этого требует память о жертвах, и новое поколение европейцев должно взять на себя ответственность за то, чтобы преступления коммунизма были бы осуждены» [23].

Заметьте, все предельно реалистично. Трибунал планируется создать не на основе решения Совбеза ООН (право вето у России), а межгосударственного договора, который должны подписать правительства приверженных свободе и демократии стран. При этом опять без преждевременной конкретизации. В 2011 г. речь шла о преступлениях тоталитарных режимов вообще. Теперь о преступлениях коммунистических режимов. Хотя всем совершенно очевидно, что кроме СССР и его правопреемника России на роль ответчика в подобном трибунале никто не планируется. Не Китай же они собираются предавать суду! Поэтому можно быть уверенным, что через совсем непродолжительное время необходимые уточнения будут сделаны.

Под документом, призывающим создать «Нюрнберг-2», поставили свои подписи представители министерств юстиции восьми государств: Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, Чехии, Венгрии и Грузии. Кто-то скажет, что не стоит обращать внимание «на убогих». Собаки лают — караван идет. Только о тождестве нацизма и «сталинизма» и виновности СССР за Вторую мировую войну первоначально тоже говорили «убогие». Лиха беда начало.

ПАКТ И ХОЛОКОСТ

Новая концепция войны и признание Пакта Молотова — Риббентропа преступным сговором двух империй зла по системе «снежного кома» неизбежно ведет к объявлению Советского Союза ответственным и за Холокост. Дико звучит? Страну, спасшую евреев от истребления нацистами, обвинить в Холокосте? Курам на смех! Такого не может быть, потому что не может быть никогда. Однако столь же дикими всего 15 лет назад казались и утверждения о тождестве «сталинизма» и нацизма. Теперь все это закреплено в официальных документах ПАСЕ и ОБСЕ.

В 2009 году председатель еврейской общины Литвы на официальном приеме в присутствии президента Литовской республики заявил о Пакте Молотова — Риббентропа: «Этот пакт, а иначе говоря, сталинско-гитлеровский сговор, который произошел 70 лет назад, открыл путь советской оккупации и Холокосту» [24]. В 2015

году эта же мысль озвучивается уже в Германии директором Института культурологии города Эссена Клаусом Леггеви: «Обе диктатуры разделили Центральную и Восточную Европу и превратили регион в худший очаг военных действий. И Холокост стал возможен только из-за молчаливой позиции Советского Союза» [25]. Уровень, конечно же, опять крайне низкий, но очередной шаг в нужном направлении сделан, и дальнейшая пропагандистская работа себя не заставила долго ждать.

В 2018 г. на сайте литовского МИД был опубликован красочный плакат к очередной годовщине Пакта Молотова — Риббентропа, который должен был всем наглядно раскрыть «преступную» сущность Пакта: начало Второй мировой, Холокост, оккупации малых народов Европы. Такие вот «веселые картинки». Казалось бы, литовская инициатива. Но очень скоро выяснилось, что литовским в этой истории был только сайт МИД. Сам плакат подготовила Группа по стратегическим коммуникациям Евросоюза, созданная и финансируемая Брюсселем для борьбы с «фейк-ньюс» из России. Именно она стоит за прямым обвинением СССР в Холокосте методом наглядной агитации.

Годом ранее, в 2017 г., министр обороны Польши Антоний Мацеревич (подчеркнем: член правительства одного из государств Евросоюза, лицо официальное) выступил с обвинением Советского Союза в Холокосте: «В мире все еще нет осознания, а стоит это, наконец, осознать, что не было бы Холокоста, если бы не пакт Молотова — Риббентропа, не было бы этого преступления, которое по сей день является символом Второй мировой войны» [26].

При этом Мацеревич самым непосредственным образом связал обвинение СССР в Холокосте с необходимостью нового Нюрнберга: «Нюрнбергский приговор не включает в себя того, что без российской, большевистской инициативы не было бы Второй мировой войны. Пакт Молотова — Риббентропа сделал возможным уничтожение всей Европы <...> до 2015 года признавались права одного из соучастников и осуждался второй. Давно пора сделать все, чтобы те, кто развязал Вторую мировую войну, те, кто довел до крайних страданий все человечество, те, на чьих руках и сегодня кровь миллионов польских граждан и страдания всего мира, понесли полную ответственность за свои поступки. Так, как понесли ее немецкие агрессоры — подданные Гитлера» [27].

Конечно, можно объявить польского министра сумасшедшим, вспомнить о том, что он уже отправлен в отставку. Все это можно сделать. Нельзя только закрывать глаза на то, что все эти странности и глупости по «странному стечению обстоятельств» последовательно работают на одну цель — на пересмотр истории Второй мировой войны. И происходит все это по одному и тому же, как уже выше говорилось, пошаговому сценарию. Сначала вбросы диких

идей маргиналами, потом их обсуждают на уровне ученых, потом общественных деятелей, затем официальных представителей третьестепенных стран, а потом уже дело доходит до международных организаций. Обвинение СССР/России в Холокосте сейчас явно начинает выходить на официальный уровень в третьестепенных странах. Напомню, что и первое официальное обвинение Советского Союза в развязывании Второй мировой войны прозвучало тоже в Польше.

На новую концепцию истории Второй мировой, основанную на равной ответственности СССР и Третьего рейха за войну (доказательством чего является «преступный» Пакт Молотова — Риббентропа) в России отреагировали незамедлительно, причем на самом высоком уровне. А это однозначно свидетельствует о прекрасном понимании руководством России того, что пересмотр истории войны — это проблема не историческая, а геополитическая, и решать ее надо не историкам, а политикам.

15 мая 2009 г. президент (на тот момент) Дмитрий Медведев своим указом создал специальную Комиссию при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Назначил ее руководителем одного из высших государственных чиновников страны — руководителя Администрации Президента РФ. Тем самым возвел борьбу с подменой смысла Второй мировой войны в ранг государственной политики.

Тогда это событие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Страны Запада и подконтрольные им международные структуры, давно превратившие историю в эффективное средство решения политических задач, дружно закричали о недопустимости вмешательства государства (естественно, российского) в исторические споры. Либеральная общественность внутри страны и вовсе устроила истерику: цензура, свобода нашего слова в опасности, 37-й год на пороге!

Всего через несколько месяцев после создания Комиссии в 70-ю годовщину начала Второй мировой войны (1 сентября 2009 г.) в «Российской газете» вышла в свет программная статья министра иностранных дел Сергея Лаврова «Трагедия Второй мировой: кто виноват?», в которой он ясно и недвусмысленно предостерег Запад от попыток переписывать историю: «Верхом исторического ревизионизма стала попытка поставить знак равенства между 23 августа и 1 сентября 1939 года — заключением советско-германского Договора о ненападении и нападением Германии на Польшу. <...> Победа далась нам слишком дорогой ценой, чтобы мы позволили ее у нас отнять. Для нас это — "красная линия". Если кому-то хочется нового идеологического противостояния в Европе, то исторический ревизионизм, попытки превратить историю в инструмент практической политики — прямой к нему путь» [1].

Более того, Лавров открыто предупредил Запад о возможных ответных ходах России в случае продолжения такой исторической политики и посоветовал хотя бы из чувства самосохранения «не ворошить прошлое»: «Как быть со Странной войной, которая указывает на весьма неприглядные замыслы западных союзников по отношению к Советскому Союзу в связи с нападением гитлеровской Германии на Польшу? Как быть с коллаборационизмом, присутствовавшим повсюду? В ряде стран примерно равное число граждан участвовали в Сопротивлении и служили в войсках СС, в том числе на Восточном фронте. Некоторые до сих пор отстаивают право борьбы за независимость в эсэсовской форме. Кто направлял агрессию гитлеровской Германии на Восток? Кто срывал все попытки обеспечить мир в Европе посредством гарантирования границ восточных соседей Германии, включая идею заключения Восточного пакта? Этот перечень можно продолжить» [2].

Сильно сказано. Казалось бы, после таких заявлений официального представителя великой державы заказчики новой концепции войны должны были «семь раз отмерить», прежде чем начинать раскручивать маховик кампании по пересмотру истории Второй мировой. Однако на Запад предупреждение российского министра абсолютно не подействовало. Почему? Никто просто-напросто не поверил в то, что слова министра иностранных дел России будут подкреплены делами. И надо признать — они не ошиблись.

ГЛАВА II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

ИГРА В ПОДДАВКИ?

Всего через несколько дней после грозной статьи Сергея Лаврова польский Сейм 23 сентября 2009 г. принял резолюцию, в которой квалифицировал освобождение Красной Армией в сентябре 1939 г. оккупированной поляками Западной Украины и Западной Белоруссии как агрессию против Польши. Тем самым впервые на официальном уровне Советский Союз был объявлен агрессором, развязавшим Вторую мировую войну (пока совместно с Германией). Какой была российская реакция? Предельно лаконичный комментарий Департамента информации и печати МИД с призывом жить дружно и оставить историю историкам: «По-прежнему глубоко убеждены, что вопрос о генезисе Второй мировой войны по прошествии семидесяти лет должен быть, наконец, оставлен историкам» [3]. Государственная Дума и вовсе решила не унижаться до ответных шагов в связи со столь «несущественным» событием и поручила Комитету по международным делам направить польским коллегам письмо с призывом жить дружно.

Менее чем через год после этой польской провокации власти России и вовсе решили во имя этой самой дружбы в очередной раз покаяться перед Варшавой за сталинские «преступления» в специальном заявлении Государственной Думы: «Наши народы заплатили огромную цену за преступления тоталитаризма. Решительно осуждая режим, пренебрегавший правами и жизнью людей, депутаты Государственной Думы от имени российского народа протягивают руку дружбы польскому народу и выражают надежду на начало нового этапа в отношениях между нашими странами, которые будут развиваться на основе демократических ценностей» [4].

Для сравнения давайте посмотрим, как сражается на историческом поле Польша, и не она одна, а в целом противники России. В том же 2009 г., во многом стартовом для кампании по подмене смысла Второй мировой, военный историк Сергей Ковалев на сайте Министерства обороны опубликовал статью в защиту Пакта Молотова — Риббентропа, в которой раскрыл факты неблаговидной деятельности Польши, направленной на срыв всех попыток СССР создать в 1939 г. антигитлеровскую коалицию. Вывод автора с научной точки зрения был безупречен, а с политической предельно корректен: «Значительная доля ответственности за провал усилий по созданию коллективного противовеса фашистской агрессии лежит и на "малых" странах Европы. Романтическая вера в

справедливость и защиту со стороны западных демократий, заигрывание вместе с тем с гитлеровской Германией, антисоветская зашоренность (нередко с антирусскими элементами) превратили их на некоторое время в фишки на мировой политической доске, где они не могли повлиять на ход событий» [5].

Напомню, это была научная статья военного историка, а не постановление парламента страны. Однако Польша устроила грандиозный скандал («нас обвинили в начале Второй мировой!»), грозилась даже разорвать дипломатические отношения с Россией. В поддержку «оклеветанной жертвы двух тоталитарных империй зла» тут же выступили ведущие западные СМИ, правительства и пресса прибалтийских республик, Грузии и Молдавии. Как обычно, в истерике забилась прогрессивная общественность России.

Реакция российской власти не заставила себя долго ждать. Испуг был столь велик, что статью стремительно стерли с сайта Министерства обороны, а начальнику Генерального штаба (!) генералу армии Макарову пришлось лично откреститься от автора: «Данная публикация носит дискуссионный характер, является отражением точки зрения автора, но никак не официальной позицией Министерства обороны России ... Министерство обороны Российской Федерации придерживается твердой принципиальной позиции, что в исторических вопросах не должно быть места конъюнктурным фальсификациям, научной некомпетенции, небрежного, двойного трактования известных фактов и официальных документов» [6].

Фактически, Россия извинилась перед Польшей за то, что кто-то у нас в стране посмел сказать правду о предвоенной политике польского государства. И это произошло уже после создания президентской Комиссии по противодействию фальсификации истории.

Нельзя забывать и того, что все та же прогрессивная общественность тогда требовала обрушить на автора крамольной статьи всю мощь этой самой президентской Комиссии и развернула кампанию травли историка, с целью сорвать защиту его докторской диссертации. Вот такой наглядный урок был преподан всем российским ученым — знай, что с тобой будет, если посмеешь противиться установке Запада об ответственности СССР за войну и усомнишься в преступном характере Пакта Молотова — Риббентропа.

Или другой, не менее красноречивый пример из того же 2009 года. Известный российский журналист Владимир Мамонтов, на тот момент главный редактор «Известий», в статье под говорящим названием «Не те освободители» открыто вступил в полемику с поборниками нового смысла войны: «Поляки вот тоже очень расстраиваются. Не те освободили. Ах, где были бы миллионы наших критиков, если бы мы не подписали пакта Молотова — Риббентро-

па (и воистину, из нашего прекрасного далека глядя, подленького секретного протокола)? Гитлер ухайдокал бы всех, всех до одного пап и всех мам большинства нынешних критиков, вылетели бы они через трубу известных концентрационных фабрик свободы. Только дым был бы гуще. Он ведь не делал, так сказать, секретных протоколов из своих планов» [7]. По странному стечению обстоятельств автор вскоре сменил должность главного редактора «Известий» на «почетную» должность президента редакции. «После того» не значит «вследствие того», но подобные наступательные, уверенные в собственной правоте публикации почему-то надолго исчезли из центральных российских СМИ.

Так российская власть защищала «красную линию» практически до самого последнего времени. С одной стороны была последовательная и жесткая, бескомпромиссная историческая политика, с другой — умоляющие призывы оставить «историю историкам», создание видимости бурной деятельности и регулярные победные реляции: «мы не поддались на очередную грязную провокацию фальсификаторов истории, стремящихся обострить наши отношения с ...» (далее по списку государств, устраивающих глумление над памятью о советских воинах-освободителях).

Отсюда и неизбежный результат — базовые положения новой концепции войны (равная ответственность СССР и Третьего рейха, Пакт Молотова — Риббентропа — спусковой крючок войны) уже закреплены на уровне официальных документов ПАСЕ, ОБСЕ и большинства стран Запада, прочно вошли в западное общественное сознание. Медленно, но верно идет работа по подготовке «Нюрнберга-2» — процесса над «сталинизмом». Начато внедрение идеи об ответственности Советского Союза за Холокост. Если осознать, что подмена смысла Второй мировой войны — события, определившего судьбы мира — задача архисложная, то такой результат, достигнутый всего за 10 лет, иначе как крупным геополитическим успехом Запада назвать нельзя.

В мае 2019 г. Сергей Лавров опубликовал статью «О Победе», в которой, если называть вещи своими именами, признал провал российской политики на историческом поле. Признал очевидное — все, что он призывал Запад не делать 10 лет назад, уже сделано. Хуже того, ныне делается в несоизмеримо более кощунственной форме, чем в 2009 г. Тогда никто еще не решался устраивать массовый снос памятников советским воинам-освободителям, объявляя их памятниками оккупантам и агрессорам, как это сделала в последние четыре года Польша.

Кстати, совершенно безнаказанно. На публику был вулкан гнева, десятки филиппик официального представителя МИД РФ Марии Захаровой, сравнившей даже польское руководство с запрещенным в России ИГИЛ: «Те, кто уничтожает памятники в

Польше, во многом уподобляются ближневосточным террористам» [8]. В то же время, за кулисами, МИД тихо и буднично продлил на очередной срок крайне выгодный для Польши Договор о дружественном и добрососедском сотрудничестве, статья №17 которого прямо обязывает поляков охранять советские воинские мемориалы.

Впрочем, вернемся к новой статье Сергея Лаврова. «Наши недоброжелатели, — пишет он, — стремятся умалить роль Советского Союза во Второй мировой войне. Представляют СССР если не как главного виновника войны, то как агрессора — наряду с фашистской Германией, муссируют тезисы о «равной ответственности». На одну доску цинично ставятся нацистская оккупация, унесшая десятки миллионов жизней, преступления коллаборационистов и освободительная миссия Красной армии. Возводятся монументы в честь пособников фашистов. В то же время памятники воинам-освободителям и захоронения павших бойцов в отдельных странах подвергаются осквернению и разрушению. Хотел бы напомнить: Нюрнбергский трибунал — а его решения стали неотъемлемой частью международного права — четко определил, кто стоял на стороне добра, а кто на стороне зла. В первом случае — это СССР, вознесший на алтарь Победы миллионы жизней своих сынов и дочерей, другие государства антигитлеровской коалиции. Во втором — режим Третьего рейха, страны Оси и их приспешники, в том числе на оккупированных территориях. <...> Не лишне напомнить, что даже в годы «холодной войны» подобного кощунства не наблюдалось, хотя идеологическое противостояние, казалось бы, к этому располагало. Тогда мало кто осмеливался оспаривать решающую роль СССР в нашей общей Победе» [9].

Главным в этом тексте министра является не дежурные и набившие оскомину, при всей их внешней эмоциональности, обвинения в адрес фальсификаторов истории, а слово «осмеливался». Сразу возникает вопрос — а почему они сейчас осмелели? Именно он имеет ключевое значение для понимания причин провала российской исторической политики в последнее десятилетие.

Конечно, у РФ и СССР — совершенно разные весовые категории. Нынешняя Россия еще только-только возвращает себе статус великой державы, а Советский Союз имел статус сверхдержавы. Но списывать на это беззубую историческую политику ни в коей мере нельзя. Достаточно вспомнить, как на историческом поле воюют куда более слабые, чем Россия, государства. Например, Турция или та же Польша.

Нельзя объяснить провал и непониманием серьезности угрозы. Как уже выше говорилось, российская власть на вызов новой концепции войны ответила сразу же и на самом высоком уровне. Да, и в последней статье Сергея Лаврова четко говорится о геопо-

литической подоплеке якобы «исторических» споров: «Сегодня, извращая прошлое, западные политики и пропагандисты хотят заставить общественность сомневаться в справедливости того мироустройства, которое было утверждено в Уставе ООН по итогам Второй мировой войны. Взят курс на подрыв существующей международно-правовой системы, ее замену на некий "порядок, основанный на правилах"» [10]. Здесь ни прибавить, ни убавить. Диагноз абсолютно четкий.

Поэтому первопричину «беззубой» исторической политики российских властей надо искать не в мощи или немощи государства и не в глупости или безволии чиновников. Она в природе правящего класса России, сформировавшегося в конце 80-х — начале 90-х.

ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ И ПЕРЕСМОТР ИСТОРИИ

Уникальность российской ситуации состоит в том, что в отечественной элите есть влиятельная группировка, кровно заинтересованная в развенчании Победы. Кроме того, есть не менее влиятельная группировка, абсолютно незаинтересованная в противодействии западной политике пересмотра смысла войны, и есть еще более многочисленная и влиятельная группировка, интересы которой препятствуют организации эффективного отпора фальсификаторам.

Проще всего позицию первой группы, активно поддержавшей западную концепцию истории войны, объяснить ее стремлением угодить Западу, привычкой «шакалить у посольств» и любовью к иностранным грантам. Однако полагаю, что эта публика (именуемая сейчас либералами, а в 80-90-е гг. — демократами) все это писала/говорила бы и на общественных началах, хотя за гонорары «зеленью», конечно, делать такое сподручнее.

Стремление к очернению русской истории у части российской элиты возникло не сегодня и не в горбачевскую перестройку. Как отмечал академик Александр Панченко, еще в царствование Николая I в России проявились люди, в сознании которых произошло отождествление понятий «Россия» и «зло», и которые стали бороться не со злом в России, а с Россией — источником зла [11]. О них писал Пушкин:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый свет увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.
Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда полки бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.

Причина появления таких людей в русском обществе и сама природа этого явления глубоко и всесторонне исследованы в теории антисистем Л.Н. Гумилева и теории малого народа (не путать с евреями) И.Р. Шафаревича. Но это отдельная тема.

Для нас в данном случае важно то, что деятельность этих людей всегда неизбежно предполагает в качестве главной цели разрушение источника зла, то есть, России, до основания. Однако добиться этой цели невозможно, пока не разрушишь систему ценностей народа, не оторвешь нацию от ее корней, пока не внедришь в общественное сознание ненависть к своему прошлому. Поэтому обращение к «исторической политике» стало закономерным результатом выхода на общественную арену этих радикальных борцов «за светлое будущее», преисполненных ненависти к России и всему русскому, которые очень быстро превратились в радикальных борцов с прошлым, с традицией. Достоевский вложил в уста одного из таких «бесов» чеканную формулу: «Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш» [12]. Так было во времена Достоевского, так остается и сейчас.

Причем деятельность этих «бесов», регулярно меняющих самоназвания и знамена, не сводится лишь к «языку ненависти», с проявлениями которого мы сталкиваемся ежегодно перед 9 мая. Например, Игорь Губерман (поэт): «На самом деле ведь Великой Отечественной войны не было. Была Вторая мировая война, которая началась в сентябре 1939 года, когда Сталин и Гитлер поделили Восточную Европу» [13]. Артемий Лебедев (дизайнер): «В России есть только один культ хуже православия — культ Дня победы» [14]. Подобных высказываний представителей российской элиты, особенно ее творческой части, можно привести огромное множество. Но если бы только этими вспышками ненависти все и ограничивалось, свобода слова, как-никак. Все гораздо серьезнее.

Начало на Западе массированной кампании по пересмотру истории войны совпало по времени с началом в России кампании модернизации страны, провозглашенной президентом Медведевым. Причем очень быстро выяснилось, что во имя светлого модернизированного будущего необходимо в первую очередь радикально модернизировать сознание народа, а значит, как водится, «снести» его обветшавшие традиции и ценности. Игорь Юргенс, руководитель организации, выступавшей в качестве идеологического штаба Дмитрия Медведева (ИНСОР — Институт современного развития), так прямо и заявил, что основная опасность для страны — «архаичность российского народа, который не раньше 2025 года окажется "ментально совместим" со среднестатистическим прогрессивным европейцем» [15]. Владислав Сурков, в те годы первый заместитель главы Администрации Президента, главный идеолог и пиарщик правящего режима, тогда же провозгласил лозунг: «Осторожно — традиция!» [16]. Интересен и контекст, в

котором он предложил рассматривать модернизацию: «Большевизм — он рвал с внешними атрибутами и традициями, но суть традиции, архетип удержался, и он прорвался через все наслоения. По типу это была тирания в чистом виде, абсолютистская модель общества... И она нашла место себе в России именно потому, что этот архетип не был преодолен» [17].

Как видим, влиятельнейшие люди в российской элите практически открытым текстом заявляли о том, что их цель — разрушение народного архетипа. Вполне закономерно, что Победа, народная память о Великой Отечественной войне оказались одним из главных препятствий на их пути к очередному «светлому будущему», теперь в рамках западной цивилизации и торжества «общечеловеческих» ценностей.

Гордость за страну, за деяния своих отцов и дедов — стержень, не сломав который русскую матрицу не уничтожить, а значит, не уничтожить и Россию, как источник «зла». Поэтому новая западная концепция войны (война двух тоталитарных режимов) для «них» оказалась просто подарком. Ее продвижение и внедрение в российское общественное сознание в полной мере отвечало устремлениям данной группировки в российской элите.

Конечно, искренних адептов борьбы с Россией как источником зла, преисполненных ненависти ко всему русскому, в правящем слое России абсолютное меньшинство. Но они опираются на куда более многочисленную группировку в российской элите, которую все тот же Владислав Сурков очень точно назвал «офшорной аристократией». Главная их мечта — стать частью западной элиты. Запад для них — свет в окошке, а Россия — лишь «зона свободной охоты», по точному определению Михаила Ходорковского. И ссориться с Западом из-за каких-то там трактовок исторических событий им было совершенно не с руки.

Хотя и принимать западную позицию у них тоже не было никакого резона. В чем-чем, а в глупости российскую элиту заподозрить трудно. Она прекрасно понимает, что капитуляция на историческом поле неизбежно приведет к капитуляции на поле политическом, а далее и экономическом. Тогда «охотничьи угодья» неизбежно сменят хозяев, но без этих «угодий» ни о каком членстве в западной элите не может быть и речи. За что боролись?

Несомненно, в элите есть и искренние патриоты страны, и их немало, для кого страна — Родина, а не империя зла и не зона свободной охоты. Однако специфические особенности этой элитной группы, вышедшей на ключевые позиции в нулевые годы, но сформировавшейся еще в период краха СССР и в 90-е годы, мало способствуют противодействию фальсификации истории. Практически все они, за редким исключением, являются убежденными западниками. Иные просто не могли попасть во властный слой по правилам игры, определившимся еще при Горбачеве.

Однако если вы стремитесь стать частью Запада, пусть из самых что ни на есть патриотических побуждений, то ваша позиция не может в корне отличаться от позиции Запада как целого. Хотя вполне допустимо противоречие с позицией того или иного члена западного сообщества. Именно поэтому российские политики и СМИ из кожи вон лезли все последние десять лет, стараясь представить пересмотр истории Второй мировой войны результатом происков отдельных политиков-ястребов, стран «новой Европы» или пережитком «холодной войны», а никак не отражением стратегических интересов Запада.

Немалую роль в провале исторической политики России, если о такой вообще правомерно говорить, сыграл и антисоветизм с антикоммунизмом, свойственные и первой, и второй, и третьей группе в российской элите. Как можно было реально противостоять Западу, провозгласившему тождество «нацизма» и «коммунизма»/«сталинизма», если вся идеология и пропаганда в современной России строилась и строится на отрицании советского, коммунистического прошлого, если она вся пропитана антисталинизмом (сколько бы либералы не обвиняли Путина в реабилитации Сталина)?

Именно такие свойства отечественной элиты, сформировавшейся в период политического, духовного и экономического развала, предопределили характер российского ответа на «исторический» вызов Запада.

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЛЕ

Российская власть (за редким исключением), прогрессивная общественность (практически поголовно) и подконтрольное им подавляющее большинство информационных ресурсов страны, фактически, поддержали западную концепцию Второй мировой войны. Более того, активно занялись ее внедрением в общественное сознание России.

Доказательства? Извольте. Новая западная концепция войны имеет четыре ключевых элемента:

1. Пакт Молотова — Риббентропа привел к началу Второй мировой;

2. «Сталинизм» и нацизм — две формы преступного тоталитаризма;

3. Нацистский тоталитаризм ответил за свои преступления на Нюрнбергском процессе, советский остался безнаказанным, необходим «Нюрнберг-2» над «сталинизмом»;

4. Советская «империя зла» несет равную с Третьим рейхом ответственность за Холокост.

Теперь давайте посмотрим, как и кем все эти постулаты внедряются в общественной сознание России.

1. Со времен Александра Яковлева Пакт Молотова — Риббентропа в России официально считается преступным сговором Сталина и Гитлера. Да, на все том же официальном уровне решительно отрицается его связь с началом войны. Ну и что? Для новой концепции главное само признание преступности Пакта. Сделав первый шаг, неизбежно придется делать и второй — признать преступным не только сам Договор, но и катастрофичными для мира его последствия.

Именно по такой схеме работали с общественным мнением Запада. И следует обратить внимание на то, что российские либеральные идеологи и пропагандисты все последние десять лет заявляют о прямой связи Пакта с началом войны, как о чем-то само собой разумеющемся. Например, известный «россиевед» Игорь Чубайс: «Если говорить о том, что наша страна во главе с Иосифом Сталиным победила в 1945-м, то надо учитывать, что именно Сталин вместе с Гитлером развязали эту войну, о чем четко написано в секретном протоколе приложения к пакту Молотова — Риббентропа» [18].

Естественно, цитаты из протокола, в которой «четко написано», что Гитлер и Сталин развязали войну, Чубайс не приводит. Зачем? Законы пропаганды гласят — тысячу раз произнесенная ложь через какое-то время начинает восприниматься обществом как очевидность. Член правления «Мемориала» (иностранного агента) Ян Рачинский даже и не скрывает, что их задача — превратить утверждение о равной ответственности СССР и Германии за мировую бойню «в банальность»: «Они [Гитлер и Сталин] совместно развязали эту войну. И превращение этого очевидного факта в банальность с доведением до общего сознания, тоже было бы важным шагом в понимании того, что эти режимы — привсей различности идеологии — по масштабам преступлений, в общем, сходны» [19].

2. О тождестве нацизма и «сталинизма», второго ключевого элемента новой концепции войны, в России открытым текстом говорят лишь деятели типа Сванидзе, Чубайса, того же Рачинского. Например, чего стоит заявление Леонида Гозмана о том, что СМЕРШ Сталина хуже СС Гитлера: «Я считаю Сталина не менее отвратительным и преступным выродком, чем Гитлера. Я считаю его карательные органы не менее преступными и отвратительными, чем карательные органы Гитлера. ... У СМЕРШ не было красивой формы, но это, пожалуй, единственное их отличие от войск СС. Впрочем, есть еще одно — боевых частей у СМЕРШ не было, СМЕРШ специализировался только на борьбе со шпионами и внутренними врагами — в атаку они не ходили. Я не знаю, скольких они расстреляли, скольких отправили на смерть в наши лагеря? Я не знаю, сколько среди этих расстрелянных и арестованных было совсем ни в чем не повинных? Много» [20].

При этом надо учитывать, что все эти пропагандисты тезиса о тождестве нацизма и «сталинизма» в России вовсе не маргиналы. Они плоть от плоти российского правящего класса, видные его представители, не находящиеся, правда, в данный момент на высоких властных постах. Те же, кто на этих постах сейчас находится, а также государственная пропаганда, в основном специализируются на разоблачении преступлений сталинского режима, естественно, без проведения прямых параллелей с Гитлером.

Хотя иногда и их прорывает. Особо отличилась Мария Захарова, официальный представитель МИД России, директор департамента информации и печати, в должностные обязанности которой входит обрушивать громы и молнии на фальсификаторов истории Второй мировой войны. Но это на службе. Полемизируя с оппонентами о роли Сталина на своей странице в Фэйсбуке, она не сдержалась: «Руководители, которые уничтожали свой народ, горят в аду в два раза ярче тех, которые уничтожали чужой» [21]. Скандал вышел грандиозный, но ничем печальным для Захаровой он не закончился.

Кстати, это совершенно не помешало Марии Захаровой вскоре на мидовском брифинге, не моргнув глазом, мастерски пригвоздить к позорному столбу Генсека НАТО Йенса Столтенберга, посмевшего поставить Сталина в один ряд с Гитлером: «Это не столько неуместное заявление, сколько глупое ... Я списываю это все на дурное образование» [22]. Действительно, уравнять Гитлера и Сталина можно лишь по необразованности. Образованные люди, такие как кандидат исторических наук Мария Захарова, подобной глупости никогда не скажут. Учись, темный натовец!

3. Что же касается нового Нюрнбергского процесса, призванного осудить преступления «сталинизма», то здесь прямо-таки сплошная конспирология получилась. В 2011 г. Запад вбросил первый пробный шар — в Варшавской декларации министров иностранных дел Евросоюза было заявлено о том, что Европа в XX в. стала жертвой тоталитарных режимов, и содержался призыв дать правовую оценку преступлениям этих режимов «независимо от их рода и идеологии». Никакой конкретики Декларация не содержала, но каждому понятно, что правовая оценка подразумевает судебный процесс, а под еще неосужденным тоталитаризмом подразумевается «сталинизм». Для Запада тогда важно было застолбить саму идею «Нюрнберга-2», ввести ее в общественное пространство.

По совершенно случайному совпадению практически синхронно в том же 2011 г. Совет по правам человека при Президенте России выступил с инициативой сделать «антитоталитаризм частью официальной политики России» и провести радикальную десталинизацию страны под красноречивым лозунгом «Вся Рос-

сия — большая Катынь». Естественно, во имя «модернизации сознания российского общества через признание трагедии народа времен тоталитарного режима» [23] (сразу вспоминаются тезисы Юргенса и Суркова).

Для достижения столь «благородных» целей Совет предложил на президентском уровне утвердить общенациональную государственно-общественную программу с патетическим названием «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». При этом, по мнению ее разработчиков, достичь искомого «национального примирения» возможно лишь через признание того, что «вся Европа была жертвой, вся Европа виновна в трагедиях XX века — в двух мировых войнах, в двух тоталитаризмах».

Восхитительно, в какую красивую обертку авторы программы во главе с Сергеем Карагановым решили завернуть официальное признание Россией своей вины за развязывание Второй мировой войны — «все виновны». Конечно, после такого признания Россией своей вины быстро бы выяснилось, что ни Франция, ни Англия, ни Голландия с Португалией себя виновными не считают. Классическое либеральное шулерство.

Показательно и то, какими методами борцы с советским тоталитаризмом собирались проводить общенациональную промывку мозгов в процессе «десталинизации»: «Принять официальное постановление о том, что публичные выступления государственных служащих любого ранга, содержащие отрицание или оправдание преступлений тоталитарного режима, несовместимы с пребыванием на государственной службе» [24]. Вот так, не согласен с тем, что СССР (хотя бы и вместе со всеми) виновен в развязывании войны — лишись работы. На государственной службе должны остаться лишь те, кто не сомневается в истинности западной версии Второй мировой войны. Борьба с тоталитаризмом, доведенная до совершенства!

Следует особо подчеркнуть, что инициаторами всей этой провокационной затеи по внедрению западной концепции войны были опять-таки не какие-то маргиналы и даже не либеральные оппозиционеры. Ими были члены Совета при Президенте России. Влияние же Сергея Караганова на определение внешнеполитического курса страны в последние десятилетия и вовсе смешно отрицать.

В 2011 г. воплотить в жизнь эти планы не удалось, десталинизация всей страны не получилась. Как справедливо писал тогда Модест Колеров, слишком очевидно было то, что Программа президентского Совета «во многих своих пунктах совпадает с государственной националистической и этнократической пропагандой в странах Восточной Европы, теорией "оккупации" и "организован-

ного СССР геноцида", которые на практике становятся прямым инструментом русофобии и нового апартеида» [25]. Как результат, она вызвала настолько сильное общественное возмущение, что Дмитрий Медведев подписывать Программу не стал. Грубо говоря, «не прокатило». Не удалось «с черного хода» протащить официальное признание руководством России новой западной концепции войны. Но сама попытка крайне показательна.

4. На Западе тема ответственности за Холокост Советского Союза, спасшего еврейский народ от истребления нацистами, сейчас находится на самой начальной стадии раскрутки — на стадии скандальных заявлений отдельных журналистов, политиков и общественных деятелей. Заявлений, которые призваны обеспечить привыкание общественности к самой ее постановке по принципу «окна Овертона».

Примерно на том же этапе «внедрения» тема советской ответственности за Холокост находится и в России. Леонид Гозман регулярно шокирует российскую общественность, включая и еврейскую ее часть, заявлениями о том, что у евреев нет никаких оснований быть благодарными СССР за спасение: «Не скажу за всех евреев — разные есть мнения — но я никакой благодарности к Советскому Союзу и лично к товарищу Сталину не испытываю ... Или мы, сравнивая Сталина с Гитлером, должны быть благодарны ему и его системе за то, что он, в отличие от своего союзника 1939-1941 годов, не осуществлял целенаправленного уничтожения евреев лишь за то, что они евреи? Не уверен, что правильно испытывать благодарность к человеку за то, что он не совершал данного конкретного преступления» [26].

Еще дальше идет профессиональный открыватель «правды» о Второй мировой войне историк Марк Солонин, прямо проводящий параллель между Холокостом и Пактом Молотова — Риббентропа: «Каким образом на польской земле мог появиться созданный гитлеровцами "лагерь смерти"? Кто их туда пустил? Уж не помог ли кто-то Гитлеру разгромить Польшу?» [27].

Конечно, кто-то может сказать, что не надо сгущать краски. Во-первых, для противодействия фальсификации истории Второй мировой войны была создана целая специальная Комиссия при Президенте России. Во-вторых, в отличие от 90-х, патриотизм объявлен национальной идеей России. При государственной поддержке снимается большое число фильмов, прославляющих подвиг советских солдат. Время пасквилей, типа «Сволочи» или «Штрафбат», безвозвратно прошло.

Все верно, Комиссию создавали. Но явно для «выпускания пара». Слишком велико было в обществе возмущение глумлением Запада и российских СМИ над памятью о Великой Отечественной войне, а также бездействием властей России. Вот и создали Комис-

сию, включив в нее для верности деятелей типа Сванидзе. А то вдруг она начнет работать по-настоящему, и Запад усомнится в том, что российские власти — «свои буржуинские».

Что касается фильмов. В подавляющем своем большинстве они при всей внешней патриотичности основываются на той самой западной концепции войны: война на Востоке — это война двух тоталитарных режимов, схватка двух тиранов. За примерами далеко ходить не надо. К 74-й годовщине Победы на центральных каналах повторяли сериал «Истребители», один из лучших фильмов последних лет о войне, с Дмитрием Дюжевым в главной роли. Сценарий фильма в значительной мере основывается на фабуле легендарного фильма «В бой идут одни старики». И это можно было бы только приветствовать — подлинные шедевры берут себе за образцы нынешние режиссеры и сценаристы. Если бы не одно «но». Главный герой сериала нечета капитану Титаренко в исполнении Леонида Быкова. Он из «бывших», да не просто «бывших», он из «графьев». И воюет он за не за гнусный сталинский режим, а за Отечество. Тут же и символ этого режима — карикатурно тупой и кровожадный особист, которого, естественно, и в помине не было и не могло быть в том великом фильме.

За редким исключением такой нехитрый сюжетный ход кочует из фильма в фильм: советские солдаты и офицеры сражаются за Родину, в которой власть принадлежит кровавой тирании, олицетворяемой либо подонком-политруком, либо подонком-особистом. Но это является не чем иным, как подготовкой общественного мнения России к принятию новой концепции Второй мировой войны. Концепции, в соответствии с которой только на Западе шла борьба сил добра против сил зла, на Востоке тиран сражался с тираном, а попавшие в жернова противоборства нацизма и «сталинизма» народы и люди делали трудный выбор меньшего зла.

Поэтому есть все основания утверждать, что никакой целенаправленной борьбы против пересмотра истории на государственном уровне в последние десять лет вовсе не было, была лишь ее видимость. Что совершенно не отрицает того, что такая борьба велась на уровне отдельных структур и отдельных личностей. Честь им и хвала. Соответственно, нельзя и говорить о провале исторической политики России, направленной на защиту правды о Второй мировой войне. Невозможно провалить дело, которым не занимались.

«УМИРОТВОРЕНИЕ АГРЕССОРА»

Если внутри России власть либо не препятствовала, либо даже содействовала внедрению в общественное сознание новой концепции войны, то на внешнем контуре она, казалось бы, боролась с фальсификаторами истории всеми доступными средствами. Без

особого труда можно собрать тома документов, подтверждающих это.

Действительно, борьба такая велась и крайне напряженная борьба. Российский правящий класс в своем большинстве был совершенно не заинтересован в том, чтобы из элиты великой державы, имеющей право претендовать на особое место в мировой иерархии, превратиться в элиту государства, обязанного перед всем миром каяться и платить по историческим счетам. Что неизбежно, среди прочего, сократило бы и его (правящего класса) доходы с обретенных «охотничьих угодий». Однако при этом правящий класс России совершенно не был заинтересован и в том, чтобы рассориться с Западом. Отсюда столь явные попытки соединить несоединимое в российской исторической политике. С одной стороны, не допустить перевода России из статуса державы-победительницы в статус поверженного агрессора, с другой, сохранить единство с Западом, добивающимся этого.

Именно поэтому историческая политика России, обращенная во внешний мир, была направлена практически исключительно на то, чтобы убедить Запад «закрыть тему», а не на то, чтобы отстоять правду о войне. «Умиротворение агрессора» — наверное, самое точное определение того, что делали российские власти на историческом поле до самого последнего времени.

В самом начале развернутой на Западе широкомасштабной кампании по пересмотру истории войны Владимир Путин в преддверии 70-летия начала Второй мировой войны на страницах польской «Gazeta Wyborcza» публикует статью «Страницы истории — повод для претензий или основа для примирения?». Практически одновременно в «Российской газете» выходит и упоминавшаяся выше статья Сергея Лаврова «Трагедия Второй мировой: кто виноват?». В этих работах ясно и четко изложена стратегия и тактика политики «умиротворения», реализации которой и была подчинена историческая политика России, обращенная за рубеж.

1. Россия осуждает сталинский тоталитарный режим, признает преступный и аморальный характер Пакта Молотова — Риббентропа, за который страна официально покаялась: «В нашей стране аморальный характер пакта Молотова — Риббентропа получил однозначную парламентскую оценку» [28], судьбу народа России «исковеркал тоталитарный режим».

2. Пакт — не единственный «спусковой крючок» войны. СССР был вынужден пойти на его заключение в условиях провала политики коллективной безопасности. «Можно с полным основанием осудить пакт Молотова — Риббентропа, заключенный в августе 1939 года. Но ведь годом раньше Франция и Англия подписали в Мюнхене известный договор с Гитлером» [29]. Поэтому все государства небезгрешны. Нет страны, которая не знала бы «решений,

далеких от высоких моральных принципов». Лавров эту мысль сформулировал еще более прямо: «Не думаю, что всем понравится публично ворошить прошлое, где немало страниц, о которых многие хотели бы забыть» [30].

3. Пересмотр истории войны — это рецидив «конфронтационного наследия эпохи "холодной войны"». Нам всем необходимо руководствоваться идеалами антигитлеровской коалиции, ее создание — «это, без преувеличения, поворотный пункт в истории XX века» Тем более, сегодня, «когда нас скрепляют единые ценности — мы просто обязаны использовать этот опыт партнерства».

4. Ради общего блага и памяти о совместной борьбе с нацизмом, за победу над которым советский народ заплатил 27 миллионов жизней, давайте оставим историю историкам, «перевернем страницу и начнем писать новую».

В рамках этой системы координат и строилась вся историческая политика России на внешнем контуре: мы признаем все ваши обвинения, но и вы сами не без греха, претензий можем предъявить немало, поэтому давайте оставим прошлое историкам, а сами займемся взаимовыгодным экономически сотрудничеством и строительством единой системы безопасности. Казалось бы, предельно прагматичный подход — «и волки сыты, и овцы целы». Однако, как и следовало ожидать, такая историческая политика привела к полному провалу.

Во-первых, как уже говорилось выше, Запад не поверил в то, что российские власти, действительно, предъявят миру его «грязное белье». И не ошибся. Это было бы равносильно прямой конфронтации с Западом, на что российская элита идти добровольно ни в коей мере не хотела. О чем на Западе, естественно, прекрасно знали.

Во-вторых, реализация этой угрозы в принципе не могла нанести ведущим странам Запада критического ущерба, страх перед которым мог бы заставить их отказаться от пересмотра истории Второй мировой войны. Выигрыш в историческом противостоянии сулит Западу огромные стратегические дивиденды, а проигрыш чреват всего лишь не критичным ущербом для репутации. В отличие от России, положение Запада в современном мире определяется, в первую очередь, победой в «холодной войне», а не во Второй мировой.

Кроме того, нельзя не учитывать и того, что утверждение о «не единственном спусковом крючке» работает на интересы Запада, если, конечно, не переводится в практическую плоскость. Утверждая это, Россия фактически сама признает свою вину за развязывание мировой бойни. От того, что и другие государства виновны в преступлении, вина нашей страны ни в коей мере не отменяется и даже не уменьшается. Кстати, именно по этой схеме («все винов-

ны») пытались протащить официальное признание ответственности СССР за развязывание войны разработчики программы «десталинизации» страны во главе с Сергеем Карагановым.

Довод о решающем вкладе СССР в Победу является абсолютно неопровержимым, но и он не мог дать ожидаемого результата. Дело даже не в том, что странно рассчитывать в политике на благодарность за уже совершенное добро. В рамках нового смысла войны подобная постановка вопроса просто неуместна. «Для Западной Европы конец Второй мировой войны означал освобождение. Для Центральной и Восточной Европы конец войны означал советскую оккупацию» [31]. Такое американский президент (Буш-младший) позволял себе говорить даже в начале кампании по пересмотру смысла войны, отправляясь в Москву на празднование 60-летия Победы.

Заявления российской стороны о том, что «один раз покаялись, и хватит», «пора оставить историю историкам» при всей их очевидности дают и вовсе обратный эффект. Первое выставляет Россию в роли преступника, вынужденно признавшего свою вину перед цивилизованным миром, но не раскаявшегося в совершенном преступлении, а, следовательно, способного вновь повторить содеянное. Очевидно, что по-настоящему раскаявшийся преступник будет каяться столько, сколько считает нужным не он, а его жертва. До полного искупления или прощения.

Второе — «оставить историю историкам» — на общественном уровне воспринимается как косвенное признание Россией своей вины, ее намерение увести опасную тему в тишь научных кабинетов и на страницы малотиражных исторических книг и журналов. На уровне же властных элит Запада служит еще одним доказательством нежелания России реально бороться на историческом поле, воспринимается как «приглашение» к следующим шагам.

Не могли спасти ситуацию и заявления о том, что в условиях надвигающейся войны провал англо-франко-советских переговоров не оставил Советскому Союзу другого выхода, кроме заключения договора с Третьим рейхом: не было другого способа обеспечить собственную безопасность, вот и пришлось пойти на постыдный Пакт. Вынужденный характер преступления не отменяет и не оправдывает самого преступления. Современная Румыния постоянно твердит о вынужденном характере своего союза с Гитлером, но разве это снимает с нее вину за агрессию против СССР?

Провалом закончились и все попытки России при «умиротворении» Запада воззвать к былой солидарности участников антигитлеровской коалиции, противопоставить «фальсификаторам» совместную позицию победителей фашизма.

Российские надежды разрешить проблему, задействовав «дух Ялты и Потсдама», очень точно передали историки А.С. Сенявский

и Е.С. Сенявская: «Конструктивная память о Второй мировой войне должна быть направлена не на обострение проблем и противоречий, а на утверждение ценности мира и согласия. Однако базироваться они могут только на исторической правде, **на тех ценностях, которыми руководствовались страны Антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом, нацистской агрессией, расизмом и геноцидом** *(выделено мною — И.Ш)*» [32].

В какой мере соответствует действительности представление о том, что антигитлеровскую коалицию объединяли общие духовные ценности или (на худой конец) общее неприятие антиценностей — фашизма, расизма, ксенофобии — показывают попытки России побудить Запад обратить внимание на откровенную реабилитацию нацизма в Прибалтике и на Украине.

Казалось бы, ход беспроигрышный. Запад в целом и его общественное мнение в особенности крайне чувствительны к проявлениям расизма и ксенофобии, к ущемлению прав национальных меньшинств. Во многих странах ЕС предусмотрена уголовная ответственность за малейшие симпатии к национал-социализму и Третьему рейху. Поэтому не осудить страны, в которых эсэсовцам ставят памятники и чествуют их, как национальных героев, Запад просто не может. Теоретически, да.

Реальность совсем иная. По инициативе России Генеральная Ассамблея ООН 17 ноября 2011 приняла резолюцию «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». В резолюции со ссылкой на Приговор Нюрнбергского трибунала, итоговые документы Всемирной конференции по борьбе против расизма (ЮАР, 2011 г.) и другие международные акты выражается обеспокоенность подъемом в «некоторых странах» экстремистских движений и политических партий, пропагандирующих расизм, этноцентризм и ксенофобию, занимающихся распространением идеологии фашизма и расового превосходства.

Особо в документе осуждается практика героизации и прославления нацистского движения и ветеранов СС путем причисления «тех, кто боролся против антигитлеровской коалиции и сотрудничал с нацистским движением», к участникам национально-освободительного движения.

Соединенные Штаты Америки, Англия и Франция (всего лишь «отдельные участники антигитлеровской коалиции» — по выражению российского МИДа) проголосовали против резолюции. Все страны Евросоюза, оплота толерантности и политкорректности, прямо или косвенно (воздержавшись) выступили против осуждения расизма и ксенофобии, реабилитации и прославления нацизма. Европейская общественность, правозащитные организации и

свободолюбивые СМИ даже не сочли нужным обратить на этот факт внимание.

Следует отметить, что эту резолюцию Россия вносит в Генеральную Ассамблею ООН ежегодно, и из года в год картина голосования не меняется.

Результат закономерный и легко предсказуемый. Ни о какой измене идеалам или забвении ценностей здесь речь не идет. Изначально было очевидно, что данная Резолюция направлена против активно работающих на интересы Запада прибалтийских режимов и антироссийских сил в других постсоветских государствах. Не менее очевидно было и то, что она осложнит реализацию Западом его «исторической политики», внедрение нового смысла Второй мировой войны, т.е. осложнит ему борьбу за геополитический передел мира.

Запад никогда не путал свои стратегические интересы с их идеологическим и пропагандистским обеспечением. Поэтому он поступил так, как должен был поступить в этих условиях, исходя из собственных интересов. Из чего вовсе не следует, что где-нибудь в Париже или Берлине сейчас позволят поставить памятник эсэсовцам (при всем обилии желающих такое сделать).

Очевидную неслучайность этого голосования, невозможность объяснить его лишь чьими-то ошибками, недопониманием или происками вынужден был признать и МИД России: «Вынуждены констатировать, что итоги голосования отражают появившиеся в Европе реваншистские тенденции в отношении забвения уроков Второй мировой войны, переписывания ее результатов и пересмотра решений Нюрнбергского трибунала» [33].

Как видим, историческая политика России на внешнем контуре, призванная убедить Запад «закрыть тему» и «оставить историю историкам», полностью провалилась. И это не было недоработкой исполнителей. Такая политика не могла не провалиться. Нельзя было убедить Запад вывести геополитическую составляющую за скобки исторических споров, в условиях, когда ради этой геополитической составляющей Запад и начинал кампанию пересмотра истории Второй мировой войны.

Однако власть имущим в России так хотелось верить, что за историческими баталиями, развернувшимися в полную силу десять лет назад, стоят не стратегические интересы Запада как цивилизационного целого, а происки отдельных политиков-ястребов или стран «новой Европы». Что все это не более чем пережиток «холодной войны» и все вот-вот рассосется.

Ничего удивительного в такой позиции нет. Даже на шестом году украинского кризиса в российской элите немало тех, кто продолжает надеяться на то, что все происходящее — это трагическое недоразумение или следствие чьих-то ошибок, что главное «не

обострять» и стремиться найти компромисс с некими здоровыми силами Запада.

Показательна в этом отношении реакция Москвы на восстановление полномочий российской делегации в ПАСЕ. Зам. министра иностранных дел РФ Александр Грушко тут же поспешил заявить о готовности вернуться к проекту Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: «Мы рассчитываем, что с началом в ЕС нового политического цикла удастся, наконец, вернуться к работе, к которой мы приложили немало усилий и времени, по выстраиванию на равноправной и взаимовыгодной основе общего экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока» (4 июня 2019, Интерфакс). Надежда, как известно, умирает последней. Особенно если под нее выстроены жизненные стратегии правящего класса.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Однако «все течет, все изменяется». В конце 2014 г. в разгар украинского кризиса Владимир Путин на встрече с молодыми учеными-историками вдруг заявил: «Советский Союз подписал договор о ненападении с Германией. Говорят: "Ах, как плохо!" А что же здесь плохого, если Советский Союз не хотел воевать? Чего же здесь плохого-то? Это первое. А второе: даже зная о неизбежности войны, полагая, что она может состояться, Советскому Союзу, кровь из носа, нужно было время для того, чтобы модернизировать свою армию» [34]. Всего через несколько месяцев, 10 мая 2015 г., на совместной пресс-конференции с Ангелой Меркель Владимир Путин еще раз подтвердил, что считает заключение Пакта Молотова — Риббентропа в тех исторических условиях оправданным.

Скандал вышел немалый. Газета «Ведомости» так информировала своих читателей о реакции западных СМИ на слова Путина: «В заголовке статьи Daily Telegraph говорится, что Путин сказал, что в "советско-нацистском пакте" не было "ничего плохого". The New York Times пишет, что Путин "выступил в защиту" "советско-нацистского пакта". Израильская Ha'aretz пересказала статью Telegraph с заголовком о том, что Путин назвал "советско-нацистский" пакт легитимным и возложил ответственность на Великобританию за действия Гитлера в Европе. Irish Independent в заголовке приписывает Путину слово "безобидный" в качестве характеристики пакта. В заголовке Independent говорится, что Путин предлагает винить Францию и Британию за военные действия нацистов в Европе» [35].

Влиятельная британская газета «Financial Times» на основе анонимного опроса западных дипломатов пришла к показательному выводу — реабилитация Путиным Пакта «может означать, что Россия пересматривает современный мировой порядок» [36]. Ни

много, ни мало. Как видим, геополитическая подоплека «исторических» споров о Пакте Молотова — Риббентропа — секрет полишинеля.

Крайне болезненной реакция на слова Путина была не только на Западе, но и в самой России. Либеральная общественность, как у нее водится в таких случаях, тут же впала в истерику. Ее кумиры и властители дум с пеной у рта бросились напоминать читателям, зрителям, слушателям о «преступной природе» Пакта. Еще раз подчеркиваю, это были совсем не маргиналы. Так, например, счел необходимым на страницах газеты «Коммерсантъ» дезавуировать высказывание Президента (правда, не называя его) директор Госархива России Сергей Мироненко: «Пакт Молотова — Риббентропа — это ... преступление советского руководства и лично товарища Сталина» [37]. А еще говорят, что в России авторитаризм.

Сейчас мы можем только гадать: то ли из-за мощного сопротивления в российской элите и крайне негативной реакции Запада, то ли по каким-то еще неизвестным нам причинам, официальной реабилитации Пакта вслед за словами Путина не последовало.

Однако в 2019 г. Сергей Иванов, мягко говоря, не последний человек во властной иерархии России, счел необходимым в обширном интервью РИА «Новости» высказать свой, естественно, исключительно «свой» взгляд на Пакт Молотова — Риббентропа: «Требовалось оттянуть начало войны с Германией. И почему СССР должен был первым вступить в войну с гитлеровской Германией, вопреки ясно декларированному мнению правительства Польши, и навязывать полякам свою защиту, посылать на смерть своих солдат ради спасения Польши, когда Великобритания и Франция воевать с ней не хотели?» [38].

Мало этого, Сергей Иванов заявил о том, что инициированное Александром Яковлевым осуждение Пакта на Съезде народный депутатов СССР «служило делу нашего дипломатического, идеологического и фактического разоружения перед Западом в перестроечную эпоху и в 90-е» [39]. Крамола неслыханная в устах представителя власти!

К одним только словам новые веяния, обнаружившиеся летом 2019 г., не свелись. В России было принято решение салютом отметить 75-летие освобождения от немецко-фашистских захватчиков столиц прибалтийских республик СССР. Напомню, в рамках новой концепции войны и признания преступной природы Пакта, их полагалась считать жертвами «советской оккупации».

Прибалтийские режимы тут же попытались задействовать столько лет безотказно работавшую «дубину» Пакта и Секретных протоколов. «Это циничный шаг и провокация в преддверии 80-й годовщины пакта Молотова — Риббентропа и его секретных протоколов, создавших предпосылки для начала Второй мировой вой-

ны и оккупации Литвы» [40], — заявили в литовском МИД. Раньше после подобных напоминаний о «сговоре» Сталина-Гитлера Москва тут же отступала и начинала извиняться. В данном же случае им просто посоветовали не лезть в чужие дела — когда и в честь чего салютовать, Россия решает сама.

Как говорится, «крот истории роет медленно, но неотвратимо».

Возникает вопрос — почему власть явно идет на пересмотр официального отношения к Пакту? Прозрели? Смешно. Статьи Путина и Лаврова уже далекого 2009 г. явно показывают, что никто в геополитических целях кампании по пересмотру истории и не сомневался. Что же изменилось? Изменилось и российское общество и, может быть, в меньшей мере, но изменилась и российская элита.

Массированная кампания по внедрению нового западного смысла войны на внутрироссийском поле дала результат прямо противоположный целям ее организаторов. В этом отношении крайне показательны полные пессимизма статьи одного из руководителей «Левада-центра» Алексея Левинсона.

В период перестройки, пишет он, обнародованная «правда» о советской истории вызывала «два вида реакции. Первый — чувство вины, ответственности, стыда, обязанности раскаянья и покаяния. Второй — угрюмое молчание». Ныне, с горечью признает он, все переменилось: «Распространяющийся теперь вариант развития исторического сознания и исторической ответственности состоит в оправдании действий «руководства», которые в момент их рассекречивания рассматривались как преступления или чудовищные просчеты. По всей видимости, о такой оценке хотя бы догадывались те, кто сведения об оных фактах засекречивал. А потомки от таких оценок отказываются» [41].

Все социологические опросы показывают, что с каждым годом число тех, кто осуждает Пакт, неуклонно снижается. А число тех, кто готов им гордиться, столь же неуклонно возрастает. Причем в первую очередь среди молодежи, на которую так рассчитывали организаторы кампаний по «модернизации» сознания российского народа. «Несомненный для жителей Прибалтики факт оккупации в России несомненным готовы признать три человека из ста», — ужасается Левинсон. То ли дело было в конце 80-х!

Сейчас, на беду либералам, общественные настроения в корне изменились, и на потоки грязи, вылитые в последние годы на советскую историю и Великую Победу, народ ответил Бессмертным полком.

В условиях противостояния с Западом не учитывать общественные настроения власть просто не может. Хотя, конечно, только

этим объяснить недавно проявившуюся тенденцию пересмотра стратегии и тактики исторической политики России нельзя. Имитация борьбы за историческую правду вполне могла бы быть ответом на общественные настроения. Механизм прекрасно отработан.

Более вероятной является другая причина — инстинкт самосохранения начинает работать и в российской элите. И надо признать, Запад для его пробуждения потрудился основательно.

С начала 90-х гг. жизненные стратегии представителей правящего класса строились примерно по одному алгоритму: зарабатывать здесь, жить там. Замок в Англии или вилла на Лазурном берегу считались признаком жизненного успеха даже у тех, кто не имел ни малейшего шанса ими обзавестись.

Отсюда, как уже говорилось выше, упорное стремление уклониться от противостояния с Западом, тем более из-за «каких-то там исторических вопросов», стремление к максимальным уступкам ради достижения компромисса. Но за последние несколько лет Запад слишком явно дал понять, что на компромиссы идти не собирается. Российскую элиту поставили перед выбором: или утрата «охотничьих угодий» в России или утрата «замков» и «вилл», обретенных на доходы от «охотничьих угодий». Судя по тому, как развивается украинский кризис, в российской элите все более и более растет влияние тех, кто предпочитает сделать трудный выбор в пользу «угодий». Сдашь «угодья» — отберут и «замки», сохранишь «угодья» — новые «замки» построишь. Соответственно, сторонникам этого выбора необходимо сильное государство, способное обеспечить сохранность их «угодий». Государство, капитулировавшее на «историческом фронте», на такую роль не подходит по определению. Оно годится лишь на роль инструмента перераспределения собственности, в широком смысле слова, в пользу победителей.

Поэтому, действительно нет худа без добра. Запад извне, а либералы изнутри создали условия для начала коренного пересмотра исторической политики России. Состоится пересмотр или не состоится, сейчас предсказать невозможно. Но тенденция обозначилась.

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ

В случае если линия, направленная на последовательное отстаивание национально-государственных интересов на историческом поле, восторжествует, то неизбежно встанет и вопрос о переосмыслении значения Пакта Молотова — Риббентропа. Уйти от проблемы оценки Пакта, замолчать или обойти ее невозможно. О чем наглядно свидетельствуют обращения к этой теме Владимира Путина и недавнее интервью Сергея Иванова. При этом надо отдавать себе

отчет в том, что нынешнее преобладающее одобрение Пакта в российском обществе носит преимущественно эмоциональный характер, вызвано отторжением либеральной пропаганды. Эмоции, чувства обязательно должны быть подкреплены знанием подлинной природы Пакта и его значения для Победы.

К счастью, за последние годы Пакт был объектом не только «исторической политики», но и исторической науки. По проблемам предвоенной истории в целом, Пакта Молотова — Риббентропа и связанных с ним событий проведено огромное количество научных исследований, конференций и дискуссий, в которых участвовали ведущие российские и зарубежные ученые, в научный оборот введены значительные пласты недоступных ранее документов. Благодаря работам историков у российского общества в настоящее время появились возможности для выработки отношения к Пакту, опираясь на накопленные наукой знания, а не пропагандистские штампы, фальшивки и лозунги.

Конечно, оценки Пакта и у историков далеко не единодушные. В.П. Смирнов в историографическом исследовании «Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков» выделяет «два основных направления, которые условно можно назвать "традиционным" и "критическим". "Традиционалисты" в основном следуют за исторической справкой "Фальсификаторы истории", оправдывая советскую внешнюю политику накануне и во время Второй мировой войны. "Критики" осуждают многие аспекты этой политики, считая, что они были порождены тоталитарным сталинским режимом; противоречили демократическим принципам и международному праву, затрудняли борьбу против фашизма» [42].

Нет ничего удивительного в существовании порой диаметрально противоположных оценок Пакта Молотова — Риббентропа у историков. Пакт является элементом «исторической политики», которая, в свою очередь, — разновидность политики, а не исторической науки. Ни история, ни какая-либо другая наука не в состоянии взять на себя функцию объективной оценки текущего политического процесса и выработки «научно верных» политических решений.

Кроме того, на оценки историков существенное влияние оказывает не только их собственная политическая позиция, но и изменение «политического климата». Политика есть политика. На это явление обращал внимание один из ведущих отечественных военных историков, президент Ассоциации историков Второй мировой войны О.А. Ржешевский: «Российские историки-ревизионисты, заимствуя распространенную на Западе негативную трактовку договора, нередко "переписывают" свои собственные оценки. Профессор В.И. Дашичев в своем труде "Банкротство стратегии гер-

манского фашизма", изданном в 1973 г., приводит цитату, согласно которой советско-германский договор о ненападении "расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для обороны страны" (Т.1, С.8). В "переработанном и дополненном" издании 2005 г. договору дается иная оценка: "Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г."» [43].

Однако все это ни в коей мере не противоречит тому, что в настоящее время благодаря трудам историков у российского общества появилась возможность выработать отношение к Пакту на основе добытых наукой знаний. Речь идет не об оценках историков, а о результатах исследований действий и интересов всех сил, причастных к событию, его международного контекста и порожденных им последствий.

ГЛАВА III

«ПРЕСТУПНЫЙ ПАКТ» БЕЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Именно добытые исторической наукой знания открывают возможность для анализа Пакта Молотова — Риббентропа уже с точки зрения его соответствия нормам международного права, морали и государственных интересов России. На основе этого и должна вырабатываться политическая оценка как самого Договора, так и обусловленных им событий. Без чего, в свою очередь, невозможно построение эффективной «исторической политики» России.

Трактовка Пакта Молотова — Риббентропа как преступного сговора двух тоталитарных «империй зла» прочно вошла в общественное сознание, превратилась в само собой разумеющуюся характеристику для западной и отечественной либеральной пропаганды, получила прописку даже и в официальных документах. Но обвинения в преступлении должны опираться не на эмоциональные характеристики, а на указание конкретных норм международного права, которые попрал («преступил») советско-германский Договор.

С последним, однако, туго. При колоссальном количестве обличительных публикаций, реальных обвинений в адрес Пакта совсем не много. Объясняется это тем, что, как отметил молдавский историк права Александр Буриан, юридической оценкой Пакта преимущественно «занимаются не специалисты в области международного права, а настоящие любители: политики новой волны, журналисты, политологи, историки, филологи, химики и даже моряки (президент Румынии Бэсеску — И.Ш.). Более того, при указанном "толковании" оперируют не фактами и аргументами, а пресловутыми понятиями об "исторической правде", о "манкуртизации населения", о "божьей воле", о "морали свободного мира" и о наступлении, наконец, "часа правды и справедливости"» [1].

Еще одной особенностью обвинений против Пакта является то, что поборники версии о преступном Пакте вольно или невольно (не нам судить) забывают, что «при толковании международных договоров берутся в расчет те нормы и принципы международного права, которые существовали на момент подписания договора, а не на момент толкования» [2]. Принцип историзма при рассмотрении явлений прошлого никто не отменял.

Показательна в этом отношении работа А.А. Пронина «Советско-германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия» — одно из первых историко-правовых исследований советско-германских

отношений в межвоенный период. Автор (стоящий на позиции безусловной виновности СССР в развязывании войны и преступного характера Пакта Молотова — Риббентропа, критиковавший решение Съезда народных депутатов по Пакту за половинчатость) в результате кропотливого анализа подписанных в Москве документов смог найти только две юридические зацепки для осуждения собственно Договора о ненападении между Советским Союзом и Германией.

Цитата велика, но для наглядности приведу ее полностью: «С утверждением [Съезда], что советско-германский договор о ненападении не нарушал международных обязательств СССР, имея в виду анализ ст. IV пакта, не представляется возможным согласиться, ибо названная статья обесценила франко-советский договор о взаимопомощи от 2 мая 1935 года, равно как и ряд других международно-правовых соглашений СССР, о чем подробнее будет сказано ниже.

Также нельзя согласиться и с утверждением, что содержание данного пакта не расходилось с договорной практикой СССР. Подавляющее большинство заключенных СССР пактов о ненападении (ч. 2 статьи 2 советско-финляндского договора о ненападении и о мирном улаживании конфликтов от 21 января 1932 года, ч. 2 статьи 2 польско-советского пакта от 25 июля 1932 года, ч. 2 статьи 2 пакта о ненападении между СССР и Францией от 29 ноября 1932 г., ч. 1 статьи 6 советско-латвийского договора от 5 февраля 1932 г., ч. 2 статьи 6 договора о ненападении и о мирном улаживании конфликтов между Союзом ССР и Эстонией от 4 мая 1932 г. содержали положения об автоматическом расторжении пакта в момент начала агрессии другой стороной против третьего государства, т. е. обязательства по договору увязывались с миролюбивым образом действий партнера. Такое положение было включено даже в договор о дружбе (!), ненападении и нейтралитете между Союзом СССР и фашистской Италией от 2 сентября 1933 года (ч. 2 статьи 2). В советско-германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г. названное положение отсутствовало. Не было его и в переданном В.М. Молотовым 19 августа 1939 г. на рассмотрение германской стороны советском проекте договора» [3].

Если «продраться» через перечень различных международных договоров, их статей и частей, то сухой остаток не велик: Пакт «обесценил» франко-советский договор о взаимопомощи 1935 года и не содержал положения об автоматическом расторжении в момент начала агрессии другой договаривающейся стороной против третьего государства. Все! И это о договоре, который предписывается считать не имеющим по преступности «аналогов во всей истории Европы XIX и XX столетий». Бред?

Но в подавляющем большинстве других работ, обличающих Пакт, и такого нет. Одни ругательства и пропагандистские штампы. Поэтому полагаю возможным к этим обвинениям отнестись серьезно и внимательно их разобрать. Рассмотрим их по порядку.

Советско-французский договор, как и все аналогичные французские договоренности с восточно-европейскими государствами, «обесценились» не в результате Пакта Молотова — Риббентропа, а в Мюнхене, когда Франция отказалась выполнить свои союзнические обязательства перед Чехословакией.

Менее чем через месяц после Мюнхенских соглашений 17 сентября 1938 года в Кремле даже обсуждался вопрос о целесообразности формального сохранения советско-французского договора о взаимопомощи. Несмотря на то, что было принято решение искусственно не обострять франко-советские отношения, Молотов, уже после вступления в должность главы НКИД, заявил французскому послу: «У СССР есть такой договор с Францией. Более существенным является вопрос, эффективен ли советско-французский договор о взаимной помощи. Эффективность договора более важна, чем его формальное существование» [4].

Современные российские историки также отмечают прямую связь мюнхенской политики с судьбой франко-советского договора о взаимопомощи. В.П. Смирнов, один из крупнейших специалистов по истории Франции XX века и Второй мировой войны, писал: «По нашему мнению, эти документы (*записи бесед министра иностранных дел Франции Бонне с Чемберленом от 24.11.38 и Риббентропом после подписания франко-германской декларации; записка начальника штаба французского военного флота адмирала Дарлана премьер-министру Даладье — И.Ш*) позволяют утверждать, что после Мюнхенской конференции Франция и, видимо, Англия считали Восточную Европу сферой преимущественного влияния Германии и не исключали, что Германия может использовать связанных с нею украинских националистов для отделения Украины от СССР, т.е. прибегнет к тому, что потом назвали "косвенной агрессией". **Они согласились, что в таком случае Франция откажется от своих обязательств по франко-советскому договору о взаимной помощи** *(выделено мною — И.Ш.)*» [5]. Полагать, что советскому руководству такое отношение Парижа к своим обязательствам не было известно, нет никаких оснований.

Не менее определенно на это последствие Мюнхена указывала Н.А. Нарочницкая: «Западные страны в Мюнхене перечеркнули систему французских союзов в Восточной Европе, советско-французско-чехословацкие договоры и франко-польский союз, положили конец Малой Антанте» [6].

Конечно, после провала мюнхенской политики Франция для обеспечения собственной безопасности попыталась вернуться к

политике «окружения» Германии и реанимировать систему союзов с восточно-европейскими государствами. Из чего вовсе не следует, что для СССР франко-советский договор автоматически стал священной коровой. Как отмечает Е.О. Обичкина, «франко-советский пакт оставался в значительной степени бумажным» [7].

Поэтому объявлять преступлением сталинского режима «обесценивание» того, что ничего не стоило по французской вине, мягко говоря, странно.

Еще более странным является попытка вменить в вину СССР отсутствие пункта об автоматическом расторжении договора в случае начала войны другой договаривающейся стороной против третьего государства. Хотя именно этому свойству договора поборники противоправной природы Пакта придают ключевое значение. Так, С.З. Случ, специализирующийся на истории советско-германских отношений предвоенного периода, особо выделяет то, что Пакт, заключенный перед нападением Германии на Польшу, «являлся договором о неограниченном нейтралитете каждой из сторон в отношении действий другой стороны, т.е. предоставлял агрессору полную свободу действий» [8].

Действительно, во всех многочисленных договорах о ненападении, заключенных СССР ранее, такой пункт был. Но определялось это не нормами права, а политической целесообразностью. СССР тогда пытался построить систему коллективной безопасности в Европе, предполагающую совместное наказание агрессора. После Мюнхена, знаменовавшего полный провал проводимой Литвиновым политики коллективной безопасности, положение стало кардинально иным — на первое место вышли вопросы обеспечения безопасности самого Советского Союза, стремление не позволить втянуть его в войну за чужие интересы.

Посол Италии в Москве в сентябре 1938 года докладывал своему руководству: «Я полагаю, что в настоящее время непосредственным результатом последних событий [Мюнхена] станет то, что СССР будет принужден оставить свои попытки международного сотрудничества с буржуазными правительствами западных демократических держав, перейдя к оборонительной политике относительной изоляции» [9].

Об этом же пишет и современный российский историк В.П. Смирнов: «Мюнхенская конференция привела советское руководство к мысли, что на Англию и Францию нельзя положиться; политика коллективной безопасности показала свою несостоятельность, и, следовательно, Советский Союз должен заботиться только о своей собственной безопасности, независимо от интересов других стран» [10].

В настоящее время можно спорить о том, насколько данное решение Советского руководства соответствовало нормам морали и интересам страны (об этом особый разговор), но с точки зрения права оно было безупречным. Не существовало ни одной нормы международного права, обязывающей СССР отказаться от нейтралитета в случае более чем вероятного на тот момент нападения Германии на Польшу. Тем более что Варшава несколько раз в преддверии заключения Пакта официально отказывалась принимать от Советского Союза гарантии своей безопасности.

СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ

Секретные протоколы давно уже стали именем нарицательным. Им отводится центральное место в системе доказательств преступного характера Пакта Молотова — Риббентропа. Для «исторических политиков» на Западе и отечественных либералов они наглядное воплощение заговора двух тоталитарных империй.

Показательно мнение Н.С. Лебедевой, представлявшей Россию в российско-польской комиссии по сложным историческим вопросам (к вопросу об особенностях исторической политики российского государства): Секретные протоколы были направлены «на ликвидацию государственного суверенитета и территориальной целостности четырех стран и как таковые грубо нарушали общепринятые нормы международного права» [11].

Сопредседатель с латвийской стороны российско-латышской комиссии историков Инесис Фелдманис идет дальше: они были «противоправной и циничной сделкой, примирением за счет шести третьих государств. <...> Трудно представить еще более грубый и преступный заговор против мира и суверенитета государств» [12].

Даже в «компромиссном» Постановлении Съезда народных депутатов СССР, признавшем собственно Договор о ненападении с Германией соответствующим нормам международного права и договорной практики того времени, Секретные протоколы безоговорочно осуждаются: «Съезд констатирует, что протокол от 23 августа 1939 года и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939 — 1941 годах, как по методу их составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпринятые в них разграничение "сфер интересов" СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран» [13].

Достижения современной исторической науки позволяют усомниться в обоснованности подобных трактовок Секретных протоколов и поставить под вопрос широко распространенное

мнение о том, что они и по форме, и по содержанию не соответствовали нормам международного права, причем не только того времени. При этом проблему соответствия «ленинским нормам», полагаю, можно оставить за скобками.

С точки зрения формы секретные договоренности между государствами не являются чем-то необычным в международной практике, скорее, они общепринятая норма межгосударственных отношений:

- В рамках англо-франко-советских переговоров1939 года в Москве, предшествовавших подписанию Пакта, одним из камней преткновения был отказ Польши и прибалтийских государств принять гарантии своей независимости от СССР. Франция предложила решить проблему вынесением списка гарантированных стран в секретное приложение к англо-франко-советскому договору.
- Через два дня после подписания Пакта Молотова — Риббентропа Великобритания заключила с Польшей договор о взаимопомощи, к которому прилагался секретный протокол, оговаривающий направленность договора исключительно против Германии, а не какой-либо третьей страны (подразумевался СССР).
- Все договоры СССР о взаимопомощи с прибалтийскими республиками сопровождались «конфиденциальными приложениями», в которых оговаривалась численность и дислокация создаваемых советских баз на территории Латвии, Литвы и Эстонии.
- Великобритания в октябре 1940 г. предложила СССР «сугубо секретно и конфиденциально» заключить соглашение. В соответствии с ним Советская Россия должна была: а) проводить в отношении Великобритании политику «благожелательного» нейтралитета, б) продолжать поддержку Китая, не позволяющую Японии в полную силу обрушиться на британские владения в Азии, в) заключить, как только «станет практически возможным пакт о ненападении, подобный действующему ныне между Германией и СССР». В обмен на это Англия, со своей стороны, обязывалась признать «de facto власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях бывшего Польского государства, которые теперь находятся под Советским главенством» [14].
- При разрешении Карибского кризиса, наряду с договоренностью о возвращении с Кубы советских ракет средней дальности, была достигнута «конфиденциальная» договоренность о выводе и американских ракет средней дальности из Турции.
- Между США и Японией в 1969 г. был подписан секретный договор, позволяющий американским кораблям с атомным оружием на борту заходить на свои базы в Японии в нарушение японской конституции [15].

• 10 сентября 2016 г. госсекретарь США Джон Керри и министр иностранных дел России Сергей Лавров подписали в Женеве Соглашение по установлению режима и мерам прекращения огня в Сирии. Значительная его часть, по инициативе американской стороны, была засекречена. Показательны слова Лаврова на итоговой пресс-конференции: «По причинам, о которых упомянул Джон, мы не можем делать эти документы публичными. Они содержат серьезную чувствительную информацию. Мы не хотим, чтобы она попадала в руки тех, кто будет, наверняка, пытаться сорвать выполнение мер» [16].

Примеры можно множить и множить. Причем вовсе не для оправдания по принципу «все воруют». Чужие преступления не отменяют собственной вины. Примеры свидетельствую совсем о другом: секретные договоренности являются обычной практикой, нормой для дипломатии. Без элементов секретности ни дипломатия, ни оборона, ни экономика не в состоянии эффективно функционировать по определению.

Конечно, предание гласности любого секретного договора вызывает скандал. Что ни в коей мере не ставит под сомнение правомерность существования государственной или коммерческой тайны. Во всех демократических странах есть правовые акты, определяющие, через какой промежуток времени без ущерба национальным интересам разрешается рассекречивать документы дипломатических ведомств. Показательно, что ни Великобритания, ни США до сих пор не сняли гриф секретности со многих документов предвоенного периода, как, кстати, и Россия.

Не будучи преступными по форме, секретные протоколы не являются преступными и по содержанию.

В качестве подтверждения «вопиющего попрания» протоколами норм международного права чаще всего приводится разделение Восточной Европы на «сферы влияния» (хотя в тексте протокола «сферы интересов»), принятие решений, обязательных для третьих стран, и, соответственно, нарушение принципа суверенного равенства государств, составлявшего «основу международного права с XVII века» [17] (ни много ни мало!).

Рассмотрим и эти обвинения по порядку.

Для предвоенного периода разграничение «сфер влияния» не могло рассматриваться ни как нарушение норм международного права, ни даже как анахронизм. Достаточно вспомнить, что в основе биполярного мироустройства уже второй половины XX века лежало деление мира на сферы влияния между двумя сверхдержавами.

Впрочем, для поборников «нового смысла» Второй мировой войны все выглядит совершенно наоборот. Известный польский специалист в области международного права Славомир Дембский

утверждает, что «в Европе, построенной на видении В. Вильсона, отказавшейся от "старой дипломатии" абсолютных правителей, где рассматривалась идея создания "Европейского союза" (Бриан!), идея создания сфер влияния, как это было сто лет назад, без согласия третьих государств, вне демократического контроля парламентов, казалась, кроме всего прочего, анахронизмом. Особенно для ушей демократического правителя. К сожалению, приближалось время варваров: Гитлера и Сталина» [18].

Соответственно, и послевоенное деление мира на сферы влияния двух сверхдержав было навязано «варваром» Сталиным, отделившим «железным занавесом» оказавшиеся под его контролем государства от мира свободы и демократии. Только победа в «холодной войне» избавила человечество от этого зловещего наследия Пакта Молотова — Риббентропа.

При таком подходе нет смысла даже напоминать о знаменитом «процентном соглашении», когда Черчилль на листе бумаги написал Сталину, сколько процентов влияния должно быть у союзников в каждой из стран Восточной Европы и на Балканах. Почти наверняка подобные действия «демократического правителя» объяснят дурным влиянием на него кремлевского тирана: «с кем поведешься — от того и наберешься».

Однако, одно дело пропаганда, причем достаточно грубая, хотя и осуществляемая порой людьми с высокими научными регалиями, другое дело — объективная реальность международных отношений.

СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ И ИНТЕРЕСОВ

«Сферы интересов» были, есть и будут у всех государств, которые не изолированы от внешнего мира. Причем, чем активнее и разностороннее политические, экономические, культурные, человеческие контакты с другими странами, тем обширнее «сферы интересов» государства за пределами его границ.

В рамках «сфер интересов» объективно существуют и «сферы жизненных интересов». К ним относятся территории, от событий на которых прямо зависит безопасность государства, можно сказать, его жизнь.

Ричард Никсон в книге «1999 год. Победа без войны» писал: «Интерес является жизненно важным, если его потеря сама по себе непосредственно угрожает безопасности Соединенных Штатов. Выживание и независимость Западной Европы, Японии, Канады, Мексики и Персидского залива представляют особую важность для Соединенных Штатов. Потеря одного из этих регионов в пользу Советского Союза поставила бы под угрозу нашу собственную безопасность. Если Кремль попытается возобладать в этих ре-

гионах, у нас нет иного выбора, как ответить применением военной силы» [19].

Это было вовсе не отвлеченное теоретизирование, продиктованное жанром книги. Насколько серьезно государства относятся к своим «сферам жизненных интересов», свидетельствует то, что и в официальных американских документах попытка СССР поставить под свой контроль такие сферы США рассматривалась как повод и необходимость для начала глобальной ядерной войны.

«Доктрина Никсона», вошедшая в историю как «Гуамская доктрина»: «Мы предоставим щит, если ядерная держава станет угрожать свободе государства, находящегося в союзе с нами, или **стране, выживание которой мы считаем жизненно важным для нашей безопасности** *(выделено мною — И.Ш.)*» [20].

«Доктрина Картера», изложенная 23 января 1980 г. в ежегодном президентском послании Конгрессу США: «Пусть наша позиция будет абсолютно ясна всем: попытка внешней силы овладеть контролем над Персидским заливом будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено всеми необходимыми средствами, включая военную силу» [21].

Данные примеры показывают, что даже государство, не обремененное традициями «"старой дипломатии" абсолютных правителей», рассматривает угрозу своим «сферам жизненных интересов» как непосредственную угрозу собственной безопасности и готово защищать их всеми доступными средствами.

«Сфера жизненных интересов» — это ключ от безопасности государства, в силу каких-то причин оказавшийся за пределами его границ. Поэтому каждое государство, независимо от общественно-экономического строя и формы правления, стремится по возможности включить «сферу жизненных интересов» в свою «сферу влияния» и противодействовать ее превращению в «сферу влияния» других держав.

В отличие от «сфер интересов», имеющих объективный характер, «сферы влияния» являются результатом целенаправленных действий государств по защите своих интересов за рубежом. Такие действия, в свою очередь, могут быть как правомерными, так и противоправными. Само же по себе естественное стремление государства сделать «сферу жизненных интересов» своей «сферой влияния» противоправным не является — все зависит от того, какими методами оно реализуется.

Нет никаких оснований рассматривать проблему «сфер влияния» исключительно в логике конфронтации, империализма и подавления слабых стран сильными. В создании «сферы влияния» могут быть в равной мере заинтересованы все стороны, включая страны и народы, территория которых в силу исторических при-

чин является «сферой жизненных интересов» другого государства. Жизненные интересы народов и государств не обязательно противостоят друг другу.

В течение веков, включая почти весь двадцатый век, «сферы влияния» были нормой международных отношений. Как отмечает украинский историк права В.С. Макарчук: «Зловещую окраску термин «сферы влияния» приобрел уже в наше время, когда международное право подверглось едва ли не самым кардинальным, за все время своего существования, переменам» [22].

Причем связано это было не с гуманизацией международных отношений, а исключительно с государственными интересами и возможностями США.

Добившись в XIX веке на основе доктрины Монро признания Северной и Южной Америки сферой своего исключительного влияния и реально утвердив его в результате экономической и военной экспансии, Соединенные Штаты на рубеже XIX—XX веков вступили в борьбу за мировое политическое и экономическое лидерство. Сферы влияния и колониальные империи Великобритании, Франции, Германии и других «старых хищников» на остальных континентах оказались на их пути. Отсюда и борьба США против теперь уже вредного для них деления мира.

Впервые серьезной помехой для США чужие сферы влияния оказались в Китае, что и породило «доктрину открытых дверей» (1899 г.), содержащую призыв ко всем заинтересованным сторонам не противодействовать чужой экономической деятельности в своих сферах [23].

Хотя при этом отношение американцев к собственной сфере влияния нисколько не изменилось («наша и только наша»). В 1911 г. коммерческая структура, возможно, связанная с Японией, попыталась взять в концессию одну из бухт в Мексике, удобную для создания в ней военно-морской базы. Реакция США не замедлила себя ждать. Сенат тут же принял резолюцию, запрещающую приобретение иностранными государствами и аффилированными с ними фирмами стратегически важных пунктов на территории те только самих США, но и Южной и Северной Америки в целом. Склонность распространять свое внутреннее законодательство на третьи страны появилась у Америки не сегодня.

Обосновывалась резолюция, получившая название «Поправка Лоджа к доктрине Монро», правом государства на защиту своей безопасности: «Настоящая резолюция основывается на общепризнанном принципе государственного права более старого, чем доктрина Монро. Она основывается на принципе, предусматривающем, что любое государство имеет право защищать собственную безопасность. В том случае, если оно полагает, что обладание иностранной державой в военных или военно-морских интересах кон-

кретной гаванью либо объектом нарушает безопасность страны, его обязанностью, а также его правом является предотвращение этой опасности» [24].

В 1940 г. после разгрома Франции Третьим рейхом американский Конгресс принял закон, в соответствии с которым французские колонии в Западном полушарии не могли перейти во владение ни одного неамериканского государства (ни Германии, ни даже союзной Англии), а могли либо достаться США, либо обрести формальную независимость [25].

В Ялте Рузвельт пошел на фактический раздел Европы со Сталиным. В результате СССР получил Восточную Европу, а для США открылась возможность установить свой контроль над государствами Западной Европы со всеми их сферами влияния по всему миру, включая и союзную Британскую империю.

Победа в «холодной войне» сделала Соединенные Штаты единственной супердержавой, открыла путь к однополярному миру, что фактически означает превращение всего мира в сферу влияния США. В этих условиях демонизация принципа «сфер влияния» оказалась просто неизбежной. Так как любая попытка любого государства заявить о наличии своей собственной зоны влияния в современных условиях воспринимается Вашингтоном, да и является на практике, прямым вызовом для Pax Americana.

В связи с этим, если не отождествлять международное право с интересами США, придется признать, что сам принцип «сфер влияния», примененный в Пакте Молотова — Риббентропа, не может рассматриваться в качестве противоправного и, следовательно, преступного. Другое дело, какими методами данный принцип был реализован при подписании Пакта и его воплощении в жизнь.

ВСЕ ГОСУДАРСТВА РАВНЫ, НО...

А.А. Пронин утверждает: «Секретные протоколы от 23 августа и 28 сентября 1939 г., от 10 января 1941 г. являются недействительными с самого начала, потому что они противоречили принципу суверенного равенства государств, то есть императивной норме международного права. <...> Перечисленные секретные договоренности имели неправомерный объект. В "сферу интересов" договаривающихся государств они включали территорию третьих стран. Всякий договор, касающийся интересов, прав и обязанностей третьих государств, независимо от того, что имеется в виду под интересами и понимаются ли они и их реализация сторонами одинаково, не может налагать каких-либо обязательств на эти третьи страны. Он не предоставляет также каких-либо прав сторонам договора относительно этих третьих государств. Такой договор нару-

шает общепризнанный принцип права договоров — договор не предоставляет прав третьей стороне, не налагает на нее обязательств» [26].

Трудно не согласиться с автором и его единомышленниками в том, что всякий договор, касающийся интересов третьих стран и обязывающий их к чему-либо, грубо попирает принцип суверенного равенства государств. Только при чем здесь Пакт Молотова — Риббентропа? Все это про Мюнхен. Именно в Мюнхене четыре державы (Англия, Франция, Италия и Германия), даже не пригласив в зал заседаний Чехословакию, заключили соглашение, обязывающее последнюю отказаться от части своей территории.

Хотя, надо отметить, что далеко не все современные специалисты считают Мюнхенское соглашение противоречащим нормам международного права того периода. По мнению директора польского Института международных дел Славомира Дембского: «С логикой модернизации Версальской системы международных отношений было связано убеждение, что великие державы, будучи ее архитекторами, имеют право вносить в нее коррективы, и что осуществление этих корректив отвечает нормам международного права» [27]. Мюнхенская система, основанная на взаимодействии четырех великих держав (Директории Англии, Франции, Италии и Германии) и изоляции СССР, по мнению С. Дембского, была призвана легитимно сменить версальскую.

Конечно, это противоречило суверенному равенству государств, но ведь даже и Устав ООН, провозгласивший принцип суверенного равенства основополагающим принципом современного миропорядка, предполагает существование пяти постоянных членов Совета безопасности, которые «равнее» остальных.

Соответственно, преступлением против международного права, при подходе, сформулированном Дембским, являлось не отделение населенных немцами Судет от Чехословакии, санкционированное великими державами в Мюнхене (Директорией четырех), а самочинная оккупация Чехии Германией, поставившая крест на мюнхенской системе.

Впрочем, независимо от правомерности или неправомерности произошедшего в Мюнхене, к Пакту Молотова — Риббентропа, включая Секретные протоколы, попрание принципа равенства государств никакого отношения не имеет. В Москве, в отличие от Мюнхена, не принималось никаких решений, обязательных для исполнения третьими странами.

Широко распространенное обвинение в том, что в Секретных протоколах Гитлер передал Сталину Прибалтику, Восточную Польшу и Бессарабию, являются не более чем пропагандистским штампом. Нельзя отдать того, что тебе не принадлежит.

Собственно Договор о ненападении в открытой его части содержал обязательство СССР сохранять нейтралитет по отношению к Германии независимо от ее столкновений с третьими странами, Секретные же протоколы к Договору, в свою очередь, оформили обязательство Германии не вмешиваться в дела СССР на европейской части постимперского пространства. Ничего более.

По аналогии: договор банка и торговца семечками у его входа: первый обязуется не торговать семечками, второй не одалживать деньги клиентам банка.

Формулировка статьи второй Секретного протокола от 23 августа 1939 г.: «В случае территориально-политической перестройки областей, которые входят в состав польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет проходить приблизительно вдоль линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о том, является ли во взаимных интересах желанным сохранение независимости польского государства и какими будут границы этого государства, может быть полностью выяснен только по ходу дальнейшего политического развития» [28], несомненно, звучит для поляков зловеще. Но все утверждения о том, что это договоренность о «четвертом разделе Польши», юридически беспочвенны.

Постановка (не решение) вопроса о возможных границах польского государства абсолютно правомерна. В настоящее время на международной арене активно обсуждается вопрос о границах Израиля «в случае территориально-политической перестройки», связанной с признанием Палестинского государства. Никто, кроме радикальных израильских кругов, не обвиняет участников подобных переговоров в преступном сговоре с целью раздела еврейского государства.

Не может трактоваться в качестве противоправной, особенно в условиях августа 1939 года, и заявленная готовность к обсуждению (опять-таки, не решению) вопроса о самой независимости польского государства. За несколько месяцев до договора с карты Европы исчезла Чехословакия.

Главное, что ни в одном из пунктов Секретного протокола стороны не берут на себя обязательства провести территориально-политическую перестройку Польши и не определяют ее формы. В Секретном протоколе лишь зафиксировано обоюдное обязательство, в случае подобной перестройки, действовать с учетом интересов друг друга.

Именно поэтому, подчеркивает украинский историк-правовед В.С. Макарчук, нет оснований «считать, что Риббентроп и Молотов в августе 1939 г. согласовали «четвертое разделение Польши» де-юре. Стороны договорились о «сферах интересов», т.е. о тех территориях, где сторона-контрагент должна воздерживаться от

активных действий (концессии, капиталовложения, влияние на правительственные структуры, поддержка повстанческих движений и т.д.) при любом развитии событий. Советский Союз не брал на себя обязательств осуществить военную операцию против Польши и тем самым нарушить действующие с этой страной двух- и многосторонние международно-правовые договоренности» [29].

Поэтому найти в Секретном протоколе договоренность о «четвертом разделе» Польши так же невозможно, как и черную кошку в темной комнате, когда ее там нет.

Особо следует подчеркнуть, что понятие «территориально-политическая перестройка» («первой жертвой которой должна была стать Польша» [30], по утверждению С.З. Случа), не является дипломатичным прикрытием понятий «война» и «агрессия».

Изменения границ были, есть и будут. Весь вопрос в том, как они происходят, в каких формах и какими методами, насколько соответствуют нормам международного права.

Германия, СССР, Литва и Словакия — государства, считавшие, что Польша за двадцать лет своей независимости оккупировала части их территории, вполне могли вместе или по отдельности предъявить имевшиеся территориальные претензии и добиться их выполнения, не прибегая к войне и не выходя за рамки международного права. Примером мирного решения территориальных проблем того времени является не только Мюнхен, но и 1-й и 2-й Венские арбитражи.

Ссылки на польский гонор и готовность погибнуть, но не поступиться чужой территорией, не могут служить доказательством заведомой невозможности мирного исхода. В «арсенале "легальных" (для 30-х гг. прошлого столетия) способов международного влияния и давления были не только отзыв послов, реторсии и репрессалии, но и "мирная" и "военная" блокады и другие методы, от которых современное международное право практически отказалось» [31]. (Хотя в международной практике Соединенные Штаты и Евросоюз используют их после краха СССР самым беззастенчивым образом).

Показательно, что Англия и Франция предоставили в 1939 г. Польше гарантии независимости, но наотрез отказались давать гарантии территориальной целостности, не смотря на все ее настояния.

Кроме того, Славомир Дембский признает, что «по поводу Гданьска Польша соглашалась на устранение Лиги Наций из Вольного города и готова была вести переговоры с Берлином в рамках двустороннего соглашения о будущем статусе этого города. Также и по вопросу "экстерриториальной автострады" Польша была от-

крыта для диалога с Гитлером, о чем свидетельствуют далеко идущие предложения министра Бека от 25 марта 1939» [32].

Германия избрала путь войны. Для нее территориальные претензии к Польше были лишь средством на пути к господству в Европе и мире. Это был ее выбор, и она несет всю полноту ответственности за него.

Как всю полноту ответственности должна нести и Великобритания, сделавшая все, чтобы не допустить согласия Польши на территориальные требования Германии.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПУРИЗМ

Среди обвинений, призванных обосновать противоправный характер Пакта Молотова — Риббентропа, есть и еще одно: утверждение о несовместимости советско-германского и советско-польского договоров о ненападении. По мнению С.З. Случа: «Пойдя на соглашение с Третьим рейхом в той форме, в какой это имело место 23 августа 1939 г., советское правительство сразу же нарушило статью 3 договора о ненападении между СССР и Польшей. <...> Согласно этой статье СССР и Польша обязывались «не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне». <...> Все это свидетельствует о том, что с международно-правовой точки зрения открытая часть советско-германского договора о ненападении, оцениваемая в рамках конкретной военно-политической обстановки конца лета 1939 г., входила в явное противоречие с взятыми советским руководством ранее обязательствами в отношении Польши» [33].

Однако «открытая часть» Пакта, равно как и «закрытая», не содержали никакой договоренности об агрессивных или просто враждебных действиях договаривающихся сторон против польского государства. Отсутствие пункта об автоматическом расторжении договора в случае агрессии одной из сторон против третьего государства, как уже говорилось выше, таковой договоренностью считаться не может.

Пакт был договором с Германией о ненападении друг на друга, а не о нападении на Польшу, как нам упорно пытаются представить.

Именно это позволило М.И. Мельтюхову, автору капитального исследования по истории советско-польских войн, утверждать, что с правовой точки зрения «советско-германский договор был вполне совместим с советско-польским соглашением, поскольку буква договора не нарушалась. Конечно, в реальных условиях 1939 г. советско-германский пакт противоречил духу советско-польского соглашения. Но если говорить откровенно, дух того или иного соглашения — вещь достаточно условная и воспринимается ско-

рее под влиянием субъективных факторов. Как бы то ни было, официально Варшава в тот момент не увидела в действиях Москвы нарушения действующего договора» [34].

Особую важность здесь представляет указание М.И. Мельтюхова на реакцию Польши, которая была вполне определенной: «Мы первые заключили с СССР пакт о неагрессии, первые подписали соглашение об определении агрессии, мы имеем нормальные отношения с СССР и большего не хотим, причем СССР нашу позицию понимает. Берлин получил от СССР только то, что мы уже имеем давно, т. е. пакт о ненападении, а что касается участия СССР в игре в Европе, то мы неоднократно предупреждали западных друзей, что созидательной роли СССР играть не может» [35].

Польское руководство по вполне понятным причинам с особым вниманием следило за советско-германскими переговорами и было прекрасно осведомленно о содержании договора. За исключением Секретного протокола, о котором ни англичане, ни французы не сочли нужным поляков информировать, «чтобы не ослаблять в Польше дух борьбы» (по определению современного польского историка Я. Милевского [36]). Знало польское руководство и об отсутствии в Пакте пункта о его автоматическом расторжении в случае агрессии против третьего государства, и при этом никакого противоречия советско-польскому договору о ненападении в открытой части Пакта оно не нашло. В отличие от современных поборников его противоправного, т.е. преступного, характера.

Что же касается несоответствия Пакта духу советско-польского договора, то и здесь все не так однозначно. Помимо того, что «дух» договора понятие действительно субъективное, его едва ли оправданно рассматривать вне контекста «духа» советско-польских отношений в целом. Если бы Польша и СССР были союзными государствами или просто добрыми соседями, то о нарушении в Пакте «духа» еще можно было бы говорить. Да и то, с моральной, а не с правовой точки зрения.

Однако Польша и Советская Россия все предвоенные годы являлись друг для друга врагами номер один. Советско-польский договор о ненападении был призван в какой-то мере разрядить напряженность между странами, но не более того. Показательно, что он вполне нормально, в польском понимании, уживался с прямо (не по «духу») антироссийским румыно-польским договором. Все попытки СССР добиться даже не отмены, а хотя бы придания польско-румынскому договору общего характера ни к чему не привели и с порога отвергались Варшавой.

Это, кстати, сыграло с Польшей позже злую шутку — союзная Румыния оказалась не обязана помогать Польше против немецкой агрессии. Полпред СССР в Париже Я.З. Суриц докладывал о разговоре с румынским послом: «С нескрываемым чувством облегчения

румын вспоминал, что в свое время поляки уклонились от придания польско-румынскому пакту характера более генерального и в результате "должны считаться сейчас с румынским нейтралитетом"» [37].

В условиях такого «духа» польско-советских отношений ставить в вину СССР нарушение Пактом Молотова — Риббентропа «духа» советско-польского договора о ненападении — это означает требовать от Советской России, чтобы она была «святее папы Римского». Точнее, это не что иное, как откровенное лицемерие и пропаганда, не имеющая никакого отношения к правовой оценке Пакта.

Впрочем, даже если обвинение в нарушении «духа» советско-польского договора справедливо, то придется признать, что Пакт Молотова — Риббентропа, столько лет громогласно объявлявшийся преступным, цинично поправшим все мыслимые нормы международного права и не имеющим прецедентов в международной практике, в реальности оказался всего лишь попранием некоего «духа» мало кому известного договора. Подобно тому, как человек всенародно и официально обвиненный в страшных серийных убийствах по результатам расследования оказался виновен только в переходе улицы на красный свет. Гора родила мышь, иначе не скажешь. При том, что и эту «мышь» никоим образом нельзя вменить СССР в вину.

ГЛАВА IV

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВОЕГО ИЛИ ОККУПАЦИЯ ЧУЖОГО?

В широкомасштабной кампании по внедрению в общественное сознание западной концепции Второй мировой войны, основанной на тождестве нацизма и «сталинизма», особое место отводится присоединению к Советскому Союзу в 1939—1940 гг. Бессарабии, Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики. Наряду с Пактом Молотова — Риббентропа и во взаимосвязи с ним эти действия СССР объявляются «вещественными доказательствами» равной ответственности Германии и Советской России за развязывание мировой войны.

Соответственно, предвоенные территориальные приобретения СССР трактуются исключительно как действия, грубо попирающие нормы международного права и преступные по отношению ко всему мировому сообществу. В рамках новой концепции войны их теперь предписывается рассматривать как начальный этап Второй мировой войны, на котором две тоталитарные «империи зла» совместно решали свои агрессивные задачи. Пакт был «сговором» Сталина и Гитлера против мира и цивилизации, а «четвертый раздел» Польши, «оккупация» Эстонии, Латвии, Литвы и Бессарабии стали его воплощением в жизнь.

При этом, как предписывает считать новая концепция войны, если последствия германской агрессии для ее жертв были ликвидированы в результате Победы, то результаты советской агрессии 1939—1940 гг. до сих пор довлеют над странами Восточной Европы. Даже победа Запада в «холодной войне» их полностью не устранила. Поэтому вполне естественно, что пересмотр смысла Второй мировой войны неразрывно связан с темой «преодоления последствий Пакта Молотова — Риббентропа» или иначе — «последствий оккупации».

ЧТО ОСУДИЛ И ОТМЕНИЛ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ?

Подобный подход был применен уже в Постановлении Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года»: «Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания. Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были исполь-

зованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств» [1].

Какие последствия влечет такая взаимоувязка «преступного» Пакта с территориальными приобретениями СССР в 1939—1940 гг., объясняет директор Польского института международных дел Славомир Дембский. Он утверждает, что раз по решению Съезда Секретные протоколы были изначально недействительными, то «не существовало правового основания принадлежности балтийских республик к советской сфере влияния, а также **незаконным было признание граждан прибалтийских государств гражданами СССР и проводимая советскими властями национальная политика на их территории** (выделено мною — И.Ш.)» [2].

Вот так, «легким движением руки», с помощью осуждения Пакта отрицают законность присоединения к СССР Прибалтики. А раз незаконно, значит преступно, значит «оккупация», значит русские, поселившиеся на этих территориях после 1940 г., — «гражданские оккупанты», справедливо ограниченные в правах, на них не могут распространяться нормы международного права, гарантирующие политические, социальные и гуманитарные права национальных меньшинств.

На первый взгляд, логично. Секретные протоколы незаконны и недействительны с момента подписания. Это признал высший орган Советского Союза. Значит, незаконны и все действия СССР, им обусловленные. Нелегитимные действия не могут порождать легитимные последствия. Этой логикой до сих пор активно пользуются, причем не только в рамках научных исследований, но и в практической политике.

Однако не все внешне логичное соответствует действительности. Применительно к Пакту Молотова — Риббентропа очень часто, казалось бы, убедительные доводы на поверку оказывались наукообразной формой пропаганды и откровенной дезинформацией. В полной мере это относится и к приведенной выше трактовке Постановления Съезда, при всем уважении к известному польскому историку, крупному специалисту в области международных отношений.

Во-первых, Постановление Съезда народных депутатов в плане оценки Пакта не является истиной в последней инстанции. Этот документ всего лишь отражал расстановку политических сил в высшем органе власти СССР в период распада страны. В России, в отличие от многих стран Запада, точка зрения парламентского большинства на исторические события не является обязательной для граждан.

В предыдущей главе уже говорилось о том, что оценка Пакта, данная в Постановлении Съезда, абсолютно безосновательна. Что

ни сам Договор о ненападении, ни прилагавшиеся к нему Секретные протоколы не нарушали ни норм действовавшего на тот момент международного права, ни правоприменительной практики того времени. Что за все прошедшие после принятия Постановления десятилетия обличители Пакта смогли найти в нем лишь два «преступления»: он «обесценил» советско-французский договор о взаимопомощи (не стоивший в 1939 г. и бумаги, на которой он был написан), а также он противоречил «духу» советско-польского договора о ненападении. Если бы все договоры были столь же «преступными», надо полагать, в международных делах царила бы полная идиллия. Причем российское законодательство не запрещает никому высказывать подобную позицию, несмотря на наличие Постановления Съезда.

Во-вторых, в отличие от оценки Пакта, решение Съезда о признании Секретных протоколов недействительными с момента подписания имеет силу закона и является обязательным для Российского государства и его граждан до тех пор, пока Государственная Дума не отменит его. Вместе с тем, надо ясно понимать, а что именно этим Постановлением Съезд признал юридически ничтожным?

Собственно Договор о ненападении, законность которого Съезд подтвердил, содержал обязательство СССР сохранять нейтралитет по отношению к Германии независимо от ее столкновений с третьими странами. Секретные же протоколы к Договору, в свою очередь, оформили обязательство Германии не вмешиваться в дела СССР на европейской части постимперского пространства. Следовательно, Съезд отменил:

а) договоренность Советского Союза и Германии о разграничении сфер интересов;

б) намерение решать возникающие при этом проблемы «путем дружеского взаимопонимания».

Все. Ничего более.

Поэтому признание Секретных протоколов юридически ничтожными с момента подписания никоим образом не может поставить под сомнение легитимность присоединения к СССР Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии.

Даже один из главных специалистов по «научному» обоснования лжи о советской «оккупации» Прибалтики И. Фелдманис был вынужден признать этот очевидный факт. В статье «Оккупация Латвии — исторические и международно-правовые аспекты», размещенной на сайте МИД Латвии и выражающей официальную латышскую позицию по данному вопросу, он пишет: «Секретный дополнительный протокол напрямую не изменил международно-правовой статус Финляндии, Латвии, Эстонии и Литвы (Литва

была включена в сферу советских интересов 28 сентября 1939 года).

Однако установление сфер интересов **свидетельствовало о непринятии во внимание суверенитета упомянутых государств и выражении сомнения в их независимости** *(выделено мною — И.Ш.)*» [3].

Таким образом, Съезд, признавший недействительными Секретные протоколы, дезавуировал документ, свидетельствующий всего лишь о «непринятии во внимание» и «выражении сомнения». Утверждает это не какой-нибудь русский империалист, а совсем даже наоборот — убежденный и последовательный борец с русским империализмом.

Причина очевидна: договоренности СССР и Германии, закрепленные в Секретных протоколах, в принципе не могли изменить международно-правовой статус территорий, отнесенных к зоне советских интересов. Эти территории не принадлежали Германии, и Третий Рейх, при всем желании, не мог передать их СССР. Ни по Секретным протоколам, ни по несекретным. Поэтому признание Секретных протоколов незаконными вовсе не делает незаконной «передачу» этих территорий СССР, так как такой передачи не было и не могло быть.

Кроме того, если бы решения СССР и Германии по каким-то неведомым причинам были обязательны для исполнения правительствами прибалтийских республик, тогда зачем же делать их секретными для тех, кому предстоит их исполнять? Нонсенс. Руководство Польши, Румынии, Эстонии, Латвии, Литвы не знало содержания Секретных протоколов и, даже в случае желания выполнить волю Москвы и Берлина, не могло ими руководствоваться.

В связи с этим, есть все основания утверждать, что никакого влияния на признание или непризнание законности возвращения в СССР территорий, отторгнутых в ходе революции и Гражданской войны, Постановление Съезда, как и вообще любая другая оценка Пакта Молотова — Риббентропа, не имеет и иметь не может в принципе. Данный процесс осуществлялся не на основе Пакта, а на совершенно иной правовой базе.

Из чего, конечно же, вовсе не следует, что Пакт на этот процесс никак не повлиял. Повлиял и еще как повлиял! Надо отдать ему должное. Секретные протоколы к Договору о ненападении, разграничившие «сферы интересов», обеспечили Советскому Союзу возможность возвращения территорий без противодействия третьих сил. Пакт лишил Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Румынию возможности использовать Германию против СССР.

Поэтому они и кричат истошно о преступном попрании в Секретных протоколах их суверенных прав. Но Германия — тоже су-

веренная и независимая страна. Она совершенно не обязана была служить интересам государств-лимитрофов, образовавшихся на обломках Российской империи или урвавших какие-либо российские территории в период краха империи. Не было ни одной нормы международного права и ни одного международного договора, которые обязывали бы Германию противодействовать восстановлению территориальной целостности СССР/России.

Как не существовало ни одной такой нормы, запрещающей России, именовавшейся тогда СССР, возвращать отторгнутые территории. В противном случае придется признать противоправным, следовательно, преступным возвращение Францией Эльзаса и Лотарингии, восстановление территориальной целостности Германии после падения Берлинской стены или воссоединение Вьетнама.

Впрочем, все это теория. Даже абсолютно юридически безупречный документ может быть частью противоправной (преступной) операции, и тем самым справедливо квалифицироваться и сам в качестве противоправного и преступного. Поэтому от теории надо перейти к практике и рассмотреть вопрос о правомерности возвращения Советским Союзом конкретно Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии. Тем более что этому вопросу, как и оценке Пакта Молотова — Риббентропа, отводится огромная роль пропагандистами новой концепции Второй мировой войны.

Конечно, кто-то может сказать, что тема «преодоления последствий Пакта» не имеет к современной России никакого отношения. И действительно, на первый взгляд, объявление территориальных приобретений СССР в 1939—1940 гг. незаконной, преступной оккупацией, попирающей нормы международного права, не представляет никакой опасности для Российской Федерации.

Нынешняя Россия эти последствия давно для себя «преодолела», вернувшись к границам даже не СССР августа 1939 года, а к причудливому сочетанию границ Российской империи начала XVIII века с границами Московского царства начала XVII века.

Потеряв руку, странно опасаться чьих-либо намерений оттяпать от нее пальцы.

Прибалтика теперь уже являются частью не России, а Европейского Союза. Польша все возможные претензии на Вильнюс, Западную Белоруссию и Западную Украину ныне должна разрешать с Литвой, Белоруссией и Украиной, а не с Россией. Восстановление же статус-кво в Бессарабии касается исключительно Румынии и Молдавии.

Казалось бы, проблема оценки законности территориальных приобретений СССР, проблема преодоления последствий Пакта — это чужая проблема и чужая головная боль. Для Российской Федерации она носит исключительно исторический или историко-правовой характер.

Однако подобный «оптимистический» подход не имеет под собой никакого основания. Это проблема российская, причем не историческая, а политическая. Проблема, от которой прямо зависит безопасность страны, ее роль и место в мире. Лучшее доказательство — та активность и упорство, с которым Запад эту тему продвигает. Или кто-то верит в то, что политики Европы и Америки занимаются историческими изысканиями исключительно ради установления того, что на самом деле было многие десятилетия назад?

Поэтому, как вопрос об оценке пакта Молотова — Риббентропа, так и вопрос о «преодолении» его последствий самым непосредственным образом связаны с безопасностью нашей страны. Уклониться от него — значит подыграть геополитическим противникам.

БЕССАРАБИЯ

Тема «преодоления последствий Пакта Молотова — Риббентропа» уже не одно десятилетие находится в центре внешней политики Бухареста, направленной на построение «Великой Румынии». При этом надо ясно отдавать себе отчет в том, что «Великая Румыния» — это не просто одна из концепций румынской внешней политики, это доминанта национального характера. С румынской точки зрения само собой разумеющимся является то, что Трансильвания, Добруджа, Буковина и Бессарабия — «исконные» земли Румынии. Поэтому независимо от смены форм правления и правительств, при всяком удобном случае начинается новый виток строительства «Великой Румынии». И надо признать, на этом поприще румыны добились немалых успехов. За последние сто лет все «исконные» земли побывали под румынским господством. Сухой остаток на начало XXI века тоже не плох: венгерская Трансильвания стала румынской, а Болгария лишилась Северной Добруджи. Сейчас идет борьба за Молдову (Бессарабию).

Бессарабию Румыния захватывала в XX веке дважды: в 1918—1940 гг. и в 1941—1944 гг. Крах Советского Союза привел к тому, что Румыния предприняла очередную попытку «вернуть» эту территорию себе. От двух предыдущих ее отличает лишь то, что новая экспансия осуществляется политико-дипломатическими, а не военными методами. Первую скрипку при этом играет «историче-

ская политика», направленная на доказательство права Румынии на обладание Бессарабией. Однако цель все та же: установление румынского господства над Молдавией. Что означает для молдаван ликвидацию молдавской нации, для России — лишение российского государства результатов более чем двухвековой деятельности.

По официальной румынской версии:

- Бессарабия — исконно румынская земля;
- СССР отторг ее у Румынии на основании Пакта Молотова — Риббентропа;
- Пакт был преступным сговором Сталина и Гитлера, следовательно, преступным было и присоединение Бессарабии к СССР, а раз преступным, значит, это «оккупация» и «аннексия»;
- Священная обязанность румынского государства устранить последствия Пакта Молотова — Риббентропа и вернуть Молдову в лоно Румынии, добиться воссоединения румынской нации.

Поэтому вполне естественно, что «преступный» Пакт Молотова — Риббентропа фигурирует в базовых официальных документах и Румынии, и Молдовы, не сходит со страниц СМИ Румынии и прорумынских сил в Кишиневе, что его то и дело вспоминают румынские и молдавские политики и общественные деятели.

Уже в Декларации о независимости Республики Молдова 1991 г. обвинениям СССР в оккупации и насильственном захвате Бессарабии летом 1940 г. предшествовала ссылка на Пакт Молотова — Риббентропа: «УЧИТЫВАЯ, что Международная конференция «Пакт Молотова — Риббентропа и его последствия для Бессарабии» в Кишиневской декларации, принятой 28 июня 1991 года, а также парламенты многих государств в своих декларациях считают соглашение, заключенное 23 августа 1939 года между Правительством СССР и Правительством Германии, недействительным с самого начала и требуют ликвидации его политико-правовых последствий» [4]. Странный стиль Декларации объясняется тем, что написана она была румынскими дипломатами, плохо владеющими русским языком.

В том же 1991 г. румынский парламент принял специальную «Декларацию о Пакте Риббентропа—Молотова и его последствиях для нашей страны», т.е. Румынии. Показательно и Заявление правительства Румынии в связи с объявлением независимости Республики Молдова от СССР: «Провозглашение румынского государства (!) на территориях, силой аннексированных в результате секретных договоров, установленных Пактом Риббентропа — Молотова, представляет решительный шаг к устранению, мирным путем, пагубных последствий, направленных против прав и интересов румынского народа» [5].

С осуждением Пакта и заявлениями о необходимости восстановления исторической справедливости, попранной им, регулярно

выступали Президенты Румынии. Президент Илиеску: «В 1940 г. (!) был подписан Пакт Риббентропа—Молотова, согласно которому СССР оккупирует вновь румынскую территорию» [6]. Президент Бэсеску: «Кто может себе представить, что глава румынского государства подпишет договор, который узаконивал бы Пакт Риббентропа—Молотова?» [7] (так он обосновал отказ подписать с Молдовой договор, утверждающий восточную границу Румынии по Пруту).

В 2009 г. прорумынский и.о. президента Молдовы М. Гимпу издал Указ о Дне советской оккупации: «Принимая во внимание Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 года <...> в соответствии с которым 28 июня 1940 года Советский Союз оккупировал Бессарабию и Северную Буковину...» [8].

Кампания по демонизации Пакта Молотова — Риббентропа в Румынии и Молдове не утихает до сих пор. Ее цель очевидна. Это единственный способ обосновать тезис о незаконности возвращения Бессарабии СССР в 1940 г., и тем самым не только оправдать территориальные аппетиты Румынии, но и способствовать вытеснению России из Пруто-Днестровского междуречья. Причем ведется эта кампания исключительно методами массированного пиара, и к реальности она демонстративно не имеет никакого отношения.

ПРАВО РОССИИ

Бессарабию к России присоединил не Сталин, а Кутузов по Бухарестскому мирному договору 1812 г. в результате победоносной русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Тем самым он обеспечил Российской империи выгодные военно-стратегические позиции, связанные с обретением естественных границ по Дунаю и Пруту, а также освободил значительную часть православного молдавского народа от многовекового османского ига. Приднестровье вошло в состав России по Ясскому мирному договору на двадцать лет раньше — в 1792 году, по итогам побед Суворова и его «чудо-богатырей» над турецкими войсками. Никакой Румынии в то время еще и в помине не существовало.

Приобретение Бессарабии и Приднестровья в результате войн ни в коей мере не ставит под сомнение право России на эти территории. Вплоть до начала XX века война считалась неотъемлемым правом государства. Только в 1928 г. пактом Бриана-Келлога в международное право была введена норма отказа государств от войны как орудия национальной политики, а позже Устав ООН и вовсе объявил отказ от применения силы основополагающим принципом международного права.

Наряду с войнами международное право считало законными и территориальные приобретения победителя за счет побежденного. Лишь к XIX в. появилось существенное ограничение прав победителя: непременным условием перехода суверенитета над территорией становится его оформление двусторонним мирным договором или многосторонним международным соглашением. В противном случае действия победителя трактовались как оккупация или незаконная аннексия.

Именно «право победителя» с древнейших времен определяло и до сих пор определяет начертание государственных границ, включая границы в современной Европе. Никаких оснований ставить это право под сомнение применительно к России не существует. Ее военные трофеи столь же законны, как и трофеи всех других государств.

Установленная Кутузовым граница Российской империи по Пруту и Дунаю была юридически закреплена в строгом соответствии с нормами международного права XIX в. Первоначально это было сделано двусторонним договором России с Османской империей, а впоследствии многосторонним соглашением великих держав. Берлинским трактатом от 1878 г. она была признана границей между Россией и возникавшей в то время Румынией.

Итак, в 1812 г. суверенитет над Бессарабией легитимно перешел от Османской империи к империи Российской. Бессарабия по всем нормам международного права стала неотъемлемой частью России, такой же, как Техас — США, Уэльс — Великобритании, а Лотарингия — Франции.

РУМЫНСКАЯ ОККУПАЦИЯ

В 1918 г. румынские войска заняли Бессарабию, воспользовавшись Гражданской войной в союзной (!) Румынии России. Однако Россия, утратив территорию, не утратила прав на нее. В отличие от Османской империи Советская Россия не признала переход суверенитета над Пруто-Днестровским междуречьем к другому государству. Несмотря на все усилия, Румынии не удалось добиться от советского правительства ни прямого, ни косвенного признания аннексии Бессарабии.

Наркомат иностранных дел даже отказывался принимать от румынского МИД ноты, в которых применительно к Бессарабии и Днестру употреблялись термины: «румынская территория», «граница» или «румынский берег». В специальной инструкции посольству в Бухаресте предписывалось: «Документы с подобной терминологией должны быть возвращены в МИД (Румынии — И.Ш) без рассмотрения и немедленно» [9]. На всех советский картах вплоть

до 1940 г. Бессарабия обозначалась как оккупированная Румынией территория.

Не увенчалась успехом и попытка Румынии оформить свое право на захваченную территорию через решение международной конференции — Версальской конференции держав победительниц в Первой мировой войне.

Да, Англия, Франция, Италия и Япония подписали с Румынией в 1920 г. «Бессарабский протокол», признающий переход суверенитета над Бессарабией от России к Румынии. Однако и он де-юре правовой статус территории не изменил. Как отмечает известный украинский историк права В. Макарчук (в работе, написанной в соавторстве с Н. Рудым): «Nemo ad alterum plus iuris transferre potest quam ipse habet (лат.) — Никто не может передать больше прав, чем имеет их сам. Россия в Версале представлена не была и не рассматривалась как побежденное государство, чью территорию государства-победители имели бы право кромсать» [10].

Советская Россия наотрез отказалась признавать правомочность «Бессарабского протокола». В специальной ноте державам Антанты правительств РСФСР и УССР была четко обозначена позиция новых властей России: «Правительства Союзных республик России и Украины объявляют, что они не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами» [11].

Более того, СССР сорвал вступление в силу «Бессарабского протокола». При подписании в 1925 г. «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией», устанавливающей дипломатические и консульские отношения между странами, Советский Союз пошел на значительные экономические уступки Японии, потребовав в ответ отказа от ратификации протокола по Бессарабии. Получив обширные концессии на Дальнем Востоке, Япония сразу же вспомнила о нормах международного права, и Бессарабский протокол превратился в ничего не значащую бумагу, интересную лишь историкам дипломатии — для его вступления в силу требовалась ратификация всех стран-участниц договора.

Доказательством тому, что японский отказ от ратификации был результатом дипломатической борьбы СССР за Бессарабию, служит запись беседы Молотова с послом Японии в СССР уже после ее освобождения от румынской оккупации: «В начале беседы Того, говоря относительно Бессарабии, положительно оценивает факт разрешения вопроса о Бессарабии и подчеркивает, что в свое время при подписании Пекинской конвенции в 1925 году **Япония обещала, согласно желанию СССР, не ратифицировать договора**

о присоединении Бессарабии к Румынии. Можно сказать, продолжает Того, что уже тогда Япония предвидела наступление такогодня. Тов. Молотов ответил, что Япония поступила умнее, чем многие другие государства, не ратифицировав договора. Теперь же вопрос о Бессарабии разрешен, и наши отношения с Румынией поставлены на правильный путь и в нормальные условия *(выделено мною — И.Ш)*» [12].

Не признавая аннексию Бессарабии Румынией, Советский Союз не предпринимал попыток вернуть ее силой, хотя и имел на то полное право. Выступая на сессии Верховного Совета СССР 28 марта 1940 г., Молотов особо обратил на это внимание: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Советский Союз никогда не признавал, хотя никогда и не ставил вопрос о возвращении Бессарабии военным путем» [13].

Причина тому была не в пацифизме СССР, а в полной невозможности такого решения проблемы. Любая попытка Советской России вернуть свою территорию неизбежно привела бы к войне не с Румынией, а с консолидированным Западом по всему периметру границ СССР. Максимум, что в таких обстоятельствах можно было сделать — добиться отказа отдельных стран от признания румынского захвата, как в случае с Японией. Не больше.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ситуация в корне изменилась, когда великие державы Запада вновь вступили в борьбу за гегемонию в западной цивилизации и за господство над миром. Запад, как и во времена Наполеоновских войн и Первой мировой, раскололся. Перед Советской Россией на короткое время открылось окно возможностей. Москва, благодаря Пакту Молотова — Риббентропа, этим окном возможностей воспользовалась с максимальной эффективностью для обеспечения стратегических интересов Советского Союза, включая и решение бессарабского вопроса.

26 июня 1940 г. Молотов предъявил румынскому правительству ноту, фактически ультиматум, в которой потребовал в 24 часа вернуть захваченную Бессарабию ее законному хозяину — СССР.

Самостоятельно противостоять вышедшей из кризиса и окрепшей России Румыния не могла. Не оправдались и румынские надежды, как обычно, решить свои проблемы чужими руками. Израильский историк Г. Децкий пишет: «Получив ультиматум, король Кароль, буквально в бешенстве, вызвал германского посла во дворец. Однако бесконечные интриги короля лишили его всякого уважения в глазах всех великих держав. Риббентроп прямо обвинил

его в натравливании одной воюющей стороны на другую, когда он сначала получил английские гарантии, а потом искал поддержки у Германии после того, как её превосходство стало очевидным. К своему ужасу, король обнаружил, что итальянцы тоже сочувствовали претензиям русских. В конце концов, он попытался заручиться поддержкой англичан, мрачными красками рисуя советскую угрозу Проливам. Он призывал Черчилля действовать, "как лорд Солсбери и мистер Дизраэли, когда Бессарабия перешла в другие руки в 1878 г." Но в Лондоне к подобным намекам отнеслись как к "желанию румын в настоящий момент напугать нас до дрожи замыслами русских" (слова Черчилля — И.Ш.)» [14].

Румыния оказалась в полной изоляции. Германия еще не могла себе позволить конфликт с Россией (ее войска находились в только что побежденной Франции) и потому вынуждена была отказать Румынии в поддержке и рекомендовать ей принять советские условия. О вынужденном характере учета Третьим рейхом интересов России свидетельствует запись в дневнике Геббельса: «Требования русских неожиданны, это противоречит имеющимся договоренностям (в Секретных протоколах к Пакту Молотова — Риббентропа зафиксирован лишь «интерес» СССР к Бессарабии и отсутствие такового у Германии — И.Ш.), настоящее мародерство, русские решительно используют ситуацию» [15].

Позиция Германии предопределила и позицию союзной ей Италии, подписавшей в 1920 г. протокол о передаче Бессарабии Румынии. В новых условиях у итальянского правительства «открылись глаза», и оно вспомнило вдруг о нормах международного права. Министр иностранных дел Италии Чиано сообщил советскому полпреду: «Италия целиком признает права СССР на Бессарабию» [16]. Эта позиция была официально доведена до сведения Румынии, с предложением выполнить все требования СССР.

Если Германия еще не могла противодействовать восстановлению территориальной целостности СССР, то Англия уже не могла себе позволить конфликтовать с СССР из-за каких-то там румынских великодержавных аппетитов. Для Англии, лишившейся после разгрома Франции «шпаги на континенте», самым важным в тот момент было всеми способами втянуть СССР в войну против Германии, т.е. обрести новую «шпагу».

Поэтому, когда румынское руководство пыталось спровоцировать Великобританию на введение флота в Черное море, английский посол Криппс по поручению Черчилля сообщил в Кремле Сталину «о желательности установления порядка на Балканах под эгидой СССР» [17]. Иными словами, в обмен на поддержку против Третьего рейха Великобритания готова была не только признать

право Советского Союза на Бессарабию, но и пообещать ему контроль над всеми Балканскими странами, включая и Румынию.

Прекрасно понимая цели Черчилля, Сталин от столь щедрого «дара данайцев» отказался. «Тов. Сталин, — гласит запись беседы с послом, — считает долгом сказать, что СССР не имеет такого намерения. Господствовать на Балканах СССР не стремится и такое стремление считает опрометчивым и опасным <...> Касаясь Балкан, тов. Сталин говорит, что требования СССР к Румынии ограничиваются теми заявлениями, которые были опубликованы (имеется в виду нота с требованием вернуть Бессарабию)» [18].

Франции — еще одного потенциального защитника Румынии от СССР, страны, которая демонстративно в 1924 г. во время советско-румынской мирной конференции ратифицировала Бессарабский протокол, к моменту предъявления советского ультиматума, как великой державы уже не существовало.

Не существовало уже на карте и другой румынской союзницы — Польши, так же официально признавшей захват Бессарабии, которой Румыния, следует напомнить, отказалась помочь в момент германской агрессии 1939 г., сославшись на то, что у них военный союз только против России.

Румынию не поддержали и союзники по Балканской Антанте — Греция, Турция и Югославия. В изменившихся условиях они все вдруг тоже осознали отсутствие у нее законных прав на Бессарабию. Болгария же и Венгрия сами считали, что румыны оккупируют их национальные земли и притесняют венгерское и болгарское меньшинства. Поэтому в действиях СССР они видели важный для себя прецедент, открывающий и перед ними возможность решения территориального вопроса в свою пользу. Что, кстати сказать, они успешно и сделали сразу после возвращения Бессарабии Советскому Союзу: Болгария вернула себе Южную Добруджу, а Венгрия — Северную Трансильванию.

Прекрасно понимая ситуативный характер всеобщей приверженности нормам международного права, Румыния попыталась затянуть переговоры, чтобы дождаться лучших времен, когда неизбежно Германия начнет войну с Советским Союзом. Но, что удалось в свое время Османской империи, которая несколько лет вела переговоры, пока под угрозой наполеоновского вторжения Россия не пошла на максимальные уступки, то не удалось Румынии. Советский Союз в ловушку переговоров не пошел и пригрозил военной акцией. Выхода не было. Румыния приняла советский ультиматум и по советско-румынскому соглашению от 28 июня 1940 г. возвратила незаконно оккупированные территории. Бессарабия вновь вошла в состав России, только уже Советской, а молдавский народ, как и в 1812 г., избавился от иноземного гнета, и вновь, спу-

стя многие века, обрел свою государственность в виде Молдавской ССР в составе Советского Союза.

В 1940 г. Советский Союз в полной мере использовал открывшееся на краткий миг окно возможностей для того, чтобы возвратить незаконно отторгнутую территорию. Вместе с тем, по справедливому утверждению молдавского историка С. Назария, это стало и закономерным результатом упорной «22-летней борьбы советской дипломатии за возврат Пруто-Днестровской Молдовы в состав советского государства» [19]. Первого без второго никогда бы не было.

Законность возвращения Бессарабии (Молдавии) в состав СССР, как и законность установленной Кутузовым границы по Пруту и Дунаю, была после Второй мировой войны подтверждена мировым сообществом в 1947 году. В Парижском мирном договоре союзных держав (СССР, США, Великобритания, Австралия, Белоруссия, Канада, Чехословакия, Индия, Новая Зеландия, Украина, Южно-Африканский Союз) с Румынией статья №1 гласит: «Советско-румынская граница устанавливается в соответствии с Советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 г.» [20].

Напомню, это именно то соглашение, от которого в официальных документах Молдовы и Румынии, не говоря уже о многочисленных заявлениях их политических и общественных деятелей, отсчитывается начало советской «оккупации» Бессарабии. Театр абсурда.

Пакт Молотова — Риббентропа сыграл в возвращении Бессарабии ключевую роль. Хотя само возвращение проходило на основании других правовых актов — советского ультиматума от 26 июня 1940 г. и советско-румынского соглашения от 28 июня того же года. Однако именно Пакт, обеспечив невмешательство в конфликт великих держав Запада, сделал это возвращение возможным.

ПАКТ И ВЕЛИКАЯ РУМЫНИЯ

Поэтому надо признать, что у Бухареста есть все основания уже не одно десятилетие его проклинать. Для Румынии он действительно был катастрофой. Вся ее политика основывалась на том, что великие державы ради того, чтобы не допустить усиления России, защитят румынские захваты. Взятая ею на себя роль «стража интересов европейской цивилизации на Днестре» должна была обеспечить ей безопасность и безнаказанность. Со времен подписания странами Антанты Бессарабского протокола такая политика давала Румынии блестящие результаты. В августе 1939 г. одна из великих держав пошла на соглашение с Россией. Общеевропейские интересы отошли на второй план. Главным стала борьба за гегемонию в западной цивилизации. Румыния в этом противоборстве по-

чти ничего не значила, а Россия могла решить его исход. «Страж европейских интересов на Днестре» оказался временно никому не нужен.

Дело даже не в том, что румынам пришлось вернуть Бессарабию, а следом и захваченную у Болгарии Добруджу и у Венгрии Трансильванию. Пакт стал символом уязвимости и зыбкости главного принципа построения «Великой Румынии»: расширение за счет соседей в период их кризиса, с последующей защитой приобретений чужими руками. Пакт напоминает, что для государства-мародера в любой момент все может рухнуть при неожиданном и независящем от Румынии изменении баланса сил в Европе и мире.

Несомненное и вполне объяснимое наличие у Румынии комплекса, связанного с Пактом Молотова — Риббентропа, вовсе не означает, что в основе беспрерывных призывов устранить его политико-правовые последствия лежат исключительно психологические причины. На первом месте, как всегда в международных отношениях, находятся государственные интересы.

Румынские политики прекрасно знают, что Советско-германский договор о ненападении перестал действовать 22 июня 1941 г. Как известно им и о том, что Румыния устранила для себя все его политико-правовые последствия после повторной оккупации Бессарабии в том же июне 1941, а послевоенные границы определялись Большой тройкой в Ялте и Потсдаме. Полагаю, что напрасно язвит над ними молдавский правовед Александр Буриан: «Можно себе представить, как в Ялте Рузвельт, Черчилль и Сталин проводили европейские границы, руководствуясь положениями пресловутого пакта. Это, в принципе, даже не смешно, хотя и произносится неоднократно устами главы соседнего государства» [21].

Румынские политики, добивающиеся присоединения Бессарабии к своей стране, под лозунгом восстановления справедливости, попранной преступным Пактом, естественно, знают, что юго-западные границы СССР, а соответственно, восточные границы Румынии определил Парижский мирный договор 1947 г. Однако в период распада Советского Союза, когда забрезжила надежда, что (как и при распаде Российской империи) вновь удастся захватить Бессарабию, Румыния не могла себе позволить требовать пересмотра Парижского мирного договора. Такое требование равнялось бы открытому призыву к пересмотру итогов Второй мировой войны. У Бухареста не было никаких гарантий, что Запад ради ее великодержавных амбиций одобрит подобную инициативу. А без его поддержки, без возвращения роли «стража европейской цивилизации на Днестре», «Великую Румынию не построишь».

Была и еще одна причина, даже более веская, невозможности открыто выступать против Парижского мирного договора. Этот договор установил не только границу с Советским Союзом, но и с

Венгрией. Статья вторая Парижского мирного договора гласит: «Решения Венского арбитража от 30 августа 1940 года объявляются несуществующими. Граница между Румынией и Венгрией, существовавшая на 1 января 1938 года, настоящим договором восстанавливается» [22]. Тем самым, Румынии из состава Венгрии передавалась Трансильвания.

Напомню, Румыния захватила Трансильванию по итогам Первой мировой войны, воспользовавшись развалом Австро-Венгерской империи. В 1940 г., после возвращения Советским Союзом Бессарабии, Венгрия также потребовала вернуть свое, что и была вынуждена сделать Румыния по итогам Венского арбитража. После Ясско-Кишиневской операции, когда невозможность удержать оккупированную в 1941 г. Бессарабию стала очевидна, Румыния, по хорошо отработанной схеме, резко сменила фронт. Примкнула к победителям и вместе с советскими войсками вступила в войну с Венгрией, сохранившей верность Рейху.

Такой кульбит и принес Румынии Трансильванию уже по итогам Второй мировой войны. Но закреплено это приобретение было в том же договоре, который еще раз подтвердил советский суверенитет над Бессарабией. На эту неразрывную взаимосвязь международно-правовых гарантий западной и восточной границ Румынии указывал еще в 1947 г., при ратификации Парижского мирного договора, вице-председатель Совета Министров и министр иностранных дел Румынии Г. Тэтэреску: «Договор составляет единый блок. Он не может быть принят иначе, как целиком, и не может быть отвергнут иначе, как целиком... ВОЗВРАЩЕНИЕ всей Трансильвании явилось для нашего правительства самой важной целью его действий» [23]. Сказано предельно точно и ясно. Румынской последовательности в территориальном расширении за счет соседей, причем, неважно с чьей помощью, остается только удивляться.

В условиях полной невозможности ставить под сомнение Парижский мирный договор 1947 г. и одновременного стремления прибрать к рукам Молдову румынские политики, опять надо отдать им должное, нашли блестящий ход: объявили границу по Пруту результатом не Парижского мирного договора, а Пакта Молотова — Риббентропа, и развернули шумную кампанию по пересмотру его «преступных» последствий. Такой подход, конечно, позволяет специалистам (историкам и правоведам) ставить под сомнение их умственные способности, но ради «Великой Румынии» они готовы потерпеть насмешки, от которых им ни холодно, ни горячо. Никто в Румынии и в Молдове таких специалистов к ведущим средствам массовой информации не допустит. Главное результат, а он есть, и это несомненно.

Запад румынскую игру принял и в полной мере поддержал. Тем более что инициатива Румынии полностью совпала с его соб-

ственным стремлением пересмотреть итоги Второй мировой войны в отношении России. Так захватнические интересы Румынии, в который уже раз, совпали с интересами консолидированного Запада. И она получила полную возможность под прикрытием дымовой завесы борьбы с преступным Пактом прибирать к рукам Молдову.

В Румынии и на Западе прекрасно понимали, что политика пересмотра политико-правовых последствий Пакта — это политика пересмотра Парижского мирного договора 1947 г. Но такая игра всех устраивала. Она позволяла в случае успеха румынской экспансии признать присоединение Молдовы к Румынии, не ставя под сомнение всю систему границ, определенных Парижскими мирными договорами (они касались не только границ Румынии). Все было бы в полном соответствии с нормами международного права. На уровне заявлений политиков и пропаганды. Мнения специалистов никто бы тиражировать не стал. Правда, в случае изменения интересов их сразу бы вспомнили и с легкостью объявили румынский захват нелегитимным. Но пока такой необходимости нет, независимо от реального отношения Пакта к границе по Пруту, кампания по преодолению его последствий будет продолжаться.

Как видим, румынское отношение к Пакту вполне понятно и объяснимо. Для них он был, есть и будет символом всего самого худшего, что может с Румынией случиться. И одновременно для Румынии Пакт является эффективным инструментом реализации ее захватнических планов на Молдову, строительства «Великой Румынии».

Вместе с тем, у России нет никаких причин считаться с румынскими интересами и комплексами и в угоду им признавать преступным Пакт, по которому удалось вывести захватчика из-под защиты Запада. Как нет никаких оснований признавать преступными и действия советского правительства, направленные на освобождение исконно российской и молдавской земли от румынской оккупации.

ПРИБАЛТИКА

Если в Румынии, как мы видели, тема «преодоления последствий Пакта Молотова — Риббентропа» играет ключевую роль во внешней политике страны, то в республиках Прибалтики миф о советской «оккупации» стал и вовсе краеугольным камнем государственности, без которого просто немыслима их современная политическая система, а не только внешняя политика.

Эстония, Латвия и Литва позиционируют себя как прямое продолжение довоенных государств (принцип континуитета). По их официальной версии, в 1920 г. Советская Россия признала их независимость, а в 1940 г., «оккупировала» на основании Пакта Моло-

това — Риббентропа. Однако республики Прибалтики де-юре сохранили свою государственность, и восстановили ее в 1991 г. Соответственно, СССР — государство-оккупант, а его граждане, поселившиеся в Прибалтике — «гражданские оккупанты».

Конечно, все народы имеют полное право создавать какие угодно исторические мифы и даже верить в них. До тех пор, пока это не касается жизненных интересов других народов и государств.

Латвия и Эстония, из состава которых в период «советской оккупации» в РСФСР были переданы некоторые, населенные преимущественно русскими, территории, сразу же после обретения независимости, опираясь на доктрину континуитета, стали предъявлять России территориальные претензии на Пыталовский район (Латвия) и города Печоры, Изборск, Ивангород (Эстония).

Литва, в отличие от Латвии и Эстонии, за время пребывания в СССР почти на треть увеличила территорию и даже (благодаря Москве) вернула свою столицу Вильнюс (ранее оккупированную Польшей). Поэтому лишенная возможности требовать территории, она решила выставить России (как правопродолжателю Советского Союза) многомиллиардный счет. Литовский пример пробудил финансовые аппетиты и Латвии с Эстонией. Даже сугубо предварительно латышские эксперты быстро успели насчитать почти 200 миллиардов долларов, которые Россия должна выплатить пострадавшей от ее «оккупации» Латвии.

Несомненно, если бы все сводилось исключительно к предъявлению России многомиллиардных счетов и к территориальным претензиям, то обращать серьезное внимание на эту возню не было бы никаких оснований. Как сказал В.В. Путин: «Не Пыталовский район они получат, а от мертвого осла уши» [24].

Однако главным проявлением политики преодоления последствий «оккупации» в Прибалтике является совершенно реальная, осуществляемая уже три десятилетия, дискриминация русского населения.

В результате этой политики в якобы демократических странах, членах Евросоюза, значительная часть населения (преимущественно русские), исправно платящая налоги, оказалась поражена в политических и гуманитарных правах, столкнулась с практикой «запретов на профессию».

Ограничение в правах каких-либо групп населения и даже полное их лишение встречались в истории неоднократно, но в современных демократических государствах подобное наблюдалось ранее лишь в Соединенных Штатах Америки (до отмены расовой дискриминации специальным законом в 1964 г. в результате массового общественного движения за права чернокожих граждан). В Европе, пока прибалтийские республиками не обрели независи-

мость, прецедентов подобной политики не было. Как известно, Третий рейх демократическим государством себя не объявлял.

Следует также учитывать, что миф о советской «оккупации» имеет и совершенно определенное глобальное измерение. Если присоединение Прибалтики признается «оккупацией», тогда появляется возможность «доказать», что на первом этапе Второй мировой войны две агрессивные империи совместно делили мир, пока империалистические инстинкты не столкнули их в смертельном противоборстве.

Так, казалось бы, сугубо региональное и даже местечковое историческое мифотворчество прибалтийских режимов становится элементом борьбы за геополитический передел мира, порожденной крахом СССР и биполярной системы мироустройства. Именно поэтому и прибалтийские режимы, и страны Запада, и российские либералы с таким упорством продвигают концепцию советской оккупации Прибалтики.

Только несколько примеров:

- Сенат США в 2005 г. единогласно принял резолюцию, призывающую правительство Российской Федерации «сделать ясное и недвусмысленное заявление о признании и осуждении незаконной оккупации и аннексии Советским Союзом с 1940 по 1991 годы прибалтийских стран — Эстонии, Латвии и Литвы» [25].

- Президент Литвы Валдас Адамкус (1998—2009 гг.) в интервью Le Figaro заявил: «Владимир Путин говорит нам: "О какой оккупации вы говорите?" Он объясняет нам, что пакт Молотова — Риббентропа был осужден при Ельцине и этого будет для нас достаточно. Я отвечаю: "Нам не нужны извинения. Мы хотим услышать только одно. Да, Россия оккупировала страны Балтии и удерживала их силой на протяжении 50 лет. Точка"» [26].

- Член президентской Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России Н. Сванидзе: «Да. Имела место оккупация Прибалтики. Но она имела место еще до войны по пакту Молотова — Риббентропа по его секретным протоколам, отрицать это невозможно, все равно что отрицать, что сейчас весна на дворе. Но это правда. И после войны советские войска туда вернулись. Для Прибалтики освобождение от фашистов перешло в оккупацию со стороны советских войск» [27].

РЕАЛЬНОСТЬ

Территория современной Эстонии и большей части Латвии вошли в состав России не в 1940-м, а в 1721 г. по Ништадтскому мирному договору. Полезно напомнить, что Россия заплатила за эти земли огромную по тем временам сумму — 2 млн. ефимков. Что позволяет говорить не только о завоевании, но и покупке территории в русскую собственность у ее тогдашнего законного владельца — Швеции. Оставшаяся часть современной Латвии и Литва были присоединены к России уже при Екатерине Великой по результатам так называемых разделов Польши. Сколько бы проклятий в адрес этих разделов не было произнесено поляками и представителями прогрессивной общественности, они в полной мере соответствовали нормам международного права XVIII в.

В период Гражданской войны в этих губерниях власть захватили сепаратисты, которые при поддержке внешних сил объявили о своем отделении от России. В отличие от захвата Бессарабии Румынией независимость Эстонии, Латвии и Литвы Советская Россия в 1920 г. была вынуждена признать

Осенью 1939 г. в условиях начавшейся в Европе Второй мировой войны СССР вынудил (именно вынудил) прибалтийские государства согласиться на заключение договоров о взаимопомощи и размещение на их территории советских военных баз. В 1940 г. в ультимативной форме Москва добилась отставки правительств и проведения досрочных выборов, по итогам которых все три республики обратились к руководству СССР с просьбой принять их в состав Советского Союза. Прибалтика вернулась в состав России, существовавшей тогда в форме СССР. Нельзя не признать того, что Пакт Молотова — Риббентропа в этом возвращении Прибалтики в «родную гавань» сыграл огромную роль. Он лишил руководство прибалтийских государств возможности использовать против Советского Союза Германию, а предоставленные сами себе правящие режимы Эстонии, Латвии и Литвы, не имевшие почти никакой опоры в народе, устоять были не в состоянии.

Именно этот процесс возвращения незаконно отторгнутой в ходе Гражданской войны Прибалтики в СССР ныне и именуется противоправной и преступной «оккупацией», за которой последовала не менее приступная «аннексия».

«ОККУПАЦИЯ» И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Отличительной особенностью беспрерывно звучащих обвинений СССР в оккупации суверенных государств является то, что никто из обвинителей (совершенно случайно?) не считает для себя нужным поинтересоваться в справочниках по международному

праву, что такое «оккупация» и какие действия подпадают под это понятие. Просто поразительна «неосведомленность» борцов с русским/советским империализмом о том, что правовые термины имеют четко определенный смысл.

Вопрос о правомерности применения понятия «оккупация» к процессу вхождения Прибалтики в состав СССР с международно-правовой точки зрения был исследован вице-президентом Российской Ассоциации международного права С.В. Черниченко, который дал однозначное заключение: «ни о какой оккупации Прибалтийских государств советскими войсками не может быть и речи» [28].

«Военная оккупация, — пишет С.В. Черниченко, — временное занятие неприятельской армией части территории или всей территории противника без перехода суверенитета над занятой территорией к оккупирующему государству. Между Советским Союзом и Латвией, Литвой и Эстонией в 1940 году не существовало состояния войны. Между ними не велись какие-либо военные действия без объявления состояния войны. **Советские войска не нападали на эти государства и не занимали их территорию без их согласия. Таким образом, их нельзя относить к неприятельским войскам, а их ввод на территорию Прибалтийских государств не может быть расценен как оккупация** *(выделено мною — И.Ш.)*» [29].

Существует в международном праве, отмечает С.В. Черниченко, и понятие о невоенной оккупации, но оно касается лишь занятия не населенных и никому не принадлежащих территорий. Отнести к таковым Прибалтику 1940 года невозможно.

Правовую оценку С.В. Черниченко в полной мере подтверждает и руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН Р.Х. Симонян: «IV Гаагская конвенция от 18 ок¬тября 1907 г., подписанная 44 странами, рассмат¬ривает оккупацию как последствие междуна¬родного военного конфликта, т.е. оккупации должны предшествовать военные действия меж¬ду государствами. Оккупированной считается территория противника, занятая в ходе войны или военного конфликта. Именно так оккупацию определяет ст. 42 в разд. III "О военной власти на территории неприятельского государства". Так же трактует понятие "оккупация" и более позд¬ний международный документ — Женевская кон¬венция "О защите населения во время войны" от 12 августа 1949 г. Но в 1939—1940 гг. между СССР и Латвией, СССР и Литвой, СССР и Эстонией не было ни вооружённого конфликта, ни военных действий. Следовательно, исходя из определения, зафикси¬рованного Гаагской конвенцией, не было и окку¬пации. Других документов в системе международ¬ного права, определяющих понятие "оккупация", не было» [30].

Не имея возможности опровергнуть очевидный факт отсутствия военных действий между прибалтийскими республиками и Советским Союзом, поборники мифа об «оккупации» пытаются обвинить СССР в агрессии (без применения военной силы). Основываются они на разработанной Советским Союзом Конвенции об определении агрессии от 1933 г., в которой прямое военное нападение трактовалось лишь как одна из форм агрессии. В качестве доказательства того, что действия СССР подпадают под определение агрессии, приводится морская блокада Эстонии Советским Союзом (пункт 4 статьи 2 Конвенции — «морская блокада портов и берегов другого государства») [31].

Нет нужды даже вступать в сугубо исторический спор: была или нет блокада и как ее можно трактовать. Например, Р.Х. Симонян полагает, что у СССР «был безупречный формальный повод» [32]. Важнее другое. Конвенция 1933 г. в принципе неприменима к оценке событий, связанных с возвращением Прибалтики.

Разработанная советскими юристами Конвенция считается крупным прорывом в области международного права. Она легла в основу определения агрессии, принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г. Но в действующее предвоенное международное право она не вошла. Помешала позиция тогдашних великих держав. «Англичане, — как отмечает В.М. Фалин, — в ту пору не уставали твердить: будучи империалистической державой, Британия не может не быть агрессивной» [33].

Разрабатывался документ в рамках Конвенции о сокращении и ограничении вооружений, которая подписана не была. «Со времен Рима, — напоминает украинский специалист по предвоенному международному праву Владимир Макарчук, — правовой аксиомой признавался тот факт, что, в случае недействительности основного договора, не вступает в силу и акцессорный» [34].

На этом основании В.С. Макарчук утверждает: «Соблюдение правительствами заинтересованных стран (включая, конечно, и СССР) условий этого "акцессорного" договора было актом доброй воли, отказаться от которого позволяли соображения того, что на протяжении долгого времени ведущие европейские державы не подписывали конвенцию о разоружении» [35].

Итак, не было войны, не было агрессии, следовательно, в принципе не могло быть и никакой «оккупации», которую прибалтийские режимы положили в основу своей государственности и которую Запад сейчас активно использует, насаждая новую концепцию Второй мировой войны.

Причем это не юридическое крючкотворство. Правовые нормы, тем более, когда их используют для выдвижения финансовых и территориальных претензий, а также поражения в правах сотен

тысяч людей, в обязательном порядке должны иметь однозначный, утвержденный международным сообществом смысл. Только это делает их нормами международного права. Любые вольности в данной сфере — путь в произвол и беззаконие.

Казалось бы, вопрос исчерпан. Но если политический интерес требует признания того, что дважды два равняется пяти, то в «доказательствах» недостатка не будет. Миф о преступной «оккупации» является тому наглядным примером.

С одной стороны, появились рассуждения о никогда не существовавшей в международном праве «оккупации в мирное время» (occupatio pacifica) и квази-оккупации. С другой стороны, «оккупацию» Прибалтики стараются доказать несоответствием действий СССР по отношению к Эстонии, Латвии и Литве другим нормам международного права. По принципу, раз противоправно, значит «оккупация».

Однако и при таком подходе у поборников лжи об «оккупации» концы с концами не сходятся.

До сих пор никому не удалось опровергнуть тот факт, что размещение советских войск в прибалтийских государствах на основе договоров о взаимопомощи 1939 г., последующий ввод дополнительных воинских контингентов в 1940 г. в результате советских ультиматумов, а также вступление Прибалтики в состав СССР в 1940 г. осуществлялись в соответствии с решениями законных органов власти Эстонии, Латвии и Литвы, правомочных принимать соответствующие решения.

Наверное, самую оригинальную попытку «доказать» незаконность заключенных прибалтийскими государствами договоров о взаимопомощи с СССР предпринял уже не раз упоминавшийся ведущий латышский специалист по проблемам «оккупации» И. Фелдманис: «Договоры, которые были заключены о взаимной помощи между столь неравными по силе сторонами (державой и малыми и слабыми государствами) трудно оценивать как легитимные» [36].

Статья Фелдманиса, «обогащающая» международное право новым признаком заведомой нелегитимности межгосударственных договоров (несоизмеримые «весовые категории» договаривающихся сторон), размещена на сайте МИД Латвии. Она отражает не только личное мнение автора, но и является правовым обоснованием официальной позиции латышского государства по проблеме вхождения республики в состав СССР.

Следовательно, в пылу борьбы с русским империализмом министерство иностранных дел Латвии подвело правовую базу под признание нелегитимными договоров прибалтийских республик об их вступлении в НАТО и всех двусторонних договоренностей с

Америкой в сфере безопасности. Если, конечно, латвийский МИД не считает, что США равны по силе маленькой, но гордой Латвии.

Пропагандисты мифа об «оккупации» обычно ссылаются на вынужденный характер действий прибалтийских властей, не имевших возможности в условиях 1939—1940 гг. противиться воле СССР. Так, по мнению профессора М.И. Семиряги: «Ультимативные методы, которые применяли Сталин и Молотов в своей практике отношений с суверенными странами, нельзя оправдать никакими особенностями тогдашней международной обстановки, благородными требованиями безопасности и другими соображениями. Такие методы и в политическом, и в юридическом плане противоречат общепринятым принципам в практике международных отношений и должны быть безусловно осуждены. Пакты о взаимопомощи с Прибалтийскими республиками были навязаны советским руководством под угрозой применения силы. Это были неравные договоры, которые существенно ограничивали проведение политики нейтралитета этими государствами» [37].

Пафос автора понятен, хотя его утверждение о некой возможной политике нейтралитета прибалтийских государств во Второй мировой войне и лежит за гранью научного анализа, а если называть вещи своими именами, является чистой воды демагогией. Но для нашей темы важнее другое: на каком конкретно юридическом основании действия Советской России по присоединению Прибалтики должны быть осуждены, да еще и «безусловно», как утверждает г-н профессор?

Дмитрий Кленский, один из активных борцов за права русского и русскокультурного населения Эстонии, анализируя доводы поборников мифа об «оккупации», обращает внимание на существенную особенность их системы доказательств — сознательный отказ от принципа историзма (что уже видели на примере трактовки понятия «агрессия»). Они в основном опираются на Устав ООН, запрещающий применение силы и угрозы ее применения в отношениях между государствами, и Венскую конвенцию «О праве международных договоров», которая признает противоправными договоры, заключенные путем ультиматумов [38].

Однако данная Конвенция, подчеркивает Д. Кленский, не имеет обратной силы, что в ней специально оговаривается, и применяется «только к договорам, заключенным государствами после ее вступления в силу в отношении этих государств» [39]. Принята Конвенция была 23 мая 1969 года, а для СССР вступила в силу только 29 мая 1986 года. Хотя Устав ООН, в котором был сформулирован запрет на применение угрозы военной силы в межгосударственных отношениях и был принят раньше — в 1945 году, но и он к предвоенным договорам не имеет никакого отношения.

Впрочем, и сами прибалтийские ученые, в отличие от их либеральных собратьев в России, не могут в угоду политической конъюнктуре отрицать очевидное. Эстонский исследователь международно-правовых основ событий 1939—1940 гг. Лаури Мялксоо пишет: «Хотя и под давлением, правительства стран Балтии все же согласились с условиями договоров о взаимопомощи. Эти договоры применялись на практике более чем полгода, поэтому говорить об их недействительности задним числом было бы фикцией. Кроме того, в то время доминировало мнение юристов <...>, согласно которому заключенные под принуждением договоры не были автоматически недействительными» [40].

ПРОВОКАЦИЯ

Выход из очевидной невозможности объявить действия СССР противоречащими нормам международного права того времени «мифотворцы» ищут в решениях (ни много ни мало!) Нюрнбергского трибунала, пытаясь поставить присоединение Прибалтики на одну доску с захватом Австрии и Чехословакии Германией.

Из того факта, что Нюрнбергский трибунал, несмотря на отсутствие военных действий, квалифицировал немецкие захваты как акты агрессии, Л. Мялксоо делает вывод: «Анализ практики Нюрнбергского трибунала по военным преступлениям дополнительно подтверждает точку зрения, согласно которой Советский Союз совершил агрессию против стран Балтии» [41].

Его поддерживает и латышский профессор Дитрих Лебер (во время войны добровольцем воевал против СССР): «Нюрнбергский военный трибунал включил ультиматум Германии Австрии в 1938 г. в состав тех актов, которые считаются преступлением против мира» [42], что позволяет аналогично трактовать и советские ультиматумы прибалтийским республикам.

При всей внешней убедительности перед нами, в очередной раз, откровенная пропаганда и спекуляция. И никакого преувеличения в такой трактовке нет.

«Если проанализировать факты, — пишет С.В. Черниченко, — легко заметить, что параллели здесь неуместны. <...> Немецкие войска вторглись в Австрию, а ее присоединение к Германии (аншлюс, т.е. аннексия) было "оформлено" уже после ввода на ее территорию немецких войск». Захват Чехословакии был осуществлен в результате договора о «включении чешского народа в состав Германской империи», навязанного президенту Гаха в Берлине после сообщения об уже отданном приказе вермахту начать вторжение.

Поэтому «вторжение немецких войск в Австрию и Чехословакию, безусловно, представляло собой агрессивную войну, хотя вторжение и не встретило сопротивления. Аннексия, которая яви-

лась следствием агрессивной войны и договора, заключенного в результате принуждения (в случае с Чехословакией), к началу Второй мировой войны считалась недействительной» [43].

В отличие от этого, ввод советских войск осуществлялся строго на основе уже действовавших межгосударственных договоров (хотя и заключенных под давлением), а вхождение Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР произошло после соответствующих обращений их высших законодательных органов. Поэтому, делает вывод С.В. Черниченко, решения Нюрнбергского трибунала к данным событиям неприменимы: «включение Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР не противоречило действовавшему в 1940 году общему международному праву» [44].

Как видим, разница принципиальная. Не понять ее прибалтийские правоведы не могут. А если не понимают — значит, не хотят понимать. Следовательно, есть все основания рассматривать обвинения СССР в «оккупации», с использованием решений Нюрнбергского трибунала, как пропаганду, не имеющую ничего общего с научным поиском. А всякая пропаганда имеет политическую цель.

В данном случае цель очевидна, и она не только в том, чтобы найти еще один внешне убедительный довод в поддержку мифа об «оккупации». В Нюрнберге Советский Союз вместе с союзниками судил нацистских преступников. Теперь прибалтийская пропаганда пытается представить СССР не как вершащего суд победителя, а как преступника, по каким-то странным обстоятельствам не оказавшегося на скамье подсудимых в Нюрнберге. Следовательно, перед нами один из элементов широкомасштабной кампании по пересмотру смысла Второй мировой войны. Не более того, но и не менее.

Особую гнусность этому пропагандистскому ходу (к пропаганде такие определения вполне приложимы) придает то, что он исходит от государств, где нагло и цинично попирают решения Нюрнбергского трибунала, чествуя недобитых ветеранов СС.

НАРУШЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ ДОГОВОРОВ

Наряду с попытками вывести осуждение СССР из решений Нюрнбергского трибунала, Советский Союз активно обвиняется в нарушении двусторонних договоров с прибалтийскими республиками и их внутреннего права (конституций). Чаще всего ссылаются на договоры о ненападении Советского Союза с прибалтийскими государствами. Так, договор с Эстонией от 1932 г. в статье №1 содержал обязательство сторон не совершать «действий, направленных против целости и неприкосновенности территории или против политической независимости другой стороны». Аналогич-

ные положения были в договорах с Латвией и Литвой. Предусматривали они и обязательные согласительные процедуры в случае возникновения разногласий.

Нет нужды отрицать, что подобные обязательства СССР на себя брал. Как нет нужды отрицать и того, что в 1940 г. он явно взял курс на ликвидацию прибалтийской независимости и ни к каким согласительным процедурам во взаимоотношениях с ними в 1939—1940 г. не прибегал. Однако из этого вовсе не следует, что советские действия были незаконны.

В международном праве действует доктрина rebus sic stantibus — сохранение силы договора только при неизменных обстоятельствах. Все договоры заключаются государствами во имя национальных интересов, и они всегда стоят на первом месте. Советская Россия заключила договоры о ненападении с Эстонией, Латвией и Литвой не ради самих договоров, а для обеспечения собственной безопасности.

В условиях надвигающейся Второй мировой войны эти договоры уже не могли предотвратить использование территории Прибалтики как плацдарма германской агрессии против СССР. Поэтому на переговорах с Англией и Францией ставился вопрос о коллективных гарантиях независимости прибалтийских республик. Не получив поддержки, Советский Союз добивается от Эстонии, Латвии и Литвы заключения договоров о взаимопомощи, предусматривающих размещение воинских контингентов Красной Армии на их территории (военных баз).

Крах Франции и фактическое прекращение боевых действий на Западе опять кардинально меняют международную обстановку. В новых условиях советские базы в Прибалтике ничего гарантировать СССР не могли. Тогда и был взят курс на включение прибалтийских государств в состав Советского Союза.

Коренным образом менялась международная обстановка, менялось и отношение СССР к ранее заключенным договорам. Международное право не обязывает государства жертвовать своей безопасностью и жизненными интересами ради соблюдения двусторонних договоренностей.

Более того, в предвоенном международном праве существовало отсутствующее ныне «право на самопомощь». В соответствии с ним, пишет В.С. Макарчук, «государство, которое считало, что действие другого субъекта международного права представляют угрозу для его жизненно необходимых интересов (а последние трактовались весьма обширно), могло в соответствии с действующим международным правом прибегнуть к силовым действиям для устранения этой угрозы» [45].

«Право на самопомощь» широко применялось в период Второй мировой войны и, следовательно, соответствовало правоприменительной практике того времени. Например, 10 мая 1940 г. английские и французские войска заняли принадлежавшие Голландии острова Аруба и Кюрасао, дабы не допустить их оккупации Германией.

СССР в случае с Прибалтикой, в отличие от Англии и Франции, не стал пользоваться «правом на самопомощь» и силой оккупировать Эстонию, Латвию и Литву, хотя и имел на это полное право. Был избран другой путь обеспечения своей безопасности — через восстановление территориальной целостности страны путем реинтеграции Прибалтики.

Поэтому нет никаких оснований считать реально существовавшее нарушение Советским Союзом двусторонних договоров с прибалтийскими государствами преступным нарушением международного права и объявлять на этом основании его действия «оккупацией»» и «незаконной аннексией».

ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Постоянно звучащим в адрес СССР обвинением является и то, что присоединение Прибалтики было грубым попранием права наций на самоопределение. Принцип права наций на самоопределение был провозглашен Советской Россией сразу после Октябрьской революции, и хотя окончательно он вошел в международное право в качестве одного из принципов только с образованием ООН, считать его недействующим в предвоенные годы (подобно «определению агрессии») нельзя.

Советская Россия внедрила его в реальную практику международных отношений при заключении договоров с сепаратистскими режимами, победившими на окраинах Российской империи. Активно руководствовались правом наций на самоопределение державы Антанты, перекраивая в Версале карту Балкан, Центральной и Восточной Европы.

Следовательно, в момент присоединения Прибалтики к СССР это была реально работающая норма международного права. Не подлежит также сомнению и то, что СССР в 1920 г. признал за эстонским, латышским и литовским народами право на самоопределение.

И то и другое полностью соответствует действительности. Действительности не соответствует только обвинение СССР в нарушении права наций на самоопределение при включении Эстонии, Латвии и Литвы в свой состав. Самоопределение прибалтий-

ских народов в 1918 г. нисколько не опровергает их права на самоопределение в 1940 г.

Ситуация настолько очевидна, что официозные прибалтийские историки и правоведы не смогли выдумать ничего лучше кроме «обогатившего» международное право утверждения профессора Д. Лебера: «Право самоопределения является постоянным и продолжительным. Если оно раз было применено, то субъект этого права больше не может воспользоваться им в отношении этого же объекта» [46].

Имеют ли народы право изменять свою позицию в отношении однажды выбранной формы государственной власти, правящей партии и личности президента, профессор, к сожалению, не объяснил. «Откровение Лебера» (иначе не назовешь) лучше всего характеризует «научный» уровень прибалтийского официоза.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Одним из наиболее распространенных доводов в пользу противоправного характера присоединения Прибалтики является утверждение о нарушении демократических норм при выборах новых органов законодательной власти, проголосовавших за вхождение в состав СССР в нарушение конституций, и потому несоответствии их решений подлинной воле эстонского, латышского и литовского народов.

Отсюда делаются далеко идущие выводы: включение Эстонии, Латвии и Литвы было аннексией — насильственным присоединением территории других государств вопреки воли их народов. Следовательно, последствия такого присоединения юридически ничтожны, никаких прав на аннексированные территории Советский Союз не получил, а насильственно присоединенные страны де-юре сохранили свою государственность.

Таким образом «аннексия», подобно «оккупации», используется для обоснования континуитета прибалтийских республик, финансовых и территориальных претензий к России, «права» на дискриминацию русского населения.

Казалось бы, правовую позицию прибалтийских режимов в данном вопросе делает неуязвимой то, что в преамбуле договора между РСФСР и Литвой «Об основах межгосударственных отношений» от 27 июля 1991 г. содержится указание на важность «устранения Союзом ССР нарушающих суверенитет Литвы последствий аннексии 1940 г.» [47].

Зачем Ельцин, заинтересованный в поддержке Запада и сепаратистов в национальных республиках СССР, пошел на подписание такого документа, понятно, но пока договор не отменен, его положения являются обязательными для российских властей.

Однако козырной картой для обоснования претензий к России договор не стал и используется исключительно в пропагандистских целях. Причина в низкой квалификации российских «демократов» и литовских сепаратистов, подготовивших документ.

В межвоенный период в международном праве далеко не всякая аннексия считалась незаконной. На это прямо указывает С.В. Черниченко: «До Второй мировой войны недействительной считалась аннексия, явившаяся результатом агрессивной войны или же договора, заключенного под принуждением. <...> Если считать аннексией включение Прибалтийских государств в состав Советского Союза, то она не была результатом ни агрессивной войны, ни договора, навязанного силой» [48].

Следовательно, сама по себе квалификация действий СССР в качестве аннексии Прибалтики ни в коей мере не превращает эти действия в юридически ничтожные и не отрицает факта приобретения Советским Союзом законных прав на прибалтийские территории (титула).

Конечно, это не что иное, как юридическое крючкотворство. Но из-за предательской, иначе не квалифицируешь, формулировки Ельцина этим приходится заниматься. Впрочем, все валить на одного Ельцина не совсем правильно. Что можно было ожидать от режима, который вел переговоры о сдаче Курил Японии или продажи Карелии финнам? Одним предательством государственных интересов России больше, одним меньше.

Сложнее понять, почему Путин, уже дважды продлевая этот договор в 2002 и 2012 гг., не потребовал пересмотра откровенно антироссийской преамбулы к нему? Скорее всего, причина в нежелании правящего класса России обострять отношения с Западом, тем более из-за какого-то там обвинения СССР в «аннексии» Литвы. Очевидно, что отказ продлить действие этой формулировки привел бы к конфронтации не только с Литвой, но и Евросоюзом в целом. Нужно это было тем, для кого заветной мечтой является построение единой Большой Европы от Лиссабона до Владивостока и вхождение в состав западной элиты? Вопрос риторический.

Кстати, такой позиции нынешней российской власти по договору с Литвой ничуть не противоречат заявления президента про «мертвого осла уши» и упорное отрицание концепции «оккупации» Прибалтики с вытекающими из нее территориальными и финансовыми претензиями к России. Как бы предлагается размен: «мы не идем на обострение, но и вы не зарывайтесь».

Однако из этого совершенно не следует, что общественность России не должна требовать аннулирования предательской ельцинской формулировки в преамбуле договора, требовать приведения его в соответствие с историческими реалиями.

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ

Добиваться этого Россия имеет полное право на том основании, что нет никаких причин ставить под сомнение выбор населения Прибалтики, сделанный в 1940 г.

Во-первых, наличие военных баз одного государства на территории другого государства с точки зрения международного права не является основанием для признания выборов нелегитимными, а решений избранных органов власти юридически ничтожными.

Во-вторых, нет никаких оснований отрицать наличие массового недовольства социально-экономическим и этническим гнетом диктаторских режимов Ульманиса, Сметоны и Пятса и влияния этого народного недовольства на итоги выборов. Известный специалист по истории Латвии Л.М. Воробьева прямо утверждает: «Было бы абсолютно неоправданно отрицать, что события лета 1940 г. в Латвии были результатом выступления самого латышского народа, большая часть которого активно или пассивно поддержала линию КПЛ на коренные преобразования внутренней жизни и вхождение Латвии в СССР» [49].

Более того, для обоснования легитимности присоединения Прибалтики совершенно нет нужды вдаваться в чисто исторический спор о том, кто и какие проценты и насколько «чисто» на выборах получил. Для этого гораздо важнее задаться вопросом, который поставил С.В. Черниченко: **«Когда народы Латвии, Литвы и Эстонии вполне "стерильно" выражали свою волю? Критериев здесь нет, и в международном праве их не найти, а политические оценки субъективны** *(выделено мною — И.Ш.)*» [50].

Попытки признать юридически ничтожными обращения высших законодательных органов Эстонии, Латвии и Литвы с просьбой о вступлении в СССР на основании якобы неопровержимого довода — «знаем мы, как проводились выборы» — на самом деле путь в никуда. Причем, в первую очередь, для самих прибалтийских государств. Их государственность при таком подходе рассыпается подобно карточному домику.

Если встать на эту позицию, то надо признать незаконными выборы в Верховные Советы, провозгласившие отделение Прибалтийских республик от СССР, так как они проводились «по советской системе» и в условиях присутствия «оккупационных» войск (по официальной версии).

Прибалтийским режимам следовало бы прислушаться к предупреждению российского МИД: «Если подвергать сомнению легитимность органов власти советского периода, возникает вопрос

и о легитимности провозглашения республиками Прибалтики своей независимости» [51].

Не надо забывать и того, что под вопросом оказывается и первая независимость Латвии с Эстонией, провозглашенная не демократически избранными органами власти в условиях явной и никем не отрицаемой немецкой оккупации.

Следовательно, при таком подходе самым легитимным волеизъявлением народов Прибалтики вполне может оказаться выбор лета 1940 г.

Ссылки на его противоречие конституциям Эстонии, Латвии и Литвы ситуацию не выправят. Все прибалтийские диктаторы совершили антиконституционные военные перевороты (Пятс и Ульманис в 1934 г., Сметона в 1926 г.). СССР даже при всем желании не мог попрать того, что было уже давно попрано.

Как видим, вся система доказательств «оккупации» Прибалтики строится на подмене понятий, демагогии и сознательной лжи. Поэтому «оккупационная» концепция не может рассматриваться в качестве результата (пусть и ошибочного) научного поиска истины. Это классический образец «исторической политики». Пропагандистский миф, выражающий политические интересы противников России.

В настоящее время мы можем только удивляться тому, как советское руководство, в условиях уже идущей Второй мировой войны, смогло возвратить Прибалтику, не выходя за рамки международного права, не заложив на будущее ни одной юридической мины.

Именно благодаря мастерству дипломатии того времени современный российский МИД на все обвинения в «оккупации» и требования покаяться за нее может неизменно спокойно отвечать: «Российская позиция по данному вопросу неоднократно излагалась и остается неизменной. И ввод дополнительных частей Красной Армии, и присоединение прибалтийских государств к Советскому Союзу не вступали в противоречие с нормами действовавшего в то время международного права» [52].

В значительной мере правовую безупречность и мирный характер присоединения Прибалтики позволил обеспечить Пакт Молотова — Риббентропа, исключивший вмешательство Германии во взаимоотношения СССР с Эстонией, Латвией и Литвой.

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА И ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД

Если присоединение Бессарабии и Прибалтики объявляются обычно противоречащими нормам международного права (или без указания конкретных норм или с указанием заведомо не относя-

щихся к данному историческому периоду), то Освободительный поход Красной Армии дает сторонникам «преступного» характера Пакта Молотова — Риббентропа, на первый взгляд, богатую пищу. Здесь в перечислениях международных договоров, попранных СССР, недостатка нет. Еще бы, Советский Союз провел против суверенного государства, с которым был связан договором о ненападении, военную операцию, повлекшую отделение части его территории в пользу России.

Н.С. Лебедева, представлявшая Россию в российско-польской группе по сложным историческим вопросам, пишет: «Введя на рассвете 17 сентября без объявления войны части Красной армии на территорию Польши, санкционируя боевые действия против ее армии, сталинское руководство тем самым нарушило: договор о мире с этой страной, подписанный 18 марта 1921 г. в Риге; протокол от 9 февраля 1929 г. о досрочном введении в силу пакта Бриана-Келлога, запрещающего использование войны как инструмента национальной политики; конвенцию об определении агрессии 1933 г.; договор о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г. и протокол, продлевающий действие этого договора до 1945 г.; совместное коммюнике, опубликованное польским и советским правительствами в Москве 26 ноября 1938 г., в котором вновь подтверждалось, что основой мирных отношений между двумя странами является договор о ненападении 1932 г.» [53].

На этом основании автор утверждает, что 17 сентября 1939 г. «правящие круги СССР начали не только агрессивную войну, но войну в нарушение договоров и международных соглашений» [54].

Казалось бы, возразить нечего. Однако весь этот наводящий ужас длинный перечень международно-правовых актов, якобы попранных СССР, свидетельствует не о преступности сталинского руководства, а о некомпетентности в международном праве ученой дамы или же о ее стремлении сознательно ввести читателей в заблуждение.

Правовые основы Освободительного похода уже были объектом изучения специалистов-правоведов, результаты их исследований доступны каждому желающему. Дабы избежать обвинений в ангажированности, сошлюсь на капитальную монографию известного украинского историка права В.С. Макарчука «Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны», написанную уже на «незалежной» Украине, которая на официальном уровне Освободительный поход объявила преступной агрессией тоталитарного сталинского режима.

Итак, пакт Бриана-Келлога, на котором в значительной мере базировалась правовая конструкция Нюрнбергского трибунала, и нарушением которого нас стращает Н.С. Лебедева, действительно

запрещает использование войны «в роли орудия национальной политики» (ст. 1). Все верно, но только к Освободительному походу он не имеет абсолютно никакого отношения.

СССР официально трактовал Освободительный поход как гуманитарную операцию, направленную на защиту «единокровного населения». Ни Советский Союз Польше, ни Польша Советскому Союзу войну не объявляли. Более того, польское верховное командование отдало приказ своим войскам в бой с частями Красной Армии не вступать. Не рассматривали действия СССР как войну против Польши и ее союзники (Англия и Франция), а также нейтральные на тот момент Соединенные Штаты (почему они так поступили — это другой вопрос). Поэтому «с правовой точки зрения, норм de lege lata — действующих на момент 1939 г. международного права, ввод советских войск на территорию Второй Речи Посполитой началом войны быть трактованным не мог и не был» [55].

Нет войны — нет и нарушения пакта Бриана-Келлога. Как это ни печально звучит для поборников новой концепции войны.

Несмотря на провозглашенный гуманитарный характер Освободительного похода и отсутствие состояния войны между СССР и Польшей, советские действия, несомненно, в полной мере подпадают под определение агрессии, содержащееся в Конвенции об определении агрессии 1933 г. Но все дело в том, что эта Конвенция, о чем уже было выше в связи с Прибалтикой сказано, так и не вступила в силу и не являлась действующим международным договором, выполнение условий которого было бы обязательным для СССР.

Объявлять преступными действия Советской России на основании разработанной ею же, но не поддержанной другими странами конвенции — это уже слишком.

Нет никаких оснований, как показывает В.С. Макарчук, и в обвинении СССР в нарушении договора о ненападении с Польшей и всех связанных с ним двусторонних соглашений. «В международном праве, — пишет он, — действует доктрина rebus sic stantibus — предостережение о сохранении силы договора лишь при неизмененном положении вещей. Советские договоры с Польшей подписывались из расчета на то, что польское государство сбережет свой суверенитет и сыграет роль своеобразного щита между СССР и агрессивными государствами. Можно ли было 17 сентября 1939 г. допустить, что независимая Польша, с которой СССР подписывал пакт о ненападении, будет продолжать свое существование как субъект международного права? Или следовало ждать, когда Германия оккупирует все польские земли и по своему усмотрению решит, что делать с урегулированной советской сферой влияния: передать венграм, создать марионеточное польское государство в

новых границах или разрешить А. Мельнику сформировать свое правительство в Западной Украине?» [56].

Ни одно государство не обязано при кардинальном изменении обстоятельств жертвовать своей безопасностью во имя верности заключенным при других условиях договорам. Разгром Польши Германией коренным образом эти обстоятельства изменил и сделал договор о ненападении просто бессмысленным.

В связи с этим Освободительный поход Красной Армии явился «не столько противозаконным "нападением на Польшу", сколько оправданным с точки зрения действующего на то время международного права шагом страны, вынужденной приостановить свои договоренности с контрагентом вследствие кардинальной перемены обстоятельств, в которых эти договоренности были составлены, а также возникновения реальной угрозы для собственных жизненно важных интересов» [57].

Для политиков и правоведов того времени это было очевидно, а потому и не было тогда никаких обвинений СССР в нарушении пакта Бриана-Келлога, Конвенции об определении агрессии и Договора о ненападении с Польшей.

Да, СССР, вернув Западную Белоруссию и Западную Украину, нарушил Рижский мирный договор 1921 г., в котором после поражения в советско-польской войне Советская Россия признала переход этих территорий в состав Польши.

Но Франция, проиграв франко-прусскую войну в 1871 г., по условиям Франкфуртского мира признала переход к Германии Эльзаса и Лотарингии. По итогам Первой мировой войны она их себе вернула. И никто не обвиняет за это Францию в преступлении.

Нарушение Франкфуртского договора было узаконено в международно-правовом отношении Версальским мирным договором. Точно так же нарушение Советским Союзом Рижского договора было узаконено советско-польским договором о границе от 16 августа 1945 г. и предшествующими решениями Ялтинской конференции союзных держав. Поэтому обвинения сталинского руководства в преступлении на основании нарушения Рижского договора не более чем сознательная демагогия. С таким же успехом можно обвинить его и в преступном нарушении договора о «вечном мире» с Польшей от 1686 г.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ К СССР

Международно-правовая обоснованность Освободительного похода не решает проблему легитимности включения занятых в ходе похода Красной Армией земель Западной Украины и Запад-

ной Белоруссии в состав СССР. Их принадлежность Польше СССР признал по Рижскому мирному договору в 1921 г., который СССР в 1939 г., несомненно, нарушил, о чем уже говорилось выше.

Однако и в данном случае обвинить Советский Союз в попрании норм международного права также нет оснований. Правовую основу присоединения западнорусских земель обеспечило соблюдение Советским Союзом принципа этнического самоопределения, который после Первой мировой войны стал внедряться, хотя и не последовательно, в систему международного права.

Президент США Вудро Вильсон, предлагая в одном из своих знаменитых «14 пунктов» создать на обломках Российской, Германской и Австро-Венгерской империй независимую Польшу, считал необходимым при определении ее границ исходить в первую очередь из этнического принципа: «Должно быть создано независимое Польское государство, которое должно включать в себя все территории с неоспоримо польским населением» [58].

Последствием такого подхода стала хорошо известная «линия Керзона» — определенные Верховным советом Антанты восточные границы Польши, примерно соответствующие современным западным границам Украины и Белоруссии.

Вторая Речь Посполитая с такими границами мириться не пожелала, попыталась построить Польшу от «моря до моря» и развязала войну против Советской России. Побежденная в войне Россия была вынуждена на мирных переговорах в Риге уступить значительную часть своей территории Польше и передвинуть границу на 100—150 километров восточнее «линии Керзона».

Вынужденный договор, конечно же, все равно является обязательным для исполнения договором. Вместе с тем советское правительство никогда не скрывало своего намерения добиться воссоединения украинского и белорусского народов путем проведения плебисцита на этих территориях и продолжало, несмотря на польские протесты, в официальных документах именовать их «Западная Украина» и «Западная Белоруссия». Поляки от проведения плебисцита в Галиции наотрез отказались. Как мы помним, отказалась от плебисцита в захваченной Бессарабии и Румыния. При этом и Польшу, и Румынию в этом вопросе полностью поддерживали «верные принципам демократии» великие державы Запада, а открытого волеизъявления народов требовал «тоталитарный» СССР.

Наряду с Рижским договором, в доказательство противоправности действий СССР по присоединению Западной Белоруссии и Западной Украины поляки приводят декрет советского правительства от 28 августа 1918 г., по которому аннулировались все соглашения о разделах Польши. Тем самым Россия, якобы, отказыва-

лась от этих земель, входивших в состав Речи Посполитой до ее первых трех разделов.

Однако данный декрет к проблеме воссоединения не имеет никакого отношения. На этот счет существует четко выраженная еще в 1929 г. позиция СССР, изложенная в специальном Меморандуме: «Договоры о разделе Польши были аннулированы Советским правительством как противоречащие принципу самоопределения народов. Однако декрет 1918 г. вовсе не означает, что польскому народу оказывается предпочтение за счет других народов — украинского, белорусского, латвийского и литовского, что, декларируя отказ от актов раздела Польши вследствие их противоречия принципу самоопределения народов, Советское правительство санкционировало попрание прав на самоопределение других народов, населяющих территории, некогда принадлежавшие Речи Посполитой. Именно поэтому в упомянутом декрете нет постановления, по которому РСФСР отказывалась бы в пользу Польши от территорий, некогда входивших в состав последней. Декрет не может иметь значения международного акта, предоставляющего кому-либо правовые титулы на владение определенными территориями или дающего возможность рассматривать эти территории как "терра нуллиус"» [59].

Освободительный поход предоставил возможность решить вопрос о государственной принадлежности Западной Украины и Западной Белоруссии путем народного волеизъявления, не нарушая норм международного права. На освобожденных от польских оккупантов землях были проведены выборы, уже по результатам которых и были приняты решения о воссоединении Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР и их вхождении в УССР и БССР, соответственно.

Поборники концепции преступности действий СССР отрицают, как и в случае с Прибалтикой, демократичность процедуры выборов в условиях оккупации территории Красной Армией и явной заинтересованности Советской России в их результатах. Тем самым ставят под сомнение и сам факт национального самоопределения. При этом они намеренно или нет забывают, подчеркивает В.С. Макарчук, что и «плебисциты в Силезии 1921 г. и Исландии 1944 г. проходили в условиях военной оккупации, а плебисциты 1935 г. в Сааре и 1938 г. в Австрии — еще и в обстановке ощутимого силового давления заинтересованного государства» [60].

В данном случае речь опять-таки не идет о принципе «все воруют». Дело совсем в другом. В неправомерности самого подобного подхода к оценке событий прошлого, о чем уже говорилось выше на примере голосований в новые органы власти в Прибалтике.

Проведенные советской властью в 1939 г. плебисциты на освобожденной территории не были оспорены в суде, не противоречи-

ли международно-правовой практике того времени, а их результаты, в виде новой западной границы СССР, получили, хотя и не сразу, признание де-юре со стороны мирового сообщества. Включая и признание Польши — по договору о границе от 16 августа 1945 г.

КОНТИНУИТЕТ

Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР нередко трактуется на Западе и в либеральном сообществе России как соучастие совместно с Германией в четвертом разделе Польши. Обвинение более чем серьезное. Независимо от пунктов и подпунктов международного права межвоенного периода, раздел Польши, несомненно, является преступлением против польского народа. Другой вопрос, участвовала ли Советская Россия в четвертом разделе Польши?

В международном праве существует понятие континуитета, которое отражает непрерывность государства как субъекта международного права. У государства могут изменяться политическая и социально-экономическая системы, название, границы, но оно продолжает существовать как один и тот же субъект истории, участник межгосударственных отношений, носитель прав и обязанностей, вытекающих из распространения на него норм международного права. Например, континуитет Франции означает, что феодальная и капиталистическая Франция; французское королевство Капетингов, Каролингов, Валуа, Бурбонов; две империи и несколько республик, несмотря на все различия в политике, экономике, территории, — один и тот же субъект истории и международного права.

Применительно к России, утверждает В.С. Черниченко, это означает, что «Российская империя, РСФСР, СССР и Российская Федерация — один и тот же участник межгосударственных отношений, один и тот же субъект международного права, не прекращавший своего существования, непрерывный» [61].

При этом Российская империя, несомненно, являлась новой формой Московского царства, и оно с полным основанием может быть добавлено в определение В.С. Черниченко. Принцип континуитета России получил правовое оформление в законах о государственном флаге Российской Федерации, государственном гимне Российской Федерации, о государственном гербе Российской Федерации: герб Московского царства, Флаг Российской империи, музыка гимна СССР.

Сложнее, на первый взгляд, обстоит дело с континуитетом применительно к Киевской Руси. Вместе с тем, Великие князья Московские, позже Московские цари, изначально позиционировали себя в качестве наследников Киевской Руси. Их политика по-

лучила определение как «собирание русских земель», которые они считали своими «отчинами и дединами». Официальной заявкой на право обладания всеми русскими землями, правовым оформлением континуитета Московского царства и Киевской Руси стало принятие Иваном III титула «Государя всея Руси», к XVII веку титул трансформировался в «Государь, Царь и Великий князь всея Великия и Малая и Белая России Самодержец».

Все это дает нам право утверждать, что Советский Союз, несмотря на кардинальную смену социально-экономической и политической системы, являлся правопродолжателем Российской империи, Московского царства и Киевской Руси, был одним и тем же субъектом истории и международного права. При этом необходимо особо подчеркнуть, что, несмотря на постоянно звучавшие в СССР пропагандистские лозунги «Мы родом из Октября», Советский Союз во внешней политике де-факто, а затем и де-юре по мере укрепления власти Сталина начинает позиционировать себя как продолжателя Российской империи.

Так в 1940 г. в ультиматуме Румынии с требованием вернуть Бессарабию впервые официально понятия «СССР» и «Россия» были употреблены как синонимы: «В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории — Бессарабию» [62].

В 1948 г. выдающийся советский правовед профессор Ф.И. Кожевников писал как об очевидности о том, что еще в 20-е гг. воспринималось бы как сущая контрреволюция: «Великая Октябрьская социалистическая революция не создает в юридическом смысле нового субъекта международного права. Субъектом этого права по-прежнему остается Россия <...> образование СССР не означает исчезновения России в качестве субъекта этого права на международной арене <....> СССР... это — Россия, но в виде социалистического союзного государства» [63].

Понятие континуитета подводит прочную правовую базу под действия СССР в 1939 и 1940 гг. Российская империя в результате революции и Гражданской войны лишилась значительных территорий. Каким-то территориям независимость была предоставлена добровольно (Польша, Финляндия), чью-то независимость или переход к другим государствам Советская Россия была вынуждена признать (Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия), какие-то изменения границ признаны не были (Бессарабия).

Утратив территории, Россия не утратила права на их возвращение (не путать с правом на обладание). Отрицать наличие такого права у СССР — значит поставить под сомнение правомерность, например, возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, которые были переданы Германии по мирному договору после поражения во франко-прусской войне 1870 г.

Галиция не входила в состав Российской империи, но она входила в состав Киевской Руси. Отрицание права Советского Союза на Галицию равносильно отрицанию права русской нации на воссоединение, правомерности всей политики «собирания земель», без которой не было бы и современного российского государства.

Конечно, желающих поставить под сомнение право России на существование найдется немало и внутри страны, и за ее рубежами. Но в таком случае надо будет признать противоправным существование в современных границах и большинства европейских государств. В частности, современная Германия является результатом объединения Бисмарком, причем «железом и кровью», после многих веков раздробленности, почти всех ветвей немецкой нации в одном государстве.

Другой вопрос, какими методами восстанавливать свое право на территорию и право на этническое самоопределение в форме воссоединения? Как уже говорилось выше, СССР реализовал свои права в полном соответствии с нормами международного права и международно-правовой практики того времени. Поэтому нет никаких оснований считать возвращение захваченных Польшей территорий и завершение многовекового процесса воссоединения всех трех ветвей русской нации в одном государстве преступлением по отношению к польскому народу — четвертым разделом Польши. Возвращение «своего» не может быть разделом «чужого».

Захват Польши и ее раздел между Рейхом и «генерал-губернаторством» осуществила Германия, и только на ней лежит вся полнота ответственности за это.

Советскому Союзу в связи с присоединением Западной Белоруссии и Западной Украины можно поставить в вину только то, что он отстаивал свои права, совершенно не учитывая интересов Польши, предоставив Германии полную свободу действий западнее согласованной в Секретных протоколах к Пакту Молотова — Риббентропа линии разделения сфер интересов. Однако в основе такого обвинения будет лежать уже не правовая, а моральная и политическая оценка действий СССР. Причем, подобная оценка вовсе необязательно будет отрицательной. Но об этом ниже.

ГЛАВА V

АМОРАЛЬНЫЙ СГОВОР ИЛИ НРАВСТВЕННЫЙ ПОДВИГ?

Тезис об аморальности Пакта Молотова — Риббентропа вошел в общественное сознание не менее (если не более) прочно, чем тезис о его преступности. Об аморальности Пакта, его подлости и бесчестности с середины 80-х гг. почти единодушно говорят политики, общественные деятели, историки и журналисты, правда, не отягощая себя обоснованием причин подобной характеристики.

СЮРРЕАЛИЗМ

Показательна подготовленная информационным агентством РИА «Новости» на «основе открытых источников» историческая справка к 70-летию заключения Пакта Молотова — Риббентропа, содержащая специальный раздел «Моральная оценка пакта». Знакомство с этим разделом способно повергнуть читателя в шок.

Оказывается, Пакт аморален потому, что он «вызвал критику со стороны многих участников международного коммунистического движения и от представителей других левых сил. Даже не зная о существовании секретных протоколов, эти люди увидели в пакте немыслимый для приверженцев левой идеологии сговор с самой мрачной империалистической реакцией — нацизмом. Многие исследователи даже считают пакт началом кризиса международного коммунистического движения, поскольку он углубил недоверие Сталина к иностранным компартиям и способствовал роспуску Коммунистического Интернационала Сталиным в 1943 году» [1].

Каково? В капиталистической России государственное информационное агентство обвиняет Пакт Молотова — Риббентропа в аморальности на том основании, что он подорвал единство международного коммунистического движения и создал почву для последующего роспуска Коминтерна.

Другое доказательство аморальности Пакта не уступает по сюрреалистичности первому: «Последствия этого "сговора" ощущаются по сей день, отравляя отношения между Россией и затронутыми сталинско-гитлеровским протоколом народами. В прибалтийских государствах эти события провозглашаются прелюдией к "аннексии" Латвии, Литвы и Эстонии. На основании этого делаются далеко идущие выводы относительно отношений с сегодняшней

Россией и о статусе этнических русских в этих странах, которые представляются "оккупантами" или "колонистами". В Польше воспоминания о секретных протоколах к пакту становятся оправданием для уравнивания нацистской Германии и сталинского СССР в моральном плане, вытекающего отсюда очернения памяти советских солдат или даже для сожаления об отсутствии коалиции между Польшей и нацистской Германией для совместного нападения на СССР. Моральная неприемлемость подобной трактовки событий тех лет, по мнению российских историков, вытекает хотя бы из того факта, что никто из примерно 600 тысяч советских солдат, погибших, освобождая Польшу от нацистов, ничего не знал о тайном протоколе к пакту Молотова — Риббентропа» [2].

Невольно возникает вопрос: а если бы павшие солдаты знали о секретных протоколах, то очернять их память было бы «морально приемлемо»? И действительно ли в режиме фактического апартеида, в беспрецедентном попрании прав русского населения в Прибалтике виновен Пакт, а не демократические правительства Латвии и Эстонии? Зазеркалье какое-то!

Поражает не только «странность» доказательств, но и сама методология: аморальность Пакта выводится не из его сути, а из отношения к нему заграницы (будь-то лидеры международного коммунистического движения или сопредельных стран — неважно).

К составителям справки никаких претензий быть не может. Они высокопрофессионально, как и подобает сотрудникам агентства подобного уровня, сделали выжимку из «открытых источников» и тем самым позволили всем увидеть как степень научной обоснованности тезиса об аморальности Пакта Молотова — Риббентропа, так и моральный уровень самих обличителей Пакта.

Тезис про «600 тысяч советских солдат, ничего не знавших о секретных протоколах», не с неба свалился. В 6-ти томном коллективном научном труде «65 лет Великой Победе» ректор МГИМО А.В. Торкунов черным по белому написал: «Сталинский грех "пакта Молотова — Риббентропа" был искуплен кровью россиян на полях сражений, сломавших хребет казавшегося непобедимым вермахта» [3]. Трудно даже вспомнить что-то более чудовищное в нравственном отношении из сказанного в адрес воинов-победителей. Оказывается, советские солдаты (названные на ельцинский манер «россиянами») шли в бой не за Родину, не за своих матерей, жен и детей, а ради того, чтобы искупить «сталинский грех» Пакта перед цивилизованной Европой. Подчеркиваю, написал это не какой-нибудь отмороженный историк-ревизионист и грантоед, а ректор кузницы дипломатических кадров России.

При таком отношении к Пакту преисполненных патриотизма столпов официальной науки, естественно, не приходится удивляться тому, что Владимир Путин в 2009 году причислял к достиже-

ниям России парламентское осуждение аморальности Пакта: «В нашей стране аморальный характер пакта Молотова — Риббентропа получил однозначную парламентскую оценку» [4].

Конечно, найдется немало желающих сказать: «Какое нам дело до моральной оценки Пакта Молотова — Риббентропа?» К сожалению, самое прямое. Моральное осуждение Пакта — обязательное условие для внедрения новой концепции войны, основанной на тождестве нацизма и «сталинизма», а эта концепция самым непосредственным образом направлена как против российского государства, так и против каждого из его граждан.

Причем для того, чтобы она сыграла свою подрывную роль, недостаточно внедрить ее в общественное сознание Запада и закрепить в официальных документах Польши, Евросоюза в целом или США. Необходимо, чтобы новый смысл войны принял народ России. Это ключевое условие. Никто кроме нас самих нас не разрушит.

В конце80-х гг. вовсе не осуждение Запада позволило Горбачеву с Яковлевым превратить Пакт в таран советской государственности. Это сделала открывшаяся обществу историческая «правда» о сотрудничестве своей страны с фашизмом. Моральный (именно моральный!) шок у народа от договора с Гитлером, а не его соответствие или несоответствие каким-то нормам международного права. Тогда демократам (ныне именуемым либералами) удалось достичь цели, к которой еще в XIX веке стремились их предшественники, и к которой сейчас стремятся пропагандисты «нового понимания» Второй мировой войны.

ИСТОЧНИК СИЛЫ И АХИЛЛЕСОВА ПЯТА РОССИИ

У русского народа есть одно совершенно иррациональное свойство — потребность быть уверенным в справедливости действий своей страны. В нем источник силы России. «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами» — это то, что должно было прозвучать и прозвучало 22 июня 1941 года, и без веры во что не мог состояться победный май 1945-го. Но, с другой стороны, это свойство может быть и ахиллесовой пятой России. Если удастся посеять в народном сознании сомнение в том, что «наше дело правое», сомнение в том, что есть то, во что стоит верить и что стоит защищать и сохранять, во имя чего совершать невозможное, тогда Россия сразу же утрачивает способность к сопротивлению, независимо от количества имеющихся пушек и самолетов.

На Западе это свойство России и русского народа прекрасно поняли после поразившей их, как гром среди ясного неба, катастрофы 1812 года. Поход на Москву невиданной еще в истории по численности и мощи армии объединенной Европы под предводи-

тельством ее величайшего полководца Наполеона, просто обреченный на победу, завершился полным разгромом. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Но это произошло.

По итогам той войны крупнейший немецкий военный теоретик Карл фон Клаузевиц сделал однозначный вывод: «Поход 1812 г. не удался потому, что неприятельское правительство оказалось твердым, а народ остался верным и стойким, т. е. потому, что он не мог удаться... Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров» [5].

Этот вывод был услышан и понят правителями западных держав. Подтверждение тому — активность английской и японской разведок на революционном поприще во время русско-японской войны, а также поддержка революционного и сепаратистского движения в России как немцами, так и англосаксами в Первую мировую войну.

Показательно и признание генерала Гота, командовавшего танковой группой, рвавшейся в 1941 году к Москве. Главные надежды он возлагал вовсе не на танки. Немецкие стратеги надеялись на то, что русский народ из ненависти к большевикам не пойдет «на огромные жертвы ради защиты своей страны», а «Сталин, трезвый и рассудительный государственный деятель» не поставит «на карту существование своего господства» и «согласится на переговоры» [6]. Надежды немцев не оправдались. Все получилось по Клаузевицу — «правительство оказалось твердым, а народ остался верным и стойким». Отсюда и закономерный результат — новый разгром объединенной Европы на полях России.

Поэтому в «холодную войну» Запад, когда развитие техники впервые открыло перед ним возможность прямого информационного воздействия на общественное сознание в России, вложил огромные средства во всевозможные «голоса», а также самым активным образом поддержал диссидентское движение в СССР. Что и принесло ему колоссальные дивиденды после 1991 г.

Знают об этом свойстве русского народа и внутренние «друзья» России. Достоевский четко сформулировал одну из главных целей «бесов»: добиться того, что народ «...застыдится своего прошлого и проклянет его. Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш, — вот наша формула!» [7]. И своих целей они во многом добились. Смердяков, сожалеющий о том, что в 1812 году «умная нация» не победила «глупую», — не литературный вымысел, а реальность русской жизни второй половины XIX века.

Комплекс идей, безраздельно господствовавших в прогрессивной прессе к началу XX века (а именно она тогда определяла общественное мнение страны), точнее всех передал Василий Розанов: «Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного зерна. ... Народ наш есть только "среда", "материал", "вещество"

для принятия в себя единой и универсальной и окончательной истины, каковая обобщенно именуется "Европейскою цивилизациею". Никакой "русской цивилизации", никакой "русской культуры"... Но тут уже даже не договаривалось, а начиналась истерика ругательств. Мысль о "русской цивилизации", "русской культуре" — сводила с ума, парализовала душу...» [8].

Первая мировая война не остановила, а, напротив, стимулировала борцов с «темным» прошлым и настоящим России, естественно, во имя всего самого светлого и возвышенного, и даже патриотического. В воюющей стране, как отмечал академик И.Р. Шафаревич, «подвергается осмеянию и делается предметом ненависти национальная история, вера, историческая власть, армия. Создается множество мифов, внушаемых народу (о колоссальных помещичьих землях, которые могут утолить земельный голод крестьян, об измене двора, всевластии Распутина и т. д.). Народ как бы парализуется» [9]. Не случайно С.Л. Франк отмечал, что происшедшее с Россией в начале века нельзя понять, не учитывая того длительного процесса «вытеснения добра злом, света тьмой в народной душе», который совершался под «планомерным и упорным воздействием руководящей революционной интеллигенции» [10].

В русской катастрофе начала XX века эта пропаганда ненависти к собственной стране сыграла куда большую роль, чем все немецкие армии с «пломбированными вагонами» в придачу. За пальму первенства с нею может побороться лишь самоубийственная внутренняя политика правящего слоя Империи.

Те же истоки легко обнаруживаются и у русской катастрофы 1991 года. Ее также невозможно понять, если не учитывать той беспросветной «чернухи» (именно тогда это словечко вошло в общественный оборот) о прошлом и настоящем страны, которую, под чутким руководством Александра Яковлева, несколько лет внедряли в народное сознание советское телевидение и радио, газеты и журналы. Тогда вновь отовсюду зазвучали «старые песни о главном»: о народе-рабе, вечно пресмыкающемся перед тиранами, о России — рассаднике тоталитаризма.

Вполне прогнозируемо на общественной арене вновь появились многочисленные смердяковы, жаждущие приобщения к «европейским ценностям» и сожалевшие, что их отцы пошли защищать «кровавого Сталина», что «глупая нация» опять победила «умную», тем самым лишив их возможности попивать в Москве настоящее баварское пиво. Сейчас звучит дико, но тогда подобные разговоры были обыденностью среди «продвинутой» молодежи.

Из того же разряда хорошо спланированная кампания по осуждению Пакта Молотова — Риббентропа. Многотысячные демонстрации на улицах Москвы под лозунгами «За нашу и вашу свободу» в поддержку прибалтийских сепаратистов и всех остальных

антирусских сил на окраинах СССР сыграли далеко не последнюю роль в разрушении государства. Организаторы, конечно, знали, что делают. Но массовку обеспечивали сотни тысяч москвичей, поверивших в преступность политики СССР и совершенно искренне считавших, что поддерживая всевозможных ландсбергисов, они искупают грехи прошлого. Большинство же народа, которое как только не клеймили в те годы за нежелание поддаваться саморазрушительному угару, просто отшатнулось от «такого» государства, безмолвствовало. И когда в Кремле спустили флаг Советского Союза, никто не шелохнул и пальцем. В ту ночь на плохо освещенную огромную Манежную площадь вышло протестовать всего несколько десятков человек.

Тогда же сбылось и предупреждение И.Р. Шафаревича о последствиях, к которым приводит подобная «историческая правда» — «народ, ТАК оценивающий свою историю, существовать не может» [11]. СССР не стало, а нация попала в водоворот духовного, политического и экономического кризиса, из которого по прошествии трех десятилетий только-только начинает выкарабкиваться.

В условиях нынешнего противостояния с Западом, когда, по точному определению Владимира Путина, победители в «холодной войне» стремятся «дожать Россию», вполне естественно, что и внутренние, и внешние «друзья» России пытаются вновь задействовать приемы, принесшие им столь блестящие результаты в 1917 и в 1991 гг.

Только один пример. В Риге 20 августа 2015 г. в преддверии очередного шабаша по случаю годовщины подписания Пакта Молотова — Риббентропа в присутствии лидеров прибалтийских государств и делегации сенаторов США открылся Центр компетенции стратегической коммуникации НАТО (STRATCOM). Президенты и конгрессмены произносили дежурные речи и заверяли общественность в том, что создание подобного Центра ни в коей мере нельзя считать антироссийской акцией. Пресловутый сенатор Маккейн вполне политкорректно заявил, что задача Центра — «распространять правду», без уточнения, какую именно.

Однако нашелся один «полезный идиот» (такие есть не только в России), который ляпнул то, о чем все знают, но предпочитают вслух не говорить. Бывший министр обороны Латвии, а на тот момент депутат Европарламента Артис Пабрикс не удержался продемонстрировать журналистам свою осведомленность в вопросах большой политики и открытым текстом сказал о цели, стоящей перед пропагандистскими структурами НАТО: «**С коммуникацией и пропагандой возможно выиграть войну без войны. Мы должны, скажем так, переубедить людей, чтобы они потеряли свою волю, они не хотели защищаться, они ненавидели своё государство** *(выделено мною — И.Ш.)*» [12].

Посеять ненависть к собственной стране, вселить сомнение в том, что «наше дело правое» — вот одна из главных целей «исторической политики» Запада, направленной на российское общественное сознание. А также и совершенно «независимых» от Запада прозападных политиков, общественных деятелей и журналистов внутри России, день и ночь не покладая рук стремящихся открыть народу всю «правду» о нашей «гнусной» истории.

Нет сомнения, современная ситуация в российском обществе коренным образом отличается как от ситуации начала XX века, так и от ситуации конца 80-х годов. Исторический нигилизм и «смердяковщина» явно отторгаются большинством народа. Многие штампы либеральной пропаганды из арсенала 80-х — 90-х не находят отклика в общественном сознании. В том числе и штамп о «преступном» Пакте. Все более явно начинает превалировать принципиально иной подход к его оценке.

Так, например, историк И.В. Пыхалов в книге «Великая Оболганная война» в главе с красноречивым названием «Надо ли стыдиться пакта Молотова — Риббентропа» пишет: «Если отбросить словесную шелуху, аргументация тех, кто обличает этот шаг, сводится к двум пунктам: моральному и практическому. Что касается первого, тут всё достаточно очевидно. Мало того, что требования морали в международной политике неуместны, раз уж речь зашла об этом, уместно спросить: а судьи кто? Как мы только что убедились, ни сдавшие Гитлеру своего союзника Чехословакию западные демократии, ни участвовавшая в её разделе Польша не имеют никакого права осуждающе тыкать в нас пальцем» [13]. Если судить по историческим форумам в интернете, такой подход получает все большее признание в общественной среде.

На это явление обращает внимание и уже поминавшийся выше один из руководителей «Левада-центр» Алексей Левинсон. «Заметно, — с горечью пишет он, — что старшему поколению признать факт соглашения с тем, кто оказался самым лютым врагом, тяжелее, чем молодому. Среди старших признают его существование 34%, а 17% предпочитают считать, что это фальшивка. Среди самых молодых ... версию о фальшивке поддерживают 8%. Почему молодому поколению легче признать этот факт? Опрос показывает, что хотя бы потому, что **они сам пакт ни позором, ни ошибкой не считают** *(выделено мною — И.Ш.)*» [14].

Однако это ни в коей мере не должно быть поводом для самоуспокоения. Достаточно вспомнить «Колю из Уренгоя». Скольким еще русским мальчикам и девочкам поборники «исторической правды» смогли переформатировать сознание, мы не знаем. Знаем только то, что работают они последовательно и упорно. Это во-первых.

А во-вторых, массовое отторжение «смердяковщины» молодежью и российским обществом в целом в значительной мере является чисто эмоциональной реакцией на массированную кампанию очернения памяти отцов и дедов — победителей. За ним чаще всего нет ни знания, ни понимания. Одно брутальное отторжение слишком грубо организованного либерального «наезда». А эмоции — переменчивы, и при умелом подходе легко могут смениться на прямо противоположные.

Обратите внимание, что многие из тех, кто отказывается признавать критику в адрес Пакта, в сущности, признают его аморальность. Они лишь отрицают право погрязшего в собственных грехах Запада тыкать в нас пальцем. Все тот же тупиковый принцип — «все воруют». В связи с этим уверенность в справедливости действий России («наше дело правое»), основанная на чувстве (что сейчас преобладает), должна быть обязательно подкреплена осознанием их правомерности.

При этом следует учитывать и то, что моральный шок советского общества от Пакта и Секретных протоколов в конце 80-х гг. невозможно списать исключительно на пропаганду. Прямое или косвенное нравственное осуждение Пакта можно встретить в работах авторов, которых никак нельзя причислить к разряду жертв яковлевского агитпропа, и которые в целом признают и даже высоко оценивают политическую целесообразность Договора о ненападении с Германией. Приведу несколько примеров.

В.В. Кожинов, первым применивший к познанию Великой Отечественной войны не идеологический (нацизм-коммунизм), а геополитический подход (война объединенной Третьим рейхом Европы против русской цивилизации), считал, что «пресловутый "пакт" по ряду различных причин не может вызвать каких-либо положительных эмоций у объективно оценивающего его человека» [15].

Д.В. Табачник, в бытность министром образования Украины при Януковиче, писал: «С точки зрения морали или дипломатической практики того времени СССР последним, уже находясь на грани дипломатической изоляции, подписал с Германией договор о ненападении. Москва фактически присоединилась к общеевропейской практике, как сейчас говорят, "разделила европейские ценности"» [16].

И.А. Павловский, директор Русско-Балтийского медиа-центра: «Да, пакт Молотова — Риббентропа аморален, но он был не более аморален, чем Мюнхенский сговор и дележ Польшей и Венгрией, совместно с нацистской Германией, Чехословакии» [17].

А. Наумов, специалист по истории межвоенной дипломатии: «Следует согласиться с широко распространённым мнением, гласящим, что пакт был не самым благородным явлением в политиче-

ской истории нашего Отечества. К сожалению, в истории не всегда действуют нормы и законы морали. <...> Не пытаясь оправдывать моральную сторону советской политики в последние дни накануне Второй мировой войны, следует признать, что действия СССР были продиктованы логикой системного кризиса, тем сценарием, который на протяжении второй половины 1930-х годов реализовывали все великие европейские державы» [18].

Такие примеры можно множить и множить. Более того, в подавляющем большинстве работ, положительно в политическом плане оценивающих Пакт, постоянно рефреном звучит — выхода иного не было. Но это же, опять-таки, попытка оправдаться, а оправдательная нота есть не что иное, как косвенное признание аморальности Пакта.

Вадим Кожинов причину гипертрофированно болезненной реакции советских людей на «правду» о Пакте видел в прочно укоренившемся в общественном сознании культе Сталина. Даже, может быть, ясно и не осознаваемом самими его носителями, включая ярых антисталинистов. «Нынешние потоки брани [в адрес Пакта], — писал он, — представляют собой не что иное, как именно культ Сталина — хоть и "наизнанку": великий вождь не имел, мол, права совершить столь позорную акцию, которая уместна лишь для "обычных" правителей государств. Если честно вдуматься, дело как раз в этом, и давно пора бы нашим историкам освободиться от менталитета, порожденного временем сталинского культа, и "позволить" Иосифу Виссарионовичу вести себя подобно другим правителям той эпохи» [19].

Нет сомнения, этот психологический комплекс сыграл немалую роль в том, с какой легкостью яковлевская пропаганда вызвала нужную демократам реакцию в советском обществе. Для современной России он мало актуален, из чего вовсе не следует того, что в общественном сознании отсутствует питательная почва для восприятия тезиса о «преступном» Пакте.

Полагаю, что одна из главных причин предрасположенности советского, а ныне российского общества к восприятию подрывного тезиса о «преступном» Пакте — в народном восприятии характера Великой Отечественной войны как войны с абсолютным злом. А если это так, то любой договор с силами зла порочен и безнравственен по определению.

ЛОВУШКА «АБСОЛЮТНОГО ЗЛА»

Традиционным и в России, и на Западе является отношение ко Второй мировой войне как к войне экстраординарной, не имевшей аналогов в человеческой истории, «чуть не обернувшейся катастрофой евро-

пейской и всей человеческой цивилизации» [20]. Война добра и зла, где нацистская Германия является олицетворением зла абсолютного.

Однако при всей внешней схожести восприятие войны в России и на Западе имеет принципиально важное отличие. В Европе подобная трактовка войны не является результатом народной реакции на нее. Эта трактовка была навязана европейскому общественному сознанию элитами через массированную промывку мозгов (зачем это нужно западным элитам — другой вопрос).

Нет смысла отрицать очевидный факт, на который обратил внимание историк Вардан Багдасарян: «Имеются данные о соотношении потерь среди европейских народов в период Второй мировой войны: 86% среди европейцев — потери на стороне государств "Оси", и только 14% — на стороне антигитлеровской коалиции» [21].

Практически вся континентальная Европа в той войне воевала на стороне Третьего рейха против СССР. В советский плен попало 464 147 военнослужащих из стран, формально не участвовавших в агрессии против Советского Союза. А это примерная численность пяти (!) общевойсковых армий РККА образца 1943 г. Неужели кто-то верит, что европейцы, включая немцев, искренне считают себя воплощением абсолютного зла?

Кроме этого, нельзя забывать и того, что и по потерям европейские народы не имеют никаких оснований видеть во Второй мировой войне нечто из ряда вон выходящее. Первая мировая, действительно, была для Европы трагедией. Память о ней до сих пор прочно коренится в общественном сознании. Например, Франция потеряла в ту войну почти полтора миллиона солдат убитыми и еще больше ранеными и искалеченными. Страна лишилась трети молодых мужчин в возрасте от 18 до 25 лет. От психологического шока, вызванного такими потерями, Франция не могла отойти несколько десятилетий. Во Вторую мировую потери были более чем в два раза ниже — примерно 600 тысяч, включая и тех, кто воевал на стороне Третьего рейха.

Поэтому на Западе в дискурсе Второй мировой войны главная роль отводится Холокосту, истреблению евреев нацистами. Вот что делает эту войну исключительной по сравнению со всеми остальными! Без Холокоста Вторая мировая в европейском сознании была бы обычной рядовой войной, каких в истории Европы было множество.

Совсем иной война была для Советского Союза. Ничего подобного Россия не знала за всю тысячелетнюю историю. Немцы и их союзники из числа других народов Европы на оккупированной территории убили (расстреляли, повесили, сожгли живьем) 7 420 400 мирных жителей — женщин, детей, стариков. Свыше двух миллионов погибло на принудительных, фактически каторжных, работах в Германии. Более четырех миллионов мирных жителей умерло от голода и отсутст-

вия медицинской помощи. В руины превращены 1710 городов, сожжено свыше 70 тысяч сел и деревень, нередко вместе со всеми их жителями. Вопрос стоял о физическом истреблении народа.

Поэтому восприятие войны, как войны с силами абсолютного зла, прочно укоренилось в народном сознании, скорее даже в глубинном подсознании народа. Вполне естественно, что в таких условиях советское руководство после войны не считало нужным и возможным предавать гласности информацию о Секретных протоколах, поздравительных телеграммах Сталина Гитлеру, тостах за здоровье фюрера Третьего рейха. Дело было не в стремлении скрыть «постыдную» правду, а в том, что в тот период так было нужно.

Другое дело, что в последующем неизбежную эмоциональную реакцию народа на страшную войну официальная пропаганда стала искусственно подогревать, активно внедряя концепцию о совместной войне всего прогрессивного человечества против фашизма как абсолютного зла. Что и использовали Яковлев с Горбачевым, превратившие «правду» о Пакте Молотова — Риббентропа в таран против советской государственности.

Поэтому для того, чтобы не позволить нынешним «правдоискателям» повторить содеянное прорабами перестройки, надо, прежде всего, отрешиться от обветшавших пропагандистских штампов, паразитирующих на естественном отношении народа к Великой Отечественной войне.

РЕАЛЬНЫЙ ВРАГ

Отказ от концепции «абсолютного зла» ни в коей мере не обеляет Третий рейх и лично Гитлера. Чикатило — изверг, но он не абсолютное зло. Так и Гитлер с миллионами его подельников из всех стран Европы — это «отребье человечества». Но не абсолютное зло.

В октябре 1939 г., когда Вторая Мировая война еще только-только разворачивалась, Вячеслав Молотов на внеочередной сессии Верховного Совета СССР заявил: «В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является, не больше и не меньше, как "уничтожение гитлеризма". <...> Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма"...» [22].

Сколько помоев за эти слова было вылито на Молотова в последние десятилетия! Но не пора ли признать, что он был абсолютно прав? Во-первых, никакую идеологию танками нельзя уничтожить. И нацизм, ныне все более активно набирающий силу, тому наглядный пример. Во-вторых, лозунг борьбы с «гитлеризмом» как абсолютным злом, действительно, был для правителей Великобритании всего лишь пропагандистским прикрытием их хищнических целей, крайне опасных для всего мирового сообщества — о чем открытым текстом и сказал Молотов.

В наше время просто глупо отрицать тот очевидный факт, что отнюдь не стремление покончить с нацизмом/«гитлеризмом» заставило Великобританию с Францией объявить в сентябре 1939 г. войну Германии. С таким же успехом причиной вступления в войну можно назвать и их «рыцарскую верность» союзническим обязательствам перед Польшей.

Никакая человеконенавистническая природа «гитлеризма» не мешала правящим кругам Великобритании холить и лелеять этот режим, пока была надежда натравить его на Советский Союз. Лондон «ужаснулся» от его преступной природы, увидел в нем абсолютное зло, только когда выяснилось, что Гитлер и не намеревался послушно следовать британскому сценарию новой европейской войны, что он ведет свою игру, губительную для интересов Британской империи.

Интересную версию причин этого «прозрения» дал английский историк Джордж Холлэм: «До заключения пакта [Молотова — Риббентропа] правительства стран Запада во главе с британским правительством (а также и с лондонским Сити) всячески потворствовали Гитлеру. ... Почему? А потому, что Гитлер действовал в якобы существовавших общих интересах защиты "традиционных институтов и обычаев" от коммунизма. Заключив пакт с Гитлером, Сталин смог уничтожить репутацию гитлеровской Германии как оплота в борьбе с большевизмом. За один день Сталин сделал для борьбы с популярностью **Гитлера в правящих кругах западных стран больше, чем за долгие годы — все лекторы и проповедники, вещавшие о "зле нацизма"** (*выделено мною — И.Ш.*)» [23].

К этому следует добавить, что маршал Фош свою знаменитую фразу по поводу Версальского мира «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет» произнес в 1918 г., когда никакого нацизма и в помине еще не было. А неизбежность новой большой войны в Европе была ему уже очевидна. Очевидна она была и Сталину в 1931 г., заявившему о необходимости мобилизации всех сил страны за два года до прихода Гитлера к власти: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Да, после того, как развязанная западными хищниками Вторая мировая война вовлекла в свою орбиту и Советский Союз, концепция войны против фашизма/нацизма как абсолютного зла была принята и Москвой. Это неудивительно. Она идеально подходила для политико-идеологического обоснования противоестественного по своей природе военного союза трех заклятых врагов: СССР, Великобритании и США. Но эффективность и полезность для своего времени этой политико-идеологической конструкции совершенно не означает, что она соответствовала тогдашней реальности и уж тем более, что ее можно использовать сейчас. Иначе придется признать, что раз коалиция союзников официально именовалась «антигитлеровской», то и велась война лично против фюрера Третьего рейха.

Соответственно, до 22 июня 1941 года для СССР Гитлер — легитимный глава одной из великих европейских держав. Потенциальный противник и даже вероятный? Несомненно. Но потенциальными противниками и даже весьма вероятными на тот момент для нашей страны были и Франция с Великобританией. Достаточно вспомнить, как в 1940 г. они готовили удар по СССР, чтобы придать начавшейся мировой войне характер общеевропейского «крестового похода против большевизма», дабы хоть таким способом принудить Третий рейх пойти на Восток и тем самым спасти от краха разработанный британскими стратегами сценарий войны.

Нацистские преступления на момент подписания Пакта еще не были совершены. К тому времени Третий рейх произвел аншлюс Австрии и захватил Чехию. Практически бескровно. Американская же агрессия в Ираке привела к гибели сотен тысяч мирных жителей, что совершенно не делало безнравственными любые договоренности Владимира Путина с Джорджем Бушем-младшим.

В Третьем рейхе существовала открытая, закрепленная на законодательном уровне, дискриминация еврейского населения. Но столь же открытая и законодательно закрепленная тотальная дискриминация негритянского населения была в то время в Соединенных Штатах. Это не стало и не могло стать препятствием для взаимодействия Сталина с президентом расистского государства Рузвельтом. Лагеря смерти и все, что связано с попыткой «окончательного решения еврейского вопроса», — все это было в будущем.

Человеконенавистнический характер национал-социалистической идеологии Третьего рейха также не делает договор с этой страной преступным и аморальным. Либеральный глобализм совершенно правомерно рассматривать как одну из разновидностей человеконенавистнической идеологии. Из чего вовсе не следует, что нельзя заключать договоры с Эммануэлем Макроном или Ангелой Меркель. Свое отношение к этому вопросу Сталин предельно четко сформулировал в беседе с министром иностранных дел

Японии Ёсукэ Мацуока: «Какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств» [24].

ПРОТИВНИКОВ ПРЕДАТЬ НЕЛЬЗЯ

Очень часто приходится слышать о том, что Пакт был безнравственным и предательским сговором, за счет интересов наших будущих союзников по антигитлеровской коалиции. Совместным с Гитлером и, опять-таки, безнравственным разделом Польши. Действительно, Пакт фактически обрекал на разгром и оккупацию Польшу и Францию, ставил в тяжелейшее положение Англию. В Кремле не могли этого не знать. Однако подобное обвинение во многом основано на том, что наша пропаганда так много говорила о «духе Ялты и Потсдама», связывающем неразрывными узами союзников, что многие стали воспринимать антигитлеровскую коалицию как некую объективную данность. При подобном подходе ее отсутствие до 1941 г. и распад после 1945 г. — результат недопонимания и ошибок отдельных политиков. В них обвиняют то Сталина, то Чемберлена, то Черчилля с Трумэном, то всех вместе взятых. Верить в красивые мифы никому не возбраняется, но и полностью забывать о реальности не стоит.

В 1939 г. никакой коалиции не было, и СССР никого из своих союзников при подписании Пакта на произвол судьбы не бросал. Никаких нравственных обязательств перед Францией или Англией у Советского Союза не было. Точно так же, как и у них перед СССР.

В полной мере это относится и к Польше. Как уже говорилось в предыдущих главах — СССР в разделе Польши не участвовал, поскольку возвращение своего не может быть разделом чужого.

Екатерина Великая во время первых трех разделов Польши очень точно выразила суть произошедшего для России: «Ни одной пяди земли "древней", настоящей Польши не взяла и не хотела приобретать <...> России ... населенные поляками земли не нужны <...> Литва, Украина и Белоруссия — русские земли или населенные русскими» [25]. В ознаменование этого славного деяния императрица приказала выбить памятную медаль, на которой изображен российский орёл, соединяющий две части карты с западнорусскими землями, а над ним надпись «Отторженная возвратихъ».

Чтобы вернуть западнорусские земли, Екатерине Великой пришлось согласиться с разделом собственно Польши между Пруссией и Австрией. Считать ее действия безнравственными нет никаких оснований. Безнравственным было бы бросить в беде соотечественников, отказаться прийти им на помощь. Императрицу совершенно справедливо при третьем разделе Речи Посполитой волновал (она даже плакала) только захват Австрией Русского воеводства в Польше (Галиции),

которое ей так и не удалось обменять на завоеванные турецкие земли. Что же касается Польши, то ее никто не заставлял устраивать гонения на православную веру и отказываться уравнять русских подданных Речи Посполитой в правах с поляками и литовцами.

Действия Сталина в 1939 г. аналогичны действиям Екатерины Великой. Чтобы решить жизненно важный для своей страны вопрос и защитить соотечественников («русские меньшинства», по выражению Вячеслава Молотова), он предоставил Германии свободу рук в Польше, а это неизбежно привело к ее четвертому разделу по хорошо отработанному немцами алгоритму между собственно Германией и Генерал-губернаторством. Предъявлять за немецкий раздел Польши какие-либо моральные претензии к Сталину или Советскому Союзу более чем странно. Никаких нравственных обязательств и уж тем более союзнических у Советского Союза перед Второй Речью Посполитой не было и в помине, как и у Российской империи перед Первой Речью Посполитой.

Внутренняя политика Польши была откровенно антирусской. Как отмечает известный белорусский ученый Лев Криштапович, «если до присоединения к Польше в Западной Белоруссии их [белорусских школ] было четыреста, то в 1928 году осталось только 28, в 1934 году — 16, а в 1939 году — ни одной» [26].

Внешняя политика польского государства была столь же откровенно антисоветской. Крайне характерна для руководства Польши позиция Главнокомандующего ее вооруженными силами в 1939 г. маршала Э. Рыдз-Смиглы: «Польша неизменно считала Россию, кто бы там ни правил, своим врагом номер один. И если немец остается нашим противником, он все же вместе с тем европеец и человек порядка, в то время как русские для поляков — сила варварская, азиатская» [27]. Одними словами дело не ограничивалось. В 1937 г., невзирая на наличие договора о ненападении с СССР, подчиненный маршалу Генштаб заключил с румынскими коллегами соглашение о разделе (ни много ни мало!) оккупационных зон на территории СССР: «Не позднее четырех месяцев по окончании военных действий эта территория делится между союзниками, причем область на юг по линии Винница—Киев—р. Десна остается за Румынией, включая Одессу, а на север — за Польшей, включая Ленинград» [28]. Давайте называть вещи своими именами: в 1939 г. Польша была врагом СССР, пусть и уже не таким опасным, как Третий рейх. Предать же врага при всем желании невозможно. Ему, кстати, можно протянуть руку помощи, что Сталин летом 1939 г. несколько раз и делал. Но польское руководство высокомерно отказалось от сотрудничества. Это был их выбор.

Поэтому безнравственным был не Пакт Молотова — Риббентропа и обусловленный им Освободительный поход, безнравственно было бы отказаться от него и безучастно взирать, как белорусы и украинцы на западнорусских землях переходят из-под польского

ига под иго немецкое, а вермахт занимает выгодные позиции для будущей агрессии против СССР.

Да, Сталину, в отличие от Екатерины Великой, пришлось иметь дело не с обычными хищниками — Фридрихом Великим и Иосифом Вторым, а с нацистом Гитлером. Но напомню, что Наполеона в России и во всем «цивилизованном мире» считали «корсиканским чудовищем», узурпатором и деспотом. Однако Александр I пошел на заключение с ним Тильзитского договора. И это было не попранием общечеловеческих норм морали, а исполнением государем своего долга перед Отечеством. Кстати, императору, в отличие от Сталина, пришлось тогда оставить своих союзников и, пусть даже чисто формально, но воевать с ними (Австрией и Великобританией) на стороне Наполеона.

Аморальное, с точки зрения многих современников, решение Александра Первого, позволило России подготовиться к «грозе двенадцатого года» и внесло немалый вклад в победу. Иначе, как нравственным подвигом императора, его назвать невозможно.

«Сердце Царево в руце Божьей». Человек, готовый уступить другому человеку «место в шлюпке и круг», — герой. Правитель, приносящий в жертву свой народ, женщин, детей, стариков ради спасения другого народа или во имя неких высших ценностей, — предатель.

Поэтому любые попытки объявить Пакт Молотова — Риббентропа безнравственным сговором за счет неких светлых и прогрессивных сил, в сущности, являются сожалением о том, что Сталин не предал Советский Союз, не поставил чужие интересы выше интересов своего народа. Причем неважно, какие именно чужие интересы — мирового коммунистического движения, борьбы с нацизмом или демократии.

При подписании Пакта Молотова — Риббентропа Сталин ради спасения советского государства пошел на «противоестественную», по определению Черчилля, сделку со злейшим врагом — Гитлером. Но при этом, как совершенно точно сформулировал крупнейший отечественный германист Юлий Квицинский, Сталин «не продал в 1939 году душу дьяволу. Он сел играть с чертями в карты и обыграл их. Обыграл вчистую» [29].

Во времена Горбачева и Яковлева обличители Пакта Молотова — Риббентропа основной упор делали на его противоправность и аморальность. Тогда это действовало. Советские люди приходили в ужас от обрушившейся на них «правды» о «сотрудничестве» Сталина с Гитлером: совместного попрания норм международного права, суверенитета «маленьких, но гордых» прибалтийских государств и раздела Польши.

Однако «все течет, все меняется». На подавляющее большинство граждан современной России подобные «ужастики» просто не действуют. «Захватил Прибалтику!» — правильно сделал! «Нарушил международное право!» — а кого оно интересует? Меняются общественные настроения, меняется и технологии демонизации Пакта Молотова — Риббентропа.

ГЛАВА VI

ПОБЕДНЫЙ ПАКТ

«ХУЖЕ, ЧЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ. ЭТО ОШИБКА»

Ныне борцы за «историческую правду», прекрасно знающие динамику социологических опросов, при обличении Пакта стараются напирать на прагматизм: Пакт был хуже, чем преступлением Сталина; он был ошибкой, которая привела к катастрофе 1941 г. Откровенно либеральные историки, публицисты и журналисты буквально хлещут Сталина по щекам — дал себя переиграть Гитлеру и чуть не погубил страну, для спасения которой народу пришлось пролить море крови. Вот только несколько примеров:

Леонид Млечин (публицист): «В августе Сталин сделал выбор. Многие и по сей день уверены в его мудрости и прозорливости. Но это решение, напротив, наглядно свидетельствует о его неспособности оценить расстановку сил в мире, понять реальные интересы тех или иных государств и увидеть принципиальную разницу между демократией и фашизмом. Сталин совершил ошибку, которая обошлась России в десятки миллионов жизней» [1].

Андрей Колесников (журналист): «Пакт и секретные протоколы к нему были для Сталина "коктейлем Молотова — Риббентропа", на котором тиран подорвался. И он начал сажать с удвоенной энергией, потому что мстил тем людям, кто спас его от позора, но и помнил его позор. ... Скорость продвижения вермахта географически, политически, геостратегически была подготовлена именно пактом Молотова — Риббентропа и попытками "финляндизации" и большевизации Прибалтики» [2].

Борис Соколов (профессиональный открыватель «правды» о Великой Отечественной войне): «Мне представляется, что, если бы не было пакта о ненападении между СССР и Германией, то в тот момент не было бы Второй мировой войны. То есть, она бы точно не началась в 1939 году. Может быть, она началась бы через несколько лет, но совсем при других каких-то обстоятельствах» [3].

Сергей Мироненко (директор Государственного архива РФ, доктор исторических наук): «Пакт Молотова — Риббентропа — это стратегическая ошибка, если не сказать преступление советского руководства и лично товарища Сталина. Выполняя договор, СССР укреплял армию своего врага. <...> Подписав договор с Германией, мы получили общую с ней границу, которой не имели до 1939 года. Латвия, Литва, Эстония, Польша — они были для нас фактически буферными государствами. Какими бы слабыми ни были у

них армии, но они в случае агрессии обеспечили бы нам неделю, а то и две, и не было бы этого "внезапного нападения"» [4].

Конечно, в отличие от Сергея Мироненко, подавляющее большинство официальных представителей исторической науки избегают столь брутальных высказываний в адрес Пакта. Но разница чаще всего оказывается чисто стилистической.

Вот как, например, оценивает договоренности СССР с Третьим рейхом академик А.О. Чубарьян: «Как показали дальнейшие события, тактические успехи обернулись стратегическими просчетами» [5]. Столь же категоричен и профессор М.М. Наринский (зав. кафедрой международных отношений и внешней политики России в МГИМО): «Если советско-германский пакт и был тактическим успехом Кремля, то весь курс на сотрудничество с Берлином стал стратегическим просчетом И.В. Сталина. Он позволил А. Гитлеру разгромить Польшу и выйти на общую границу с Советским Союзом. В последующем Германия получила возможность нанести поражение Франции, что лишало СССР потенциального союзника в Европе. <...> Договор был выгоден А. Гитлеру и позволил ему развязать Вторую мировую войну в благоприятных для него условиях» [6].

Особо следует подчеркнуть, что это не просто частное мнение двух ученых, пусть и занимающих крупные административные посты в российской исторической науке. Такая оценка была дана в подготовленной под эгидой МГИМО монографии «Белые пятна — черные пятна» (2010 г.), которая отражала тщательно выверенную официальную позицию России по всему комплексу предвоенной политики СССР, включая Пакт Молотова — Риббентропа и Освободительный поход РККА.

О том, что трактовка Пакта как стратегической ошибки Сталина до самого последнего времени являлась официальной и в полной мере совпадала с либеральной, лучше всего свидетельствуют публикации мастеров колебаться вместе с линией партии. Если в 1973 г. профессор В.И. Дашичев был убежден в том, что Пакт «расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для обороны страны» [7], то в новых условиях он уже не сомневается, что «советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.» [8].

Суммируя многочисленные публикации, обличающие Пакт Молотова — Риббентропа с «прагматических» позиций, можно сформулировать несколько главных обвинений, предъявляемых Сталину:

1. Сталин не понял масштаба угрозы, исходящей от Третьего рейха («И.В. Сталин и его окружение недооценивали опасность со

стороны нацистской Германии» — М.М. Наринский). Сталин не осознал того, что от Германии и только от нее в 1939 г. исходила угроза миру («Никто не хотел воевать, кроме одного человека — Адольфа Гитлера» — Л. Млечин).

2. Сталин не увидел принципиальной разницы между Третьим рейхом и западными демократиями («Цель Запада состояла не в провоцировании ВОЙНЫ в Европе (в т.ч. войны против СССР). После 1914—1918 годов они СМЕРТЕЛЬНО боялись войны» — Леонид Радзиховский; «Основным фактором этой политики [умиротворения] было стремление избежать новой большой войны» — М.М. Наринский).

3. Отсюда стратегически неверная оценка международной ситуации: не противостояние сил зла силам добра, пусть и непоследовательным, а начало нового этапа борьбы империалистических хищников, каждый из которых — враг СССР.

4. Стратегическая ошибка в оценке ситуации повлекла стратегически ошибочные действия. Вместо того, чтобы бросить все силы на поиск компромиссов с западными демократиями ради предотвращения войны и обуздания агрессора, Сталин решил играть на межимпериалистических противоречиях по принципу «кто больше предложит» и заключил Пакт с Гитлером, обеспечивший Германии свободу рук в Европе в обмен на территориальное расширение СССР. («Сталин делал ставку на затяжной конфликт на Западе, который позволит ему играть роль "третьего радующегося"» — М.М. Наринский).

5. Результат сталинских ошибок был катастрофичен для СССР: Гитлер разгромил Польшу и Францию, потенциальных союзников Советского Союза, аккумулировал всю мощь континентальной Европы и в удобное для себя время нанес удар по СССР. Все вновь приобретенные территории Москва потеряла в считанные дни. От гибели Советский Союз спас героизм народа, положившего на алтарь Победы миллионы своих жизней, а также мудрость руководителей США и Великобритании, которые смогли «забыть» о Пакте и пошли на создание антигитлеровской коалиции вместе со Сталиным ради общей победы над силами зла (гитлеризмом/фашизмом/нацизмом).

Конечно, верить либералам на слово нет никаких оснований. Мы уже могли ранее убедиться в том, что все их столь же «научно» обоснованные обвинения Пакта в попрании норм международного права и морали оказались откровенной ложью. Тем более, что надо полагать, и у Натальи Нарочницкой были веские основания заявлять: «Пакт Молотова — Риббентропа 1939 г. — это крупнейший провал английской стратегии за весь XX в.» [9].

Если же осмелиться предположить, что и Сталин хоть что-то понимал в международной политике, то стоит прислушаться к его

мнению о причинах начала войны: «Было бы неправильно думать, что Вторая мировая война возникла случайно или в результате ошибок тех или иных государственных деятелей, хотя ошибки, безусловно, имели место. На самом деле война возникла как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитала» [10].

Поэтому давайте попробуем разобраться в том, какую именно роль Пакт Молотова — Риббентропа сыграл во Второй мировой войне и что он принес Советскому Союзу.

ПАКТ И БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж, узнав о крахе Российской империи, радостно воскликнул: «Одна из главных целей войны достигнута!» Сейчас совершенно не принципиально — произносил британский премьер эту фразу или ему ее приписали. Главное, что она точно раскрывает суть политики Англии в отношении России. Ведущая роль Лондона в Февральской революции — очевидный факт, подтвердивший истинность классической формулы выдающегося русского геополитика генерала Алексея Едрихина (Вандама): «Хуже войны с англосаксом может быть только дружба с ним».

Однако в данном конкретном случае «коварный Альбион», нанеся удар по союзнику, совершил больше, чем преступление, — он совершил роковую ошибку. Запустив маховик развала России, и тем самым обеспечив исключение ее из числа будущих держав-победителей, Лондон оказался вынужден для сокрушения Германии допустить вступление в войну Америки. Позволил молодому хищнику впервые попробовать силы в схватке за мировое господство.

При этом Российская империя, столь мастерски торпедированная Лондоном в феврале 1917 г., всего через несколько лет после катастрофы возродилась в облике Советского Союза, который из Второй мировой войны вышел уже в статусе сверхдержавы. Для Британской же империи победа в Первой мировой оказалась «пирровой», а по итогам Второй мировой она и вовсе приказала долго жить — место гегемона Запада перешло к Соединенным Штатам.

Да, могильщиком Британской империи были союзные ей США (дружба с англосаксом опасна и для англосакса), но смертельный удар империи нанес все же СССР, когда заключил Пакт Молотова — Риббентропа и тем самым сломал британский сценарий Второй мировой войны. Пакт был в прямом и переносном смысле «нашим ответом Чемберлену», еще раз подтвердившим народную мудрость: «не копай яму другому, сам в нее попадешь».

Конечно, утверждение о том, что Пакт Молотова — Риббентропа погубил Британскую империю, может показаться преувели-

чением. С тем, что он погубил Вторую Речь Посполитую, уверен, согласятся многие, и Польша в первую очередь. Лишил независимости «маленькие, но гордые» прибалтийские республики — не вызовет возражений ни у кого. Латвия, Литва и Эстония об этом кричат на каждом углу. Но чтобы саму Британскую империю — это уж слишком! Обвинение же Англии, одного из создателей антигитлеровской коалиции, в планировании Второй мировой войны, и вовсе может кому-то показаться злостным наветом.

ЖЕРТВА ИЛИ ХИЩНИК?

Официально виновником и Первой, и Второй мировой войны признана Германия. Ни в коей мере не собираюсь обелять ни кайзера Второго рейха, ни фюрера Третьего. Тем более что по Гитлеру и его подельникам есть приговор Нюрнбергского трибунала. Но следует ли из виновности Германии, что в обеих мировых войнах Британская империя была жертвой? По-моему, даже сама постановка такого вопроса по отношению к Великобритании, превратившей полмира в свою колонию, звучит противоестественно.

На протяжении последних столетий в истории западной цивилизации наблюдаются два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, экспансия Запада вовне, связанная с захватом чужих ресурсов и рынков, попыткой превратить весь Земной шар в свою колонию. С другой стороны, внутрицивилизационная борьба за лидерство, в которой решалось, кто будет править миром от лица Запада, кому достанутся главные дивиденды. Действующие лица этой борьбы менялись неоднократно: Испания —Франция, Испания — Англия, Англия — Голландия, Франция — Англия, Германия — Англия, Германия — Англия — США. Суть же процесса оставалась неизменной — схватка хищников за право получать львиную долю добычи.

Совершенно очевидно, что понятие «жертва» к такой борьбе неприменимо в принципе. Независимо от того кто на кого напал первым в каждом конкретном раунде борьбы за гегемонию. Точно так же, как дико объявлять «жертвой», допустим, еврейскую мафию в США из-за того, что очередную мафиозную войну за передел рынка наркотиков начала не она, а мафия итальянская.

Великобритания, одолев в ожесточенной борьбе Испанию, Голландию и Францию, ко второй половине XVIII в. заняла господствующие позиции на морях и в колониях. Что неизбежно сделало ее самой богатой и могущественной страной Запада, невиданной еще в человеческой истории по размерам и мощи империей. Однако британская гегемония вовсе не отменила, а напротив, стимулировала стремление других наций Запада перераспределить мировые богатства в свою пользу. Наполеоновские войны, Первая и

Вторая мировые были не чем иным, как попытками сначала Франции, а затем Германии сокрушить Англию, чтобы занять ее место главного выгодополучателя от колониального разграбления богатств мира.

Вторую мировую войну отличало лишь то, что претендент был не только «обычным» хищником, как Французская империя или Второй рейх, но и носителем человеконенавистнической идеологии национал-социализма.

Положение мирового лидера Британской империи удавалось сохранять вплоть до середины XX в. Причин тому немало. Но одной из них, несомненно, была последовательная внешнеполитическая стратегия, которую очень точно сформулировал Черчилль: «В течение четырех столетий суть внешней политики Англии заключалась в том, чтобы противостоять самой сильной, самой агрессивной державе, занимающей главенствующее положение на континенте ... Для Англии не имеет никакого значения, кто именно стремится к господству над Европой ... Таков основной закон международных отношений, которому мы следуем» [11].

Именно неуклонное следование этому «закону» позволяло Британии из века в век выходить победителем из войн за лидерство и оставаться самой богатой страной Запада и всего мира.

ХИЩНИК-«МИРОТВОРЕЦ»

Однако в преддверии Второй мировой войны Британскую империю, казалось бы, подменили. Вместо того чтобы по хорошо отработанному алгоритму придушить еще в зародыше Третий рейх, явно стремившийся поставить под свой контроль континентальную Европу, чтобы затем бросить вызов британской гегемонии, Лондон стал проводить в отношении него политику «умиротворения». Великобритания фактически собственными руками взрастила соперника, для спасения от которого затем пришлось заплатить страшную цену — передать контроль над Империей Соединенным Штатам, сведя тем самым на нет результаты четырех веков борьбы.

Чаще всего «странности» предвоенной политики Лондона объясняют:

- желанием британского правительства любой ценой избежать новой мировой войны;
- неадекватностью Чемберлена, которого Гитлер обыграл «вчистую»;
- зоологическим антикоммунизмом британской элиты, ее стремлением руками Третьего рейха уничтожить СССР.

С антикоммунизмом не поспоришь, его влияние на политику «умиротворения» — очевидный факт. Чего не скажешь об английском «пацифизме» и профнепригодности руководства Британии.

Можно сколько угодно писать о том, что политика «умиротворения» и ее апофеоз («Мюнхенское соглашение») были порождены неготовностью английской армии к боевым действиям на континенте, а также страхом перед войной английского общества, еще не отошедшего от шока Первой мировой. Можно приводить в подтверждение этого красноречивые цифры о числе английских дивизий, пушек и самолетов, об ужасающих размерах возможных потерь гражданского населения в случае налетов немецкой авиации, цитировать слова Чемберлена о нежелании англичан вновь рыть окопы из-за какой-то ссоры немцев с чехами. Только все это разговоры «в пользу бедных».

Для того чтобы избежать войны, к чему якобы стремилась Великобритания и на что была направлена ее политика «умиротворения», Лондону совершенно не нужна была ни боеспособная армия, ни готовность народа умирать на фронтах. Достаточно было в 1936 г. во время «Рейнского кризиса» не мешать Парижу приструнить Берлин (13 французских дивизий против 3 немецких батальонов), а в 1938 г. поддержать заговор немецких генералов.

Вместо этого, в первом случае, английское правительство заставило Францию, буквально выкрутив ей руки, отказаться от оккупации Рейнской области и тем спасло нацистский режим от неминуемого краха. А чтобы не допустить свержения Гитлера генералами, Лондон форсировал подписание Мюнхенского договора. От страха быть втянутыми в войну, к которой страна не готова, так себя не ведут.

Для объяснения уже этой «странности» английской политики как нельзя лучше подходит Невилл Чемберлен, которого сделали ответственным за провал «политики умиротворения». В версию о «незадачливом миротворце» можно было бы и поверить, если бы британский премьер единолично определял политику империи, и если бы его политика в отношении Германии принципиально отличалась от политики предшественников.

В 1936 г. не позволил французам расправиться с нацистским режимом премьер Болдуин, которого по разряду недотеп никто не числит. Основу политики «умиротворения» (провоцирования нового германского похода на Восток) заложили Локарнские соглашения. Они гарантировали западных соседей Германии от попыток Берлина пересмотреть послевоенные границы и не содержали подобных гарантий в отношении восточных соседей Веймарской республики. Главным действующим лицом Локарнских переговоров — первого шага на пути ко Второй мировой войне — был ми-

нистр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен, брат Невилла, до сих пор считающийся одним из величайших дипломатов Британской империи.

Как видим, списать «странности» предвоенной политики Лондона на неведомо откуда взявшийся пацифизм английской элиты и глупость Невилла Чемберлена невозможно. Трудно не согласиться с Андреем Фурсовым, утверждавшим, что «курс на appeasement («умиротворение», англ.) был не ошибкой и не глупостью. То был курс на сохранение Британской империи» [12]. О том, что целью «миротворчества» британского хищника было совершенно сознательное и прагматичное провоцирование новой войны во имя интересов Британской империи, пишет и Наталья Нарочницкая: «До сих пор тиражируется суждение, что Британия полагала умиротворить Гитлера. Нет! Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии <...> Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но соблазнить его продвижением на восток <...> Агрессия на восток давала повод вмешаться и, при удачном стечении обстоятельств, довершить геополитические проекты не только в отношении стран, подвергшихся агрессии, но всего ареала» [13].

ПРОИГРАВШИЙ ТРИУМФАТОР

Зачем Англии к середине XX в. оказалась жизненно необходима новая большая война в Европе? От безысходности. Как это ни странно звучит по отношению к стране, победившей в Первой мировой войне.

Первая мировая война (спровоцированная все той же Англией) формально закончилась для Британской империи полным триумфом. За счет колоний поверженных держав империя достигла фантастических, невиданных в человеческой истории размеров: 22% земной суши оказались в распоряжении «владычицы морей», а ее подданными — каждый четвертый житель Земли.

Европейский континент, бросавший из века в век смертельный вызов английской гегемонии, был нейтрализован. Германия лежала в политических и экономических руинах. Франция, несмотря на статус государства-победителя, в войне надорвалась, а благодаря искусству британской дипломатии по Версальскому договору не получила ничего из того, что могло бы сделать ее хозяйкой Европы. На месте Австро-Венгерской империи создали несколько государств с искусственными границами, что позволяло Лондону в идеальных условиях проводить свою традиционную политику «разделяй и властвуй».

Соединенные Штаты, проиграв дипломатический бой в Версале, из Европы были вынуждены убраться не солоно хлебавши.

Российская империя, которую Великобритания со времен победы над Наполеоном совершенно справедливо считала главным препятствием на своем пути к мировому господству, погрузилась в хаос гражданской войны.

Казалось бы, при таких результатах войны XX век неминуемо должен был стать английским веком, а британской элите оставалось лишь воскликнуть: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»

Однако в реальности взлетевшая на вершину могущества империя, гегемон мира, после Версаля увидела себя на краю пропасти. Все предшествовавшие войны на протяжении нескольких веков фантастически обогащали Британию. Первая мировая война ее разорила. Страна потеряла четверть национального богатства, а ее государственный долг за время войны вырос в 12 раз. Главный кредитор мира превратился в балансирующего на грани банкротства должника Соединенных Штатов Америки. Моря крови пролились золотым дождем не на лондонский Сити, а на нью-йоркский Уолл-Стрит. Туда же начал перемещаться и мировой финансовый центр.

Обретенная по итогам Первой мировой войны финансово-экономическая мощь позволила Америке с легкостью компенсировать дипломатическое поражение на мирной конференции и всего через несколько лет после Версаля мощно заявить о своих претензиях на место гегемона Запада и всего мира.

Уже в 1922 г. Соединенные Штаты вынудили Британскую империю, недавнюю владычицу морей, высокомерно провозглашавшую «стандарт двух держав» (английский флот обязан быть сильнее объединенных флотов двух самых крупных после Британии морских держав), подписать Вашингтонский договор, устанавливающий равенство военно-морских сил Америки и империи. Иначе как договором позора для Империи этот документ назвать нельзя.

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Конечно, Великобритании за ее многовековую историю не раз бросали смертельный вызов, к этому ей было не привыкать. В чем в чем, а в способности бороться за свои интересы и умении побеждать британцам не откажешь. Технологию такой борьбы, позволявшую из каждой схватки за гегемонию выходить победительницей, Англия отработала до совершенства. Суть ее предельно «проста»: обострение противоречий между противником и всеми его соседями, создание против него коалиции, провоцирование войны между ними и, в конце концов, при финансовой поддержке Лондона и английской морской блокаде, победа чужими руками и чужой

кровью над часто гораздо более сильным в военном и экономическом отношении конкурентом.

Однако стратегия, доказавшая свою стопроцентную эффективность на европейском континенте, с большим числом перманентно воюющих друг с другом государств, оказалась абсолютно неприменима против США. Ни Канада, ни Мексика и в малейшей мере не годились на роль британской «шпаги на континенте». Коалиция «банановых республик», идущая на бой с Вашингтоном, — в такое даже в горячечном бреду поверить невозможно.

Да, английские войска в 1814 г. собственноручно сожгли Белый дом и Капитолий, но повторить тот успех в условиях равенства военно-морских сил и финансово-экономического превосходства Америки у Британии не было никаких шансов. Поэтому уже к середине 20-х гг. стало совершенно очевидно, что в борьбе за гегемонию с Соединенными Штатами Америки Британская империя обречена на поражение.

Мало было Лондону Америки, так все та же якобы победная для Британии Первая мировая война породила беду, которую совсем не ждали. Российская империя в результате революции и Гражданской войны преобразилась в Советский Союз и из препятствия на пути к мировому господству Великобритании превратилась в прямую угрозу как непосредственно Британской империи (антиколониализм), так и многотысячелетнему миропорядку, основанному на власти меньшинства, элиты над большинством (мировая революция).

Опять-таки к середине 20-х гг. полностью улетучились надежды на то, что «противоестественный» социально-экономический и политический строй в большевистской России рухнет сам собой. Попытка Лондона в 1927 г. задушить СССР совместными усилиями «цивилизованного мира» полностью провалилась. И это в условиях, когда в колониях при поддержке Москвы начинал раскручиваться маховик национально-освободительных движений, а в метрополии, как и по всей Европе, коммунистические идеи овладевали массами, и парламентская демократия явно не справлялась с задачей обеспечения власти крупного капитала. Сейчас нам даже трудно представить, какой страх и ненависть испытывала британская элита, как и элиты всех стран Запада, к Советскому Союзу в те годы!

БРИТАНИЯ ВЫБИРАЕТ ВОЙНУ

Казалось бы, в условиях американского вызова и еще более страшного вызова большевистского у Британской империи не оставалось никакой возможности уцелеть. Но не зря нарком иностранных дел Советской России Георгий Чичерин считал, что «на берегах Темзы сосредоточилась вся мудрость капиталистического

мира» [14]. Английский правящий класс в почти безвыходной ситуации смог найти экстраординарное решение, дающее хоть и небольшой, но все же реальный шанс коренным образом изменить расклад сил на международной арене и тем самым не только сохранить, но и упрочить гегемонию Британской империи. Таким решением для Великобритании оказалась новая большая война в Европе (именно в Европе, а не мировая война).

Почему это решение можно считать экстраординарным? Естественно, не из-за его антигуманности. Никакой гуманизм не помешал Лондону спровоцировать Первую мировую войну, Русско-японскую, Крымскую и далее по списку. Война — стандартный инструмент британской политики, норма для нее.

Экстраординарность заключалась в том, что Лондон ради спасения империи от большевистской и американской угрозы решил пойти по пути умножения угроз, а не их уменьшения. Англия стала собственными руками искусственно вскармливать еще одного врага — Германию. Врага, в равной мере смертельно опасного и для СССР, и для США. В какой-то мере здесь уместна аналогия со встречным палом при лесных и степных пожарах.

География и тогдашний уровень техники не позволяли Британской империи столкнуть США и СССР в полномасштабной войне на взаимное уничтожение, заняв крайне выгодную позицию «третьего радующегося». Самостоятельно уничтожить Америку и Советскую Россию, как уже говорилось, Великобритания также не могла. Включение же в борьбу четвертого участника — Германии, сразу же позволяло Лондону радикально изменить ситуацию.

Только Германия (и никто больше на тот момент) имела теоретическую возможность уничтожить Советский Союз. Но, конечно же, не Германия поверженная и разоренная самими британцами по итогам Первой мировой, а многократно усилившаяся в экономическом и военном отношении, благодаря все тем же британцам (политика «умиротворения»).

Английский план новой большой войны в Европе реконструировать не так уж и сложно. Накачавший мускулы Берлин развязывает войну на Востоке. СССР и Германия перемалывают силы друг друга. «Победителя» Великобритания добивает руками французов. В результате одним выстрелом оказываются убиты три зайца: Советский Союз уничтожен, в качестве попутного бонуса окончательно добита Германия, США лишаются возможности оспаривать британскую гегемонию.

Спасением элит «цивилизованного мира» от коммунистической опасности империя политически обыгрывает США, доказывает свое несомненное право быть лидером Запада. Одновременно изменяется в пользу Великобритании военно-стратегический и экономический баланс сил. Если Первая мировая война призвана

была сделать Европу безопасной для империи, а Россию погрузить в хаос, то новая война при планируемом в Лондоне исходе должна была поставить под контроль Великобритании европейскую промышленность и российские ресурсы. В таких условиях отбить у Америки гегемонистские амбиции было уже делом техники. Полное торжество Pax Britannica.

Авантюра? Несомненно. Но у британской элиты не оставалось никаких иных способов спасти империю. Или новая большая война в Европе, дающая хотя бы минимальный шанс на сохранение и упрочение английской гегемонии в мире, или неизбежный крах. Элита Британии, как и следовало ожидать, выбрала войну.

ПЛАНОВ ГРОМАДЬЕ

Говоря об английском плане новой европейской войны, необходимо учитывать три момента:

1. Помимо официальной западной позиции, на корню отрицающей само существование подобного плана и объясняющей предвоенную политику Лондона повальным пацифизмом британского правящего класса и неадекватностью премьера Чемберлена, существует еще позиция, которую лучше всех выразил Андрей Фурсов: Британская империя «умиротворяла» Германию не только для уничтожения ее руками СССР, но и для того, чтобы в дальнейшем вести борьбу против Америки на основе союза с Германской империей как евразийской. Или европейской.

Не приходится сомневаться в том, что подобную концепцию активно продвигали немцы. Проиграв в Первой мировой войне, Германия вовсе не избавилась от стремления к мировому господству. Для нее было жизненно важно как можно дольше иметь Британию партнером, а не врагом. Максимально использовать потенциал Англии для достижения своих целей: благодаря политике «умиротворения» взять под контроль континентальную Европу, уничтожить СССР, а затем совместно с Британской империей сокрушить Америку. Без взаимодействия с Великобританией, без ее флота и бесчисленных колоний сделать последнее было бы почти невероятно. Поэтому для Берлина выгодней всего было оставить Лондон «на десерт».

Не приходится сомневаться и в том, что британские политики могли подбрасывать немцам идею совместной борьбы с Америкой. Тешили их надеждами на сотрудничество после Восточного похода, чтобы легче было заманить в подготавливаемую ловушку. Возможно, кто-то из английских политиков и действительно верил в подобный противоестественный союз. Но надо полагать, в целом правящий класс Британской империи трезво смотрел на мир и, по-

добно Черчиллю, прекрасно понимал, что Германия, заполучив с английской помощью полное господство над Европой, сразу после этого не преминет ограбить и разорить самих британцев.

2. Америка вовсе не была сторонним наблюдателем за направленной против нее деятельностью Британии. В 20—30-е гг. она сама активно готовила новую большую войну. Только в отличие от Англии не европейскую, а мировую. Без новой мировой войны США не имели возможности ни решить свои социально-экономические проблемы, ни устранить конкурента в Тихоокеанском регионе, ни уничтожить СССР, ни ликвидировать Британскую империю, чтобы вместо Pax Britannica утвердить Pax Americana.

3. Когда речь идет о британском плане большой европейской войны, необходимо учитывать, что это, конечно, гипотеза. Точнее, реконструкция. Вероятность существования правительственного документа с его изложением близка к нулю. Но практически никогда не бывает и документов с планами готовящихся преступлений. Из чего не следует, что преступления не планируют. Достоверность реконструкции определяется не наличием того или иного документа, а тем, «вписываются» в нее достоверно известные факты предвоенной периода и начала войны или нет.

ОТ УСПЕХА К УСПЕХУ

Первым крупным успехом британской дипломатии на пути организации новой большой войны в Европе следует считать Локарнские договоры 1925 года. В переводе с дипломатического на русский, они означали «реабилитацию» побежденной Германии, ее превращение из изгоя в полноправного члена семьи цивилизованных народов Запада в обмен на «сущий пустяк» — будущий поход против СССР и немедленный отказ от курса на сближение с Советской Россией (Рапалльский договор).

Фактически в Локарно Веймарские правители согласились с отведенной Германии ролью британского киллера на Востоке, которого после выполнения акции обязательно ликвидируют. Понимали они, на что обрекают страну или не понимали — сейчас неважно. Процесс пошел. И Остин Чемберлен заслуженно по итогам Локарно стал кавалером ордена Подвязки и лауреатом Нобелевской премии мира.

Крушение Веймарской республики и установление в Германии нацистского режима ни в коей мере не привело к пересмотру британских планов. Независимо от того, способствовала или нет Англия победе национал-социалистического движения, нельзя не признать, что гитлеровский режим был крайне выгоден для стратегических целей Британской империи.

Во-первых, нацистская Германия и коммунистический СССР по определению становились смертельными врагами, а значит, Лондону можно было забыть об извечном кошмаре англосаксов — призраке российско-германского союза. Во-вторых, нацистская Германия оказывалась идеологически «заточена» на тотальную войну против СССР. В-третьих, человеконенавистническая природа гитлеровского режима давала Великобритании прекрасное объяснение причин «зачистки» чуть живого Третьего рейха после уничтожения им СССР. Англия представала в образе спасителя цивилизации не только от большевизма, но и от нацизма. Эффективный лидер мира. И последнее: нацизм в Германии позволял гегемону Запада опробовать на «стране, которую не жалко» альтернативную социально-политическую систему обеспечения власти крупного капитала на случай, если парламентская демократия не сможет свести на нет коммунистический вызов.

Пересказывать, как именно Британия помогала накачивать мускулы германской военной машине и содействовала укреплению гитлеровского режима, полагаю, нет нужды. Факты политики «умиротворения» хорошо известны. Но мимо «Мюнхенского сговора» пройти невозможно.

Уже традиционно и у нас в стране, и на Западе Мюнхен трактуется как крупнейшее поражение британской дипломатии, как полный провал многолетней «политики умиротворения», как безусловная победа Гитлера и позор Чемберлена (Невилла). Однако такая трактовка правомерна только в том случае, если мы верим, что британский правящий класс «умиротворял» Гитлера по причине своего безволия, глупости и непреоборимой тяги к миру во всем мире, особенно в Европе. Если же признать, что целью «политики умиротворения» была новая большая война в Европе во имя спасения Британской империи, тогда и отношение к Мюнхену кардинально меняется.

Мюнхен — это триумф британской дипломатии. Процесс, блестяще начатый Остином Чемберленом в Локарно, достиг при Невилле Чемберлене своей высшей точки в Мюнхене. Де-факто по Мюнхенскому соглашению была образована Директория четырех (Англия, Франция, Германия и Италия), наделившая себя правом решать судьбу всех остальных европейских государств. А во главе этой Директории, а соответственно всей континентальной Европы, встала Великобритания. Это ли не успех?

Третий рейх, приняв из рук Директории, а точнее Британской империи, Судетскую область с ее развитым военно-промышленным комплексом, автоматически признал себя младшим партнером Лондона, которому теперь пришло время выполнить свою миссию — уничтожить СССР. Показательны слова Муссолини о соглашении, якобы касавшемся исключительно германо-чехосло-

вацких территориальных проблем: «То, что произошло в Мюнхене, означает конец большевизма в Европе, конец всего политического влияния России на нашем континенте» [15]. Отсюда, кстати, и столь острая реакция на Мюнхен в Москве. Дело было, конечно же, не в том, что судьбу Чехословакии решили без участия Москвы. Очевидное для Муссолини было понятно и Сталину. После Мюнхена война на уничтожение становилась практически неизбежной, причем в самое ближайшее время. Поэтому Чемберлен при возвращении в Лондон по праву чувствовал себя триумфатором.

ГЛАДКО БЫЛО НА БУМАГЕ

Однако и у его конкурента Черчилля были все основания выступать с резкой критикой Мюнхена. Победы (а Мюнхенское соглашение было победой Чемберлена) нередко оказываются пирровыми. Еще Мольтке-старший говорил: «Ни один план не переживет первого столкновения с врагом». Черчилль раньше других понял, что британский план новой войны перестал соответствовать европейским реалиям, и дальнейшие успехи в его реализации могут обернуться катастрофой для империи. Гитлер из инструмента британской политики стремительно превращался в самостоятельного игрока, более опасного для Британской империи, чем США и Советский Союз.

Тревожные звоночки, подтверждающие правоту Черчилля, начали звучать практически сразу после Мюнхена. Как сообщало в Москву советское полпредство, в правительственных кругах Англии на волне мюнхенской эйфории царит уверенность, что далее Гитлер пойдет на Восток и что его ближайшим крупным объектом является Украина. Ожидалось создание Германией на обломках Чехословакии «независимого» государства Украина в Прикарпатье, которое потребует освобождения украинского народа от московского ига и предъявит территориальные претензии на УССР.

Решение Первого Венского арбитража (фактически Берлина) по передаче Прикарпатья Венгрии стало холодным душем для Лондона. Когда же Гитлер собственным решением полностью ликвидировал Чехословакию, демонстративно не испросив на это разрешение Директории (хотя мог не сомневаться в положительном для себя ответе), прозрели даже слепые: Гитлер, выжав максимум из политики «умиротворения» для усиления Германии, начал собственную игру.

Мало этого, британский успех в Мюнхене повлек за собой радикальное изменение внешнеполитической линии СССР — отказ от политики коллективной безопасности. Если Мюнхен у нас принято критиковать, то политику коллективной безопасности и ее автора наркома Литвинова (мягко говоря, ориентированного на англосаксонский мир) принято превозносить. Однако при всей внешней «красиво-

сти» (сплотим все народы доброй воли и совместно придушим агрессора) в реальности эта политика нацеливала СССР на войну с Германией. Она ставила две страны в неустойчивое положение постоянного балансирования на грани вооруженного конфликта, что как нельзя лучше соответствовало стратегическим целям Британской империи, открывало перед ней возможность в любой удобный для Лондона момент спровоцировать советско-германскую войну.

Мюнхен показал, в какую ловушку Литвинов заводил Советский Союз, и в мае 1939 г. наркомат иностранных дел возглавил Молотов. Тем самым Москва недвусмысленно дала всем понять, что не собирается во имя британских интересов, как и интересов остального «прогрессивного человечества», «освобождать» военным путем Германию от нацистского режима, что отныне она будет заботиться только о собственной безопасности и предоставляет европейцам самим расхлебывать заваренную ими кашу.

ФОРСАЖ

Британский план большой европейской войны начинал сыпаться прямо на глазах. Но ответ Лондона не заставил себя долго ждать. Был найден единственно возможный в тех условиях ход — немедленное провоцирование германо-польской войны, которую затем было необходимо перевести в германо-советскую. Польшу бросали под немецкий каток, чтобы он с разгона врезался в СССР. Если ни Берлин, ни Москва не желают идти на предписанную им Лондоном войну, то война должна прийти к ним.

«Миротворец» Чемберлен, еще недавно отказывавшийся рисковать жизнями англичан из-за каких-то там территориальных споров Праги с Берлином, стремительно преисполнился воинственности и объявил о готовности лечь костьми за свободу и независимость Польши. Той самой Польши, которая всего полгода назад с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении Чехословацкого государства, как ехидно подметил Черчилль.

Бред? Несомненно, но только до тех пор, пока мы закрываем глаза на истинные цели британского правительства. А они очевидны. Даже Лиддел Гарт, автор, можно сказать, канонической английской версии Второй мировой войны, был вынужден признать ответственность Великобритании: «Как же получилось тогда, что Гитлер оказался вовлеченным в "большую войну", которой так хотел избежать? <...> Гарантии Польше были наиболее верным способом ускорить взрыв и начало мировой войны» [16].

Одновременно с нагнетанием германо-польских противоречий Лондон инициировал англо-франко-советские переговоры в Москве, единственный смысл которых был в том, чтобы не дать Советскому Союзу сорваться с крючка политики коллективной

безопасности и изолироваться от готовящейся польско-немецкой войны.

Однако британские стратеги невнимательно прочитали Отчетный доклад Сталина на XVIII съезде ВКП(б). 10 марта 1939 г. советский вождь в нем ясно и четко сформулировал одну из главных задач внешней политики страны: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» [17]. Кого имел в виду Сталин под «провокаторами войны», было совершенно очевидно, как очевидно и то, что СССР в коллективную безопасность больше «играть» не собирался.

КРАХ

В отличие от Чемберлена Гитлер сигнал из Москвы понял правильно. 23 августа 1939 г., всего за несколько дней до начала спровоцированной Лондоном польско-немецкой войны, в присутствии Сталина Молотов и Риббентроп подписали Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией, вошедший в историю как Пакт Молотова — Риббентропа.

Для Британской империи небо упало на землю, случилось немыслимое: два смертельных врага (нацизм и коммунизм), вместо того, чтобы вцепиться друг другу в горло, пошли на временный компромисс и решили свои проблемы за счет Британской империи (Польша и Прибалтика с Румынией — это все производные, мелочи).

Пакт не остановил и не мог уже остановить запущенный Великобританией маховик новой большой войны. Но, как справедливо отмечала Наталья Нарочницкая, он изменил очередность и «расписание» планируемых Гитлером нападений. Это означало, что Советский Союз Гитлер, конечно, собирается уничтожить, но прежде он намерен лишить Лондон «шпаги на континенте» — разгромить Францию, стать господином Европы и обрести мощь, сопоставимую с мощью Британской империи. При таком развитии событий у Великобритании останется лишь два выхода:

1. Принять предложение Гитлера и пойти в роли подручного вместе с ним против СССР, а затем США, с последующим несомненным съедением на десерт.

2. Воевать против Гитлера в союзе с Америкой, а возможно и СССР, с последующим столь же несомненным съедением на десерт Вашингтоном. При любом варианте — конец Британской империи и британской гегемонии.

Поэтому Пакт Молотова — Риббентропа — это смертный приговор Британской империи, после которого у нее не осталось ника-

ких шансов уцелеть. Для Великобритании 23 августа 1939 г. было, есть и будет днем, точнее ночью, крупнейшего за ее историю национального поражения (Пакт был подписан глубокой московской ночью).

«НАМ-ТО ЧТО?»

Кто-то может сказать: «А нам со всего этого какая радость?» Разрушение Британской империи было жизненно необходимо для Соединенных Штатов Америки. Им Пакт, несомненно, помог. Третий рейх стремился стать вместо Британии гегемоном Запада. Соответственно, и Германия могла оказаться в выигрыше. А что Пакт дал Советскому Союзу, кроме сомнительного удовольствия навредить «англичанке», которая «всегда гадит»? Если верить нашим либералам от исторической науки и СМИ, то одни убытки. СССР лишился потенциальных союзников в будущей войне — Польши и Франции, обрел общую границу с Германией и в 1941 г. получил удар колоссальной силы от Третьего рейха, аккумулировавшего мощь всей континентальной Европы. Казалось бы, логично. Возразить нечего. Но именно «казалось бы».

Пакт Молотова — Риббентропа, сломав английский сценарий новой европейской войны, привел к неизбежному краху Британской империи. Последнее, действительно, было крайне выгодно США, могло бы быть выгодно Третьему рейху (не дожил до краха Империи), и абсолютно ничего не давало в условиях 1939 г. Советскому Союзу. Все верно, за одним, самым существенным исключением.

СССР не стремился разрушить Британскую империю. В отличие от США и Германии, ему это было совершенно не нужно. Для СССР в 1939 г. вопросом жизни и смерти было разрушить британский план войны, который в случае его реализации не оставлял нашей стране практически никаких шансов уцелеть. И этот британский план Сталин с помощью Пакта сломал. А то, что его слом в дальнейшем обернулся падением Британской империи — не более, но и не менее чем дополнительный бонус для СССР. Не копай яму другому.

Слом британского сценария войны — первый и, может быть, самый главный вклад Пакта Молотова — Риббентропа в Победу. Почему главный? Почему это более важно, чем восстановление территориальной целостности страны, повлекшее увеличение глубины стратегической обороны на западном направлении, и даже более важно, чем полученные благодаря Пакту дополнительные полтора года мира, столь необходимые для подготовки к войне с Германией?

Причина в том, что слом британского сценария (столь необходимый сам по себе для Советского Союза) повлек за собой провал и германского, и американского планов войны. А каждый из них, напомню, предусматривал уничтожение СССР.

Британская империя в межвоенный период была очевидным лидером Западного мира. Клонящимся к закату, но лидером. Примерно, как современные Соединенные Штаты. Поэтому ее сценарий войны был базовым, системообразующим. Без него не могло бы быть ни германского, ни американского.

При всей заинтересованности в войне Берлина и Вашингтона, ни первый, ни второй развязать войну в Европе (большую войну) вопреки воле Лондона никогда бы не смогли. Если бы новая война противоречила интересам империи, она бы ее без труда не допустила, прихлопнув Германию «на взлете». Никакая американская «накачка» Берлина финансами не помогла бы, пожелай Лондон ей противодействовать. А самостоятельно США еще не были настолько сильны, чтобы спровоцировать общеевропейскую бойню.

Соответственно, пустив под откос Пактом Молотова — Риббентропа британский сценарий, Сталин тем самым нанес тяжелейший удар по сценарию американскому, а германский сценарий обрек на полный провал. Есть сомнения? Давайте разбираться.

ВЗАИМНАЯ ВЫГОДА

Одно из обвинений, которое постоянно звучит в адрес Сталина от либеральных историков, журналистов и политиков, заключается в том, что «договор был выгоден А. Гитлеру и позволил ему развязать Вторую мировую войну в благоприятных для него условиях» (М.М. Наринский) [18], т.е. война в результате Пакта пошла по германскому сценарию. Обвинение более чем серьезное.

Однако, что криминального в том, что Договор о ненападении был выгоден и Гитлеру? Международный договор, если только это не договор о капитуляции, всегда выгоден обеим договаривающимся сторонам, по определению. Это, во-первых.

Во-вторых, сам по себе любой договор — не более чем бумажка с подписями и печатями, которая никому и ничего не гарантирует. Договор становится настоящим договором, только когда при его подписании достигается баланс интересов обеих сторон, когда выполнение договора становится выгодно каждой из них, отвечает их жизненным интересам. Не трудно подписать договор, трудно найти баланс интересов, тем более у заклятых врагов.

Пакт Молотова — Риббентропа такой баланс интересов Советского Союза и Германии обеспечил на целых полтора года. Полтора года он был взаимовыгодным, приносил пользу каждой из сторон:

1. Для Германии и для Советского Союза британский план войны был смерти подобен. Пактом Молотова — Риббентропа они его совместно сорвали.

2. Германии осенью 1939 г. была абсолютно невыгодна война с Советским Союзом, но она была столь же абсолютно невыгодна и Советскому Союзу. Пакт им позволил ее отсрочить.

3. Германии в 1940 г. для разгрома Франции был жизненно важен надежный тыл на Востоке. СССР ему это обеспечил. Как сказал Молотов, сотрудничество с СССР обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке. При этом Советскому Союзу столь же необходима была «спокойная уверенность» на Западе для восстановления территориальной целостности страны и увеличения глубины обороны перед предстоящей войной с Германией. И надо признать, Берлин это Москве обеспечил (при всех нюансах).

4. Германии была невыгодна война Японии против СССР в 1939 г. Берлину была нужна война Японии против Британской империи (заставить англичан сражаться на два фронта) и против Соединенных Штатов. Война с Японией была совершенно невыгодна и Советскому Союзу. Пакт перенаправил японскую агрессию в азиатско-тихоокеанском направлении.

5. Германии были необходимы сырьевые ресурсы в условиях британской морской блокады. Советскому Союзу были нужны станки и технологии. Пакт создал условия для взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Как видим, Пакт Молотова — Риббентропа в полной мере соответствовал стратегическим интересам двух стран и был выгоден как Советскому Союзу, так и Третьему рейху. И в этом нет ничего криминального. Другой вопрос, насколько эффективно каждая из сторон воспользовалась предоставленными Пактом возможностями для подготовки к войне друг с другом?

Впрочем, прежде чем рассмотреть вопрос об эффективности использования Пакта и того, как он привел к краху Третьего рейха, необходимо сделать довольно пространное отступление. Либеральная пропаганда в научном и журналистском исполнении уверяет нас в том, что Пакт в реальности не содержал никаких выгод для СССР, что все полученное Сталиным по Пакту было «пустышками», ничего не дающими для обеспечения безопасности страны. Грубо говоря, Гитлер Сталина при подписании Пакта «развел». Пакт был, якобы, выгоден только Германии. И то, и другое — сознательная ложь (не вижу оснований подозревать либеральных обличителей Сталина в глупости). Однако эта ложь не одно десятилетие массированно внедряется в общественное сознание, и обойти ее молчанием было бы неправильно.

«БУФЕРЫ», КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

Особенно любят либералы рассуждать о полном непонимании Сталиным роли буферных государств. Заняв благодаря Пакту Прибалтику и позволив Гитлеру ликвидировать Польшу, Сталин, якобы, не укрепил, а ослабил оборону Советского Союза — он устранил буфер, делавший невозможной германскую агрессию. Попробуй, напади на СССР, не имея общей границы, да еще и внезапно! Леонид Радзиховский так прямо и заявляет: «До нападения Германии на Польшу у СССР и Германии НЕ БЫЛО ОБЩЕЙ ГРАНИЦЫ. Значит, никакая война СССР с Германией была невозможна» [19]. Радзиховского «научно» подкрепляет Сергей Мироненко, многие годы возглавляющий Госархив: «Латвия, Литва, Эстония, Польша — они были для нас фактически буферными государствами. Какими бы слабыми ни были у них армии, но они в случае агрессии обеспечили бы нам неделю, а то и две, и не было бы этого "внезапного нападения"» [20].

Это говорит доктор исторических наук, которого никак нельзя заподозрить в полном незнании предмета. А вот что вспоминает генерал Гот о совещании у фюрера 31 июля 1940 г., на котором обсуждался план войны против СССР: «31 июля Гитлер изложил свои намерения более конкретно и заявил, что охотнее всего начал бы наступление на Россию уже в этом году. Но этого нельзя делать, так как военные действия захватят и зиму, а пауза опасна; операция имеет смысл только в том случае, если мы разгромим русское государство одним ударом. Цель ее — уничтожение живой силы России. Одного захвата территории недостаточно. **Операции должны развиваться по двум направлениям: первое — на Киев (фланг примыкает к Днепру) и второе — через Прибалтику на Москву. После этого войска, наступающие с севера и юга, соединяются. Для этих операций Гитлер считал достаточным 120 немецких дивизий. 60 дивизий оставлялись для оккупации Норвегии, Франции, Бельгии и Голландии** (*выделено мною — И.Ш*)» [21].

Как видим, Гитлер первоначально планировал удар на Москву из Прибалтики по кратчайшему направлению (условно, вдоль современной трассы Москва — Рига). И ему даже в голову не приходило, что Латвия с Литвой и Эстонией — это какие-то там «буферы», которые еще надо несколько недель завоевывать. Как Советский Союз легко и без боя занял Прибалтику, так это сделала бы и Германия. Тем, кто решит, что старого вояку Гота память подвела, сообщаю — далее в своих воспоминаниях он сообщает о кардинальном изменении стратегической обстановки (присоединение Прибалтики к СССР), вынудившем Гитлера эту идею «оставить».

Никаким «буфером», даже в принципе, для Советского Союза не могла быть и Польша. Первоначально Гитлер планировал, что

именно поляки обеспечит ему надежный тыл на Востоке, необходимый для установления контроля над Западной Европой, а затем уже примут участие в совместном походе против СССР. Но для этого поляки должны были заключить с Рейхом союз, согласиться на передачу Германии Данцига и создание экстерриториального коридора к нему.

Такой вариант был вполне реален. Польский историк Слабомир Дембский пишет, что «по поводу Гданьска Польша соглашалась на устранение Лиги наций из Вольного города и готова была вести переговоры с Берлином в рамках двустороннего соглашения о будущем статусе этого города и по вопросу об "экстерриториальной автостраде". Польша была открыта для диалога с Гитлером, о чем свидетельствуют далеко идущие предложения министра Бека от 25 марта 1939 г.» [22].

Если бы немецкий сценарий воплотился в жизнь, то Польша была бы не «буфером», а трамплином для немецких войск и соучастником похода против Советского Союза. Чемберлен этот план, крайне опасный не только для Британии, но и для СССР, сорвал с помощью «политики гарантий». Но и по английскому сценарию Польша не имела ни единого шанса стать «буфером».

Даже если бы Гитлер, после отказа поляков от союза, в силу каких-либо причин осенью 1939 г. отказался от нападения на Польшу, уклониться от войны ему все равно не дала бы Британия. Она бы добилась того, чтобы поляки сами напали на Третий рейх. А им, видимо, было обещано и гарантированно столько, что они бы это сделали. Показательны слова польского главнокомандующего маршала Рыдз-Смиглы, произнесенные летом 1939 г.: «Польша хочет войны с Германией, и Германия не сможет избежать её, даже если захочет».

Англии была абсолютно необходима война Германии с Советским Союзом, и как можно скорее. А для этого Польша должна была исчезнуть с карты Европы. Никакого кусочка, способного создать малейшую преграду немецкой агрессии («буфер») возникнуть не могло. И бегство польского правительства в Лондон тому наглядное подтверждение. Поэтому не Сталин ликвидировал польский «буфер», его ликвидировала Британия. Соответственно, вопрос для Сталина, «не понимавшего значения буферных государств», в августе 1939 г. стоял однозначно: или советско-германская граница, с которой стартует вермахт, пройдет по старой советско-польской границе, или она пройдет на сотни километров дальше от Москвы.

БЫЛ ЛИ ВЫИГРЫШ ВРЕМЕНИ?

Как известно, советское руководство всегда утверждало, что при подписании Пакта Молотова — Риббентропа СССР стреми-

лось в первую очередь избежать столкновения с Германией, максимально оттянуть начало войны. Эту позицию четко сформулировал еще Сталин: «Могут спросить: как могло случиться, что Советское Правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского Правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское Правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом» [23].

Однако именно эта установка советского правительства на максимальное оттягивание войны с Германией в последнее время начинает преподноситься как наглядное доказательство полного непонимания Сталиным международной обстановки.

Слово профессору М.М. Наринскому: «В свете новейших документов несостоятельным оказывается десятилетиями утверждавшийся советской пропагандой и историографией тезис о том, что договор дал Советскому Союзу передышку, позволил оттянуть начало войны». Профессор, правда, признает, что есть «еще и в наши дни» историки, находящиеся в плену отсталых представлений: «Так, М.Ю. Мягков утверждает, что договор "на какое-то время обеспечивал СССР гарантией от войны с Германией и ее реальными и потенциальными союзниками"». Но приговор М.М. Наринского неумолим: «Не существует никаких свидетельств того, что германское руководство планировало войну против СССР осенью 1939 г. Нацистский рейх в тот момент не был готов к такой войне и всячески стремился ее избежать» [24].

Вот так, Сталин ради того, чтобы спасти страну от войны с Германией в 1939 г., пошел на подписание Пакта с «людоедами», дал возможность Гитлеру разгромить Польшу и Францию, а Третий рейх, оказывается, на СССР нападать и не собирался вовсе. Ну, ни глупец ли товарищ Сталин, а его еще пытаются представить великим правителей «земли русской»! И этот тезис либеральная пропаганда пытается раскрутить по максимуму. Однако перед нами опять типичная ложь и передергивание.

Гитлер действительно не хотел в 1939 г. войны с Советским Союзом. Она для него в тот момент была смерти подобна, но именно

поэтому он пошел на максимально возможные для него уступки Москве, чтобы подписать Договор о ненападении и тем самым войны избежать. Война в 1939 г. была бы катастрофой и для СССР, поэтому Сталин, в свою очередь, пошел на максимально возможные уступки (свобода рук Рейха в Польше и на Западе), чтобы подписать Договор о ненападении. Парадокс? Нет.

От того, что две страны не желали войны, не значит, что они не находились на ее грани. Одно другому не противоречит. Более того, можно смело утверждать, что шансов уклониться от войны и у СССР, и у Германии почти не было. Война между ними была необходима Британской империи, гегемона тогдашнего мира, по сценарию которого этот самый мир неумолимо катился в войну.

Как уже говорилось выше, уйти от польской войны Британия Рейху возможности не оставила. А дальше должна была начать работать система «снежного кома». Две армии, заряженные взаимной ненавистью (антикоммунизм в вермахте и антифашизм в РККА), оказываются друг перед другом. Причем немцы занимают территории, которые СССР считает своими (Западная Белоруссия и Западная Украина), и которые населены соотечественниками («русскими меньшинствами» Польши, по выражению Молотова). Поднеси спичку, и — взрыв. Если к этому прибавить, что «взрыв» был жизненно необходим Великобритании с Францией, у каждой из которых в Польше имелась широко разветвленная агентурная сеть, а у Британии еще и в вермахте, то избежать неконтролируемого начала боевых действий между советскими и немецкими войсками было бы почти невозможно.

Показательно, что даже в условиях наличия Договора о ненападении в сентябре 1939 г. встречи советских и немецких войск в районе линий разграничения несколько раз перерастали в боевые действия. Сейчас очень любят возмущаться так называемыми совместными парадами. Но ими надо не возмущаться, а восхищаться. Легко представить, что чувствовал комбриг Семен Кривошеин, еврей по национальности, когда совместно с махровым антисемитом генералом Гудерианом принимал парад выходящих из Бреста немецких войск и вступающих в него советских. Но он свой долг выполнил. Честь и хвала за это таким, как он, командирам Красной Армии!

Подчеркиваю, избежать начала несанкционированной свыше советско-германской войны было чрезвычайно трудно в условиях действующего Договора о ненападении. А что бы было при его отсутствии? Полный простор для британских профессиональных поджигателей войны с их многовековым опытом. Например, не составило бы большого труда организовать кровавые экзекуции против русского населения занятых территорий, на которые Москва не могла бы не ответить. И даже, если бы невероятными усилиями

высшего руководства в Польше война бы не вспыхнула «сама собой», то у Британии еще оставалась Прибалтика. Без Пакта, разграничившего сферы интересов Третьего рейха и СССР, после немецкого захвата Польши каждая из сторон просто обязана была бы ради собственной безопасности занять прибалтийские республики, т. е. на радость британцам столкнуться там друг с другом.

Заключив 23 августа 1939 г. Договор о ненападении, договор, которого с точки зрения английского здравого смысла не могло быть, потому что быть не могло («противоестественный», по определению Черчилля), Сталин и Гитлер разорвали запущенную Британией цепь событий. Пакт Молотова — Риббентропа предотвратил казавшуюся неминуемой советско-германскую войну и дал СССР полтора года мира, столь необходимых Советскому Союзу для подготовки к будущему противостоянию с Третьим рейхом, а Германии полтора года на ведение войны на Западе и на подготовку похода на Восток.

Смысл событий августа 1939 г. был понятен всем современникам. Его очень хорошо выразил писатель Всеволод Вишневский, оставивший в своем дневнике следующую запись: «Ныне мы берем инициативу, не отступаем, а наступаем. Дипломатия с Берлином ясна: они хотят нашего нейтралитета и потом расправы с СССР; мы хотим их увязания в войне и затем расправы с ними» [25]. И только современные либералы делают вид, будто бы не понимают, зачем Сталину понадобился Пакт с «людоедами».

КРАХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

После столь обширного вынужденного отступления вернемся к вопросу о том, кто именно — СССР или Третий рейх — максимально эффективно использовал Пакт Молотова — Риббентропа (в 1939 г. в равной мере выгодный и Москве, и Берлину) для подготовки к будущей войне?

Как известно, Гитлер, узнав о подписании Пакта, пришел в полный восторг. Некоторые даже утверждают, что он стучал кулаком в стену и кричал, что теперь весь мир у него в кармане. И надо признать, все основания для восторга у фюрера Третьего рейха были. Благодаря Пакту он смог вырваться из британской ловушки. Поставил под свой контроль континентальную Европу и из орудия британской политики (обреченного на уничтожение после выполнения отведенной ему Лондоном миссии) превратился в самостоятельного игрока.

Рейх набрал такую мощь, что смог в 1941 г. позволить себе поход против России, который в случае успеха (а в нем у немецкого руководства сомнений не было) открывал перспективу для сокрушения уже и Соединенных Штатов Америки. Воля Берлина, а не

Лондона начала определять ход мировых событий. Третий рейх становился реальным претендентом на мировую гегемонию.

На эту нацеленность немецкой политики указывал Валентин Фалин: «Сознание и психика Гитлера оказались запрограммированными на следующую войну — войну с Соединенными Штатами. Овладение ресурсами, по возможности не разрушенными, в центральных областях Российской Федерации и на Украине было альфой и омегой для торжества» [26].

Страшный разгром Красной армии в приграничном сражении, стремительное продвижение немецких войск на сотни километров вглубь советской территории летом 41-го, казалось бы, самым наглядным образом свидетельствовали о том, что война в результате Пакта Молотова — Риббентропа начала развиваться по германскому сценарию.

Однако триумф лета 41-го сменился поражением под Москвой, а затем и Сталинградом. После чего «вдруг» оказалось, что сценарий войны определяется уже волей не Берлина, а Москвы, правда, в сочетании и взаимодействии с волей Вашингтона. Конечно, хребет вермахту ломала Красная армия. Героизм и воинское мастерство ее солдат и командиров определяли исход сражений. Но именно Пакт Молотова — Риббентропа создал условия для краха блицкрига в 41-м и разгрома немцев и их союзников под Сталинградом. Как это не покажется кому-то странным.

ПАКТ И ПРОВАЛ БЛИЦКРИГА

Пакт предоставил Советскому Союзу возможность отодвинуть границу на Запад и время для подготовки к схватке с Третьим рейхом. Из того и другого Сталин смог «выжать» для страны все возможное и невозможное.

Либеральные «витии» от журналистики, науки и политики любят обличать Сталина за «отсталое» геополитическое мышление, за его попытки обеспечить безопасность страны за счет территориальных приобретений. Мол, все, что удалось приобрести по Пакту в 1940 г., уже летом 1941-го было утеряно в считанные недели. Казалось бы, возразить нечего. Но при одном условии, если не учитывать динамику немецкого продвижения.

Такое исследование начального периода войны сделал известный советский и российский военачальник, в прошлом начальник Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник В.С. Чечеватов. Результат красноречив: «СССР ... "перенес" границу на сотни километров на запад от Москвы, Киева, Минска, Ленинграда, что явилось одной из основных причин срыва плана "Барбаросса", рассчитанного на молниеносный первый удар. <...> До начала Смоленского сражения 10 июля 1941 года немецкие вой-

ска, наступая со средним темпом до 34 км в сутки, продвинулись в глубину СССР до 680 км, 10 сентября — к концу сражения — они углубились еще до 250 км темпом до 3,7 км в сутки, а оставшиеся до Москвы 250 километров войска вермахта преодолевали с огромными потерями со средним темпом уже до 2,9 км в сутки. **Если бы не вырванные у Гитлера 250—350 км пространства от старой границы СССР, Смоленское сражение по времени стало бы битвой за Москву со всеми вытекающими последствиями** *(выделено мною — И.Ш)*».

Отсюда вывод, который делает не «диванный стратег», а признанный и авторитетный военный специалист: «Гитлер еще до начала боевых действий против СССР проиграл И.В. Сталину две самые важные стратегические операции — битву за пространство и битву за время, чем и обрек себя на поражение уже в 1941 году».

Сразу возникает вопрос — а где именно Гитлер проиграл Сталину «битву за пространство и битву за время»? Полагаю, ответ очевиден — при подписании Пакта Молотова — Риббентропа. Признав, ради получения свободы рук в Польше и Западной Европе, постимперское пространство зоной интересов СССР, Гитлер тем самым обрек на провал блицкриг 1941 г. В оправдание ему можно сказать только то, что Гитлеру и в голову не могло прийти, что Сталин сумеет превратить «зоны интересов» в форпосты советского государства. Впрочем, недооценка противника, когда речь заходит о России, извечная беда германских политиков.

ПАКТ И СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Однако, даже потерпев поражение под Москвой, Третий рейх не смирился с неизбежным. При том, что и ведущие немецкие генералы, и сам Гитлер ранее неоднократно говорили — победить Советский Союз можно лишь одним ударом, блицкригом, и никак иначе. В 1942 г. немцы доказали, что и они способны на невозможное. Выйдя к Сталинграду и на Кавказ, они чуть было не переломили ход войны в свою пользу.

Причин поражений Красной Армии в 42-м было немало. Одна из них в том, что армия, победившая под Москвой, оказалась буквально на «голодном пайке», а страна на грани экономической катастрофы. Валовая продукция промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 года обрушилась в 2,1 раза. Так, например, в ноябре и декабре 1941 г. народное хозяйство СССР не получило ни одной тонны угля из Донецкого и Подмосковного угольных бассейнов.

Что позволило пережить этот экономический шок и к концу 42-го года оснастить и вооружить части и соединения, разбившие врага под Сталинградом? Вышла на полную мощь промышленность востока СССР, заработали эвакуированные туда предприя-

тия. Это всем хорошо известно. Менее известно то, какую роль во всем этом сыграл Пакт Молотова — Риббентропа.

Пакт, отсрочив войну с Германией, дал Советскому Союзу дополнительных полтора года мирной жизни. Именно в это время разворачивается масштабная программа создания второй промышленной базы на востоке СССР. Разрабатываются детальные планы эвакуации промышленных предприятий из западных районов на восток. В 1941 г. было эвакуировано более полутора тысяч крупных фабрик и заводов, часто буквально из-под носа наступающего врага. Но чтобы это все произошло — это нужно было подготовить. Чтобы заводы могли начать работать даже без крыши, кто-то заранее должен был определить место, в которое они попадут, и подвести к этому месту коммуникации (к вопросу о том, что Сталин собирался воевать малой кровью и на чужой территории).

Сама программа создания второй промышленной базы на востоке страны начала осуществляться до 1939 г. Это было одной из целей третьей пятилетки. Но полномасштабная работа по переводу народного хозяйства на военные рельсы, развитие восточной промышленной базы ударными темпами, подготовка планов эвакуации — все это произошло именно в те последние полтора года мирной передышки, которые обеспечил стране Пакт Молотова — Риббентропа.

Уже в четвертом, «особом», квартале 1939 г. был введен в действие мобилизационный план, предусматривавший перестройку деятельности промышленности, выделение более половины всех капиталовложений оборонным стройкам, в первую очередь, на востоке. Такие же чрезвычайные экономические меры продолжались и в 1940, и в 1941 гг. Была начата подготовка к размещению военных заказов на предприятиях всех отраслей. А мы сейчас удивляемся, как это удалось быстро наладить в 1941—1942 гг. выпуск военной продукции на фабриках детских игрушек или музыкальных инструментов.

Поэтому можно смело утверждать, что заключив со Сталиным Договор о ненападении, Гитлер дал Сталину не только возможность вернуть территории, погубившие блицкриг, но и время, необходимое для подготовки экономики страны к войне. Что и позволило Советскому Союзу выдержать удар 1942 г.

ПАКТ И АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ

О том, какую роль Пакт Молотова — Риббентропа сыграл в создании антигитлеровской коалиции, очень точно написал Михаил Демурин: «Сталин своим августовским 1939 года внешнеполитическим ходом не позволил англичанам и американцам направить мировую историю по собственному руслу. Он сумел превратить их из

силы, стоявшей за Гитлером, и без пяти минут не просто политических, коими они всегда оставались, но и военных противников СССР, в противников Германии и наших союзников. Союзников очень сложных, условных, таких, которых ещё пришлось удерживать от соблазна сепаратных сделок на этот раз с окружением Гитлера в 1944 — 1945 годах, но в сотрудничестве с которыми всё же удалось победить нацистов и обеспечить безопасность как западных, так и восточных рубежей нашей страны, создать на многие десятилетия действенную систему международной безопасности в виде ООН» [27].

Конечно, не сам Договор о ненападении превратил врагов Советского Союза (Британию и Америку) в союзников СССР, а обусловленное им коренное изменение баланса сил в мире. Изменение, ставшее возможным в результате того, что Сталин предоставил Гитлеру «свободу рук» в Польше и Западной Европе. Это звучит страшно неполиткорректно, но только разгром немцами Франции (нашего потенциального союзника, как нас уверяют) вынудил Лондон и Вашингтон стать союзниками Москвы, сделал возможным такой удивительный феномен, как антигитлеровская коалиция.

Предоставленные Пактом Молотова — Риббентропа возможности максимально эффективно использовал не только Сталин, но и Гитлер. Пакт позволил ему поставить под немецкий контроль всю континентальную Европу, создать возглавляемый Третьим рейхом Евросоюз. Причем это не было эфемерным объединением, держащемся исключительно на штыках и терроре нацистов, как нам опять-таки пытаются внушить. Все было гораздо серьезнее, а значит и опаснее.

Вот что пишет об этом явлении Андрей Фурсов: «"Я был последней надеждой Европы", — скажет Гитлер незадолго до смерти. На вопрос, надеждой какой Европы был Гитлер, ответ дает Джон Стейнберг: надеждой определенной части финансово-олигархической Европы, точнее, немецких Варбургов (банковское семейство с венецианскими корнями), кругов, которые представляли директор Банка Англии лорд Монтэгю Норманн и Ялмар Шахт. Оба стояли у истока Банка международных расчетов (1930), целью которого, как считает Кэролл Куигли, была мировая финансовая диктатура неофеодального стиля. Им-то и нужна была единая имперская Европа как поле деятельности. Отсюда — интерес к Гитлеру деятелей созданного в 1922-м Пан-Европейского союза. Стейнберг приводит следующую фразу Шахта, сказанную им в октябре 1932 года своим "коллегам" по союзу: "Через три месяца у власти будет Гитлер. Он создаст Пан-Европу: Только Гитлер может создать Пан-Европу"» [28].

В результате Пакта Молотова — Риббентропа такая Пан-Европа и стала создаваться под эгидой Третьего рейха. А это было спо-

собно изменить глобальную расстановку сил. Да, немецкий Евросоюз еще не был в состоянии самостоятельно сокрушить Британскую империю и тем более Соединенные Штаты Америки. Но и они уже не были в состоянии сокрушить Третий рейх.

В случае же победы Германии над Советским Союзом Рейх получил бы такую мощь, что поражение Британской империи становилось неизбежным, а исход схватки с Америкой трудно предсказуемым. При этом в Лондоне прекрасно понимали, что в случае поражения потерей только Империи им не отделаться, речь пойдет о выживании самой Великобритании.

Черчилль писал: «Половина строгости, заключенной в Версальском договоре, примененная к нам, повлекла бы за собой не только финансовый крах <...> , но и быстрое сокращение британского населения — на 10 млн. душ по крайней мере, остальные были бы приговорены оставаться в беспросветной нищете. Ставки этой чудовищной войны превосходили всякие человеческие представления, и для Британии и ее народа они означали в будущем неминуемое постепенное угасание» [29].

Это было написано о Первой мировой войне, но совершенно очевидно, что «ставки» во Второй мировой были ничуть не меньше. Как очевидно и то, что победившие немцы обошлись бы с побежденными англичанами ничуть не мягче, чем те с немцами в Версале.

Единственной силой, которая могла остановить Третий рейх, возглавивший континентальную Европу, оказался Советский Союз. Без союза с ним шансы Лондона и Вашингтона на победу были минимальны, если не сказать призрачны. Черчилль, действительно великий политик, сразу же после капитуляции Франции взял курс на сотрудничество с СССР в войне против Третьего рейха. Его полностью поддержал Рузвельт.

Двум странам, готовившим Вторую мировую войну ради победы друг над другом (чужими руками) и ради уничтожения коммунистической России, не осталось ничего другого, как пойти на союз с Советским Союзом для спасения самих себя от того, кого они пытались использовать для собственных целей — Лондон для сохранения британской гегемонии, Вашингтон — для ее обретения.

Результатом краха их сценариев Второй мировой войны и вынужденного союза с Россией в рамках антигитлеровской коалиции стало то, что Британская империя приказала долго жить, но зато уцелела Великобритания, Соединенные Штаты обрели положение гегемона Запада, но не смогли стать гегемоном мира. Мир оказался биполярным, а не однополярным, как они планировали. И все эти процессы «запустил» Пакт Молотова — Риббентропа.

Что дало создание антигитлеровской коалиции СССР? Во-первых, ленд-лиз и Второй фронт. У нас ныне есть две крайности: одни

твердят о том, что без помощи союзников по коалиции Советский Союз не смог бы победить, другие, что от союзников никакого прока не было. С либералами спорить уже надоело, поэтому ограничимся одними ура-патриотами. Неужели они согласны с либералами в том, что Сталин ничего не понимал в международной политике, экономике и военном деле, согласны с тем, что войну выиграли вопреки Верховному Главнокомандующему? А если не согласны, то пусть задумаются, почему Сталин с первых месяцев войны в переписке с Черчиллем и Рузвельтом постоянно вел речь о поставках в СССР необходимого военного снаряжения и промышленного оборудования? Почему он столько сил положил, добиваясь скорейшего открытия Второго фронта? Ему больше нечем заняться было? Глупо спорить, помощь союзников помогла, как минимум, на год приблизить Победу и спасла миллионы жизней советских людей.

Во-вторых, сотрудничество с союзниками по Антигитлеровской коалиции дало возможность Советскому Союзу совместно с Соединенными Штатами Америки (Лондон уже был на третьих ролях) выработать послевоенную систему мироустройства, получившую название Ялтинско-Потсдамская. Систему, максимально учитывающую интересы нашей страны. А без Пакта Молотова — Риббентропа всего этого быть не могло. Он проложил дорогу и к Ялте, и к Потсдаму, и в значительной мере предопределил расстановку сил на десятилетия вперед.

Показательно высказывание генерального секретаря НАТО Дж. Робертсона от 14 декабря 2002 года: «Пригласив в НАТО семь стран Центральной и Восточной Европы, альянс добился самой большой победы за полвека. Он перечеркнул пакт Риббентропа — Молотова и Ялтинские соглашения» [30]. Руководитель НАТО открыто признает прямую связь Пакта и Ялтинских соглашений и считает, что противникам России лишь в 2002 г., через 63 года после августа 1939-го, удалось их «перечеркнуть». Надеюсь, рано радуется.

***

Подведем итог. Пакт Молотова — Риббентропа в 1939 году не позволил Британии спровоцировать советско-германскую войну. Пакт дал возможность СССР в 1940 году вернуть утраченные после революции территории и тем самым увеличить глубину стратегической обороны на западном направлении. Это сыграло ключевую роль в провале блицкрига.

За полтора года мирной передышки, обеспеченных Пактом, Советский Союз успел подготовить экономику страны к переводу ее на военные рельсы, а также сделать мощный рывок в развитии второй промышленной базы страны на востоке, создать условия для быстрой и эффективной эвакуации промышленных предприя-

тий из европейской части государства. Все это позволило СССР выдержать удар 1942 года.

Пакт вынудил Британию и Соединенные Штаты Америки стать нашими союзниками, создал условия для возникновения антигитлеровской коалиции. Взаимодействие с союзниками как минимум на год приблизило Победу и спасло миллионы жизней советских людей.

Пакт проложил путь к Ялтинским и Потсдамским соглашениям, определившим послевоенное мироустройство.

Поэтому Пакт Молотова — Риббентропа по праву является Пактом Победы.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

1. Нарочницкая Н.А. Договор, изменивший ход войны. http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5210.htm.

2. Лавров С.В. Трагедия Второй мировой: кто виноват? http://www.rg.ru/2009/09/01/voyna.html.

3. Демурин М.В. Советско-германские документы августа-сентября 1939 года в контексте современной политики // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 337.

4. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т.1. М.: МГИМО-Университет, 2010. С.69.

5. Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России — ее настоящем, прошлом и будущем — контент-анализ и комментарий. М.: РОССПЭН, 2003. С.485.

6. Там же. С.502.

7. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил в войнах XVII — XX веков. М., 1994. С.234.

8. Яценюк заявил о «русской агрессии» против Германии во Вторую мировую https://www.ntv.ru/novosti/1285223/

9. www.regnum.ru/news/1431866.html.

10. Там же.

11. Там же.

12. https://hro.org/node/5077.

13. http://www.ekhoplanet.ru/statements_528_1630.

14. Эстония согласна простить Россию в обмен на Новосибирскую область. http://lenta.ru/world/2004/05/12/estonia/

15. https://topwar.ru/6273-besesku-poshel-v-ataku.html.

16. http://russian.estonia.usembassy.gov/index.html.

17. Вивьен Рединг. День памяти жертв тоталитаризма: общее прошлое и будущее. https://rus.delfi.lv/news/daily/europe/viven-

reding-den-pamyati-zhertv-totalitarizma-obschee-proshloe-i-buduschee.d?id=42613824.
18. http://politrussia.com/news/prezident-latvii-pakt-803/
19. https://echo.msk.ru/blog/aillar/1862570-echo/
20. http://www.regnum.ru/news/1439061.html.
21. http://www.regnum.ru/news/1439061.html.
22. http://www.regnum.ru/news/1439099.html.
23.rus.postimees.ee/3302737/rejnsalu-neobhodimo-uchredit-mezhgosudarstvennyj-sud-po-rassledovaniju-prestuplenij-kommunizma.
24. http://www.1tv.lv/litovskoje_vremia/pbk_obshestvo/2433-vernut-sobstvennost-litvakam-poobeshhalai.html.
25. А что Вы знаете о 23 августа 1939 года // Frankfurter Allgemeine Zeitung http://inosmi.ru/world/20150822/229783568.html#ixzz3jqKPq45O.
26. Мир в ожидании «Нюрнберга-2» https://inosmi.ru/politic/20170919/240324870.html.
27. Там же.

ГЛАВА II

1. Лавров С.В. Трагедия Второй мировой: кто виноват? http://www.rg.ru/2009/09/01/voyna.html.
2. Там же.
3. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с принятием Сеймом Польши резолюции относительно событий 17 сентября 1939 г. 1362-24-09-2009.
4. http://docs.cntd.ru/document/902247874.
5. Ковалев С. Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны. https://vz.ru/information/2009/6/4/294019.html.
6. Минобороны РФ объяснило материал о начале ВОВ на своем сайте. https://vz.ru/news/2009/6/5/294515.html.
7. http://www.izvestia.ru/news/353041.
8. В МИД РФ сравнили польских вандалов с ближневосточными террористами. https://rg.ru/2015/12/10/zaharova-site-anons.html.
9. Лавров С.В. О дне Победы. https://interaffairs.ru/news/show/22686.
10. Там же.
11. Гумилев Л.Н., Панченко А.М. Чтобы свеча не погасла. gumilevica.kulichki.net/TNEC/tnec03.htm.
12. Достоевский Ф.М. Полное собр. сочинений. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С.139.

13. http://ipolk.ru/blog/news/16147.html.

14. https://click-or-die.ru/2019/05/artemij-lebedev-kazhdyj-god-pisal-o-kulte-dnya-pobedy-no-perestal-vsyo-iz-za-veteranov/

15. В провалах модернизации виноват народ. http://www.ng.ru/economics/2010-09-16/1_modernize.html.

16. Интервью Владислава Суркова главному редактору «Однако» Михаилу Леонтьеву. http://www.odnako.org/blogs/show_417/

17. Там же.

18. Игорь Чубайс: Войну с Гитлером выиграли 53 государства, а не СССР, которого нет уже почти 30 лет. http://realtribune.ru/news/authority/2250.

19. Возможен ли трибунал по преступлениям коммунистических режимов? https://www.golos-ameriki.ru/a/2930576.html.

20. https://vz.ru/news/2013/5/16/632826.html.

21. https://yablor.ru/blogs/mariya-zaharova-stalin-huje-gitlera/5793423.

22. https://www.vesti.ru/doc.html?id=3133953.

23. Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы "Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении". https://rg.ru/2011/04/07/totalitarizm-site.html.

24. Там же.

25. Модест Колеров: Предвыборная "десталинизация" — невежество, инквизиция и гражданская война https://regnum.ru/news/1395093.html.

26. Леонид Гозман: Есть ли у евреев долг благодарности по отношению к сталинскому СССР? https://snob.ru/entry/171661/.

27. Как Сталин евреев спас. http://www.ng.ru/ng_politics/2010-02-02/9_stalin.html.

28. Владимир Путин: Страницы истории — повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства? https://inosmi.ru/russia/20090831/252071.html.

29. Там же.

30. Лавров С.В. Трагедия Второй мировой: кто виноват? http://www.rg.ru/2009/09/01/voyna.html.

31. https://rg.ru/2005/05/05/bush-pribaltika.html.

32. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т.1. М.: МГИМО-Университет, 2010. С.68.

33. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/D7D6DDC5B3F85E174425794C003F0A48.

34. http://kremlin.ru/events/president/news/46951.

35. Выступление Путина перед историками обеспокоило западные СМИ. https://www.vedomosti.ru/politics/

articles/2014/11/07/vystuplenie-putina-pered-istorikami-napugalo-zapadnye-smi.

36. Путин напугал Запад своими заявлениями о пакте Молотова-Риббентропа. https://www.mk.ru/politics/2014/11/07/putin-napugal-zapad-svoimi-zayavleniyami-o-pakte-molotovaribbentropa.html.

37. https://www.kommersant.ru/doc/2712788.

38. Сергей Иванов: Заключив пакт с Гитлером, Сталин выиграл время для победы. https://ria.ru/20190708/1556214553.html.

39. Там же.

40. Московские салюты напоминают Прибалтике о поражении во Второй мировой. https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/15072019-moskovskie-salyuty-napominayut-pribaltike-o-porazhenii-vo-vtoroy-mirovoy/.

41. Мы всегда правы: гибридный подход к истории. https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2015/05/12/mi-vsegda-pravi-gibridnii-podhod-k-istorii.

42. Смирнов В.П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков// Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С.11.

43. Ржешевский О.А. Международное положение и основные векторы советской внешней политики накануне Великой Отечественной войны //65 лет Великой Победы: в 6 т. Т.2. М.: МГИМО-Университет, 2010. С.56.

ГЛАВА III

1. Александр Буриан. Молдавская государственность и 1940 год в судьбах молдавского народа: международно-правовая основа. http://ava.md/projects/08885-moldavskaya-gosudarstvennost-i-1940-god-v-sud-bah-moldavskogo-naroda-mezhdunarodno-pravovaya-ocenka.html.

2. Там же.

3. Пронин А.А. Советско-германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия // Международный исторический журнал, №№ 10-12, 2000. http://militera.lib.ru/research/pronin/index.html.

4. Цит. по: Обичкина Е.О. Французская дипломатия 1938—1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т.1.М.: МГИМО-Университет, 2010. С.172.

5. Смирнов В.П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских истори-

ков// Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 23.

6. Нарочницкая Н.А. «Концерт великих держав» накануне решающих событий // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С.11.

7. Обичкина Е.О. Указ. соч. С.165.

8. Случ С.З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С.346.

9. Рассекреченный Архивом внешней разведки РФ документ цит. по: Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С.21.

10. Смирнов В.П. Указ. соч. С.37.

11. Лебедева Н.С. Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР // Международный кризис... С.409.

12. Фелдманис И. Оккупация Латвии — исторические и международно-правовые аспекты. http://www.am.gov.lv/ru/latvia/history/history-juridical-aspects.

13. Известия. 1989. 27 дек. С.2.

14. Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. В 2-х кн. Кн.1. Январь-ноябрь 1940. М.: Междунар. отношения, 1995. С.702-705.

15. http://lenta.ru/news/2009/12/22/agreement/

16. Деликатный подход: соглашение Лаврова и Керри по Сирии. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/delikatnyy-podkhod-soglashenie-lavrova-i-kerri-po-sirii/

17. Дембский С. Мюнхенское соглашение и Пакт Риббентропа — Молотова через семьдесят лет: проблемы, интерпретации, влияние // Международный кризис... С.55.

18. Дембский С. Указ. соч. С.78.

19. Цит. по: http://niiss.ru/misc_aug94.shtml.

20. http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/guamskaya-doktrina.php.

21. http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/doktrina-kartera.php.

22. Макарчук В.С. Государственно-правовой статус западноукраинских земель в период Второй мировой войны: историко-правовое исследование: пер. с укр. / Фонд «Историческая память». М., 2010. С.157.

23. http://www.grinchevskiy.ru/19/doktrina-otkrytyh-dverey.php.

24. http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/popravka-lodga.php.

25. Макарчук В.С. События сентября 1939 года в свете доктрины интертемполярного права и права на «самопомощь» // Партитура Второй мировой.... С.230-231.

26. Пронин А.А. Указ. соч.

27. Дембский С. Указ. соч. С.65.

28. Документы внешней политики СССР. 1939. Т. 22. В 2-х кн. Кн.1. Январь-август. М.: Междунар. отношения. 1992. С. 632.

29. Макарчук В.С. События ... С.152.

30. Случ С.З. Указ.соч. С.347.

31. Макарчук В.С. Государственно-правовой статус ... С.161.

32. Дембский С. Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и проблема причин начала Второй мировой войны // 65 лет Великой Победы. Т.1. М.: МГИМО-Университет, 2010. С.235.

33. Случ С.З. Указ. соч. С.346-347.

34. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. М.: Вече, 2001. С.397.

35. Документы внешней политики СССР. 1939. Т. 22. В 2-х кн. Кн.2. Сентябрь-декабрь. М.: Междунар. отношения. 1992. С.657.

36. Милевский Я. Включение «Западной Белоруссии» в СССР (1939—1941): новая точка зрения // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939—1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С.64.

37. Документы внешней политики СССР. 1939. Т. 22. В 2-х кн. Кн.2. Сентябрь-декабрь. М.: Междунар. отношения. 1992. С.91.

ГЛАВА IV

1. Известия. 1989. 27 дек. С.2.

2. Дембский С. Мюнхенское соглашение и Пакт Риббентропа — Молотова через семьдесят лет: проблемы, интерпретации влияние // Международный кризис... С.56.

3. Фелдманис И. Исторические и международно-правовые аспекты... http://www.am.gov.lv/ru/latvia/history/history-juridical-aspects.

4. Декларация о независимости Республики Молдова. http://www.presedinte.md/rus/declaration.

5. Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 353.

6. Степанюк В. Государственность молдавского народа: Исторические, правовые и политические аспекты. Кишинев. 2006. С. 434.

7. http://www.qwas.ru/moldova/pcrm/MID-Rumynii-osparivaet-poziciju-Prezidenta-Rumynii-v-voprose-o-Dogovore-o-moldo-rumynskoi-granice/.

8. Цит. по: Бабилунга Н.В. Реальный референдум 1940 года в Бессарабии и политика властей современной Молдовы // Натиск

на Восток: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время: Сб. статей, документов и воспоминаний. Бендеры 2011. С. 209-210.

9. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М.: Индрик, 1996. С. 320.

10. Макарчук В., Рудый Н. Восточные границы Румынии (1918—1940 гг.): аспекты международного права. www.regnum.ru/news/1516594.html.

11. Бессарабия на перекрестке ... С. 247-248.

12. Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. В 2-х кн. Кн.1. январь-ноябрь 1940. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 392.

13. Там же.

14. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., РОССПЭН, 2001. С. 47.

15. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне против СССР: Документы и материалы. М., 1995. С. 214-215.

16. Документы внешней политики СССР. 1940 —22 июня 1941. т. 23. В 2-х кн. Кн.1. январь-ноябрь 1940. С. 378.

17. Там же. С. 396.

18. Там же. С. 396-397.

19. Назария С. Присоединение Бессарабии к СССР в 1940 г. Общее и особенное в сравнении с аналогичными событиями в Западной Украине, Западной Белоруссии и в Прибалтийских странах. http://ava.md/projects/moldova-history/09541-prisoedinenie-bessarabii-k-sssr-v-1940-godu-obshee-i-osobennoe-etogo-sobitiya-v-sravnenii-s-analogichnimi-yavleniyami-v-zapadnoi-ukraine-zapadnoi-belorussii-i-pribaltiiskimi-strana.html.

20.http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6778&CENTER_ELEMENT_ID=147438&PORTAL_ID=7174.

21. Буриан А. Указ. соч.

22. Мирный договор с Румынией. М.: ОГИЗ, 1947. С. 5.

23. Цит. по: Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 355.

24. http://www.newsru.ru/russia/23may2005/otmertvogoslaushi.html.

25. http://lenta.ru/news/2005/05/21/pardon/.

26. http://www.regnum.ru/news/460686.html.

27. http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/36198/.

28. Черниченко С.В. О «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения. http://www.mid.ru/ns-pobeda.nsf/b33502cdd8144475c3256eda0037e5fc/a9693d8763f70b92c3256f00001e65f2?OpenDocument.

29. Там же.

30. Симонян Р.Х. Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовые аспекты // Государство и право. 2011. №11.

31. Мялксоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940—1991 гг. и после 1991 г.: исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту. Изд-во Тартуского ун-та, 2005. С. 122-127.

32. Симонян Р.Х. Указ. соч.

33. Фалин В.М. К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 48.

34. Макарчук В.С. Государственно-правовой статус западноукраинских земель в период Второй мировой войны: историко-правовое исследование: Пер. с укр. / Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 172.

35. Там же.

36. Фелдманис И. Указ. соч.

37. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М.: Высшая школа, 1992.

38. www.regnum.ru/news/1448134.html.

39. Там же.

40. Мялксоо Л. Указ. соч. С. 123.

41. Там же. С. 130.

42. Лебер Д.А. Юридические последствия пакта «Молотова-Риббентропа» для балтийских государств. http://www.hot.ee/r/russconference/.

43. Черниченко С.В. Указ. соч.

44. Там же.

45. Макарчук В.С. Указ. соч. С. 175.

46. Лебер Д. Указ.соч.

47. Подробнее см. Демурин М.В. Советско-германские документы августа — сентября 1939 года в контексте современной политики // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 342.

48. Черниченко С.В. Указ. соч.

49. Воробьева Л.М. История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн.2. М., 2010. С. 91.

50. Черниченко С.В. Указ. соч.

51. Комментарий Департамента печати и информации МИД России в связи с высказываниями ряда европейских политиков относительно «оккупации» стран Балтии Советским Союзом и необходимости осуждения этого со стороны России. 913-04-05-2005.

52. Там же.

53. Лебедева Н.С. Указ. соч. С. 426.

54. Там же.
55. Макарчук В.С. Указ. соч.
56. Там же.
57. Макарчук В.С. Указ. соч. С. 108.
58. http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/chetirnadcat-punktov.php.
59. Документы внешней политики СССР. 1939. Т. 22. В 2-х кн. Кн.2. сентябрь-декабрь. М.: Междунар. отношения. 1992. С. 114.
60. Макарчук В.С. Указ. соч. С. 230.
61. Черниченко В.С. Является ли Россия правопродолжателем или правопреемником СССР? http://sd.net.ua/2005/01/06/javljaetsja_li_rossija_prodolzhatelem_ili_pravopreemnikom_sssr.html.
62. Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. В 2-х кн. Кн.1. январь-ноябрь 1940. М.: Междунар. отношения. 1995. С. 385.
63. Цит. по Кулагина И.А. Правосубъектность Российской Федерации в контексте международного права: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2007.

ГЛАВА V

1. Пакт Молотова — Риббентропа. Историческая справка. http://ria.ru/politics/20090823/181846299.html.
2. Там же.
3. Торкунов А.В. Предвоенные уроки нашему времени // 65 лет Великой Победы. В 6 т.Т.1. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 38.
4. https://www.interfax.ru/russia/98057.
5. Цит. по: Гот Г. Танковые операции. М.: Воениздат, 1961. С. 42.
6. Гот Г. Танковые операции. М.: Воениздат, 1961. С. 43.
7. Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу речи о Пушкине. https://lit.wikireading.ru/20703.
8. Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_voyna_1914.html#008.
9. Шафаревич И.Р. Русофобия. https://history.wikireading.ru/61467.
10. Франк С.Л. De profundis // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 294.
11. Шафаревич И.Р. Сочинения. М., 1994. Т. 2.
12. http://regnum.ru/news/polit/1954971.html.
13. Пыхалов И. Великая Оболганная война. М.: Яуза, Эксмо, 2005.

14. Левинсон А. Три мировые войны. https://www.levada.ru
15. Кожинов В.В. Россия. Век XX (1939—1964). Москва, 1999.
16. http://www.izvestia.ru/politic/article3133320/index.html.
17. https://inosmi.ru/world/20080923/244168.html.
18. Наумов А. Пакт Молотова-Риббентропа: взгляд спустя 70 лет. http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0321.html.
19. Кожинов В.В. Указ. соч.
20. Лавров С.В. Трагедия Второй мировой: кто виноват? http://www.rg.ru/2009/09/01/voyna.html.
21. Великая Отечественная война — закончилась ли битва? http://rusrand.ru/docconf/velikaya-otechestvennaya-voyna--zakonchilas-li-bitva.
22. http://doc20vek.ru/node/1397.
23. https://inosmi.ru/russia/20090907/252312.html.
24. https://regnum.ru/news/polit/2148349.html.
25. Цит. по: Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Ч.1. М., 1945. С. 19-20.
26. http://teleskop-by.org/2018/09/17/lev-krishtapovich-istoricheskoe-znachenie-17-sentyabrya-1939-goda/
27. https://kprf.ru/pravda/issues/2017/93/article-59230/
28. http://istmat.info/node/38380.
29. Квицинский Ю.А. Россия — Германия. Воспоминание о будущем. М., 2008. С. 97.

ГЛАВА VI

1. Млечин Л.М. Умиротворение зверя. https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/08/30/60937-umirotvorenie-zverya.
2. Колесников А. Свободный коридор для фашистов. https://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/6682361.shtml.
3. https://echo.msk.ru/programs/victory/850699-echo/
4. https://www.kommersant.ru/doc/2712788.
5. Чубарьян А.О. Советская внешняя политика (1 сентября — конец октября 1939 года) // Война и политика: 1939—1941. М., 2001. С. 19.
6. Наринский М. М. Происхождение Второй мировой войны // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 161.
7. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М., 1973. С. 8.
8. Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. Т. 1. М., 2005. С. 12-13.

9. Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали? https://www.pravmir.ru/pakt-molotova-ribbentropa-proval-anglijskoj-strategii/

10. https://www.oldgazette.ru/lib/stalin2/index.html.

11. https://public.wikireading.ru/85415.

12. Фурсов А.И. Третий Рим и Третий рейх https://www.docme.ru/doc/71810/andrej-fursov---tretij-rim-i-tretij-rejh.

13. Нарочницкая Н.А. «Концерт великих держав» накануне решающих событий. https://history.wikireading.ru/32890.

14. Цит. по: Информационное сообщение о Черчилле // Личная секретная служба И.В. Сталина. Сб. документов. М., 2004. С. 125.

15. Цит.по: F.W.Deakin.The Brutal Friendship: Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. Harmondsworth, 1966. P. 23.

16. http://militera.lib.ru/h/liddel-hart/01.html.

17. https://histdoc.net/history/ru/molotov310839.html.

18. Наринский М.М. Указ. соч. С.161.

19. https://rg.ru/2009/09/01/pakt.html.

20. https://www.kommersant.ru/doc/2712788.

21. https://military.wikireading.ru/6002.

22. Дембский С. Происхождение Второй мировой войны// Белые пятна — черные пятна... С.199.

23. https://history.wikireading.ru/242161.

24. Наринский М.М. Указ. соч.

25. https://history.wikireading.ru/29660.

26. https://regnum.ru/news/1439594.html.

27. Демурин М.В. Однобокая правда https://lgz.ru/article/-33-6521-26-08-2015/odnobokaya-pravda/

28. Фурсов А.И. Указ. соч.

29. http://thelib.ru/books/cherchill_uinston_spenser/mirovoy_krizis-read-20.html.

30. https://ria.ru/20021214/281797.html.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЕСЕДУЮТ ЖУРНАЛИСТ АНДРЕЙ ФЕФЕЛОВ И ПОЛИТОЛОГ ИГОРЬ ШИШКИН

Андрей ФЕФЕЛОВ. Игорь Сергеевич, приближается 80-летие пакта Молотова — Риббентропа, и эта тема сейчас приобретает особую актуальность.

Игорь ШИШКИН. Да, этот договор до сих пор — в активной политике. Лимитрофы типа Польши и государств Прибалтики его панически боятся: чуть что — начинают кричать, что «вот-вот снова будет заключён пакт Молотова — Риббентропа!»

Сама дата, 23 августа, стала днём, когда внутренние и внешние враги России слетаются на очередной шабаш. Евросоюз в этот день отмечает День памяти жертв сталинизма и нацизма, Канада — День чёрной ленты. А у нас «пятая колонна» в этот день просто в истерике заходится и всё требует, чтобы мы за этот пакт покаялись и дали обещание человечеству, что никогда ни под каким видом ничего подобного не повторится.

Причём продолжается это почти 30 лет, с конца 80-х годов, когда это всё затеял недоброй памяти Александр Яковлев на съезде народных депутатов. Наши власти каялись, проклинали своё прошлое.

Но в последние годы начались изменения: Путин при встрече с Меркель в год 70-летия Победы сказал, что этот пакт с точки зрения безопасности Советского Союза был, в общем-то, полезным договором.

Какая истерика тогда началась! Причём не только какие-то системные оппозиционеры бились в ней, но и некоторые члены правительства и руководители научных учреждений.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Например, Мироненко, директор Государственного архива РФ...

Игорь ШИШКИН. Да, он сразу же дал интервью, в котором объявил, что пакт был не просто в том или ином отношении плох, а это был преступный документ. Вот цитата: «Пакт Молотова — Риббентропа — это стратегическая ошибка, если не сказать преступление советского руководства и лично товарища Сталина».

Пактом этим так запугали, что у нас некоторые теперь и самого слова «пакт» боятся. В комментариях к статьям, посвящённым пакту, очень часто попадается: «Да прекратите вы называть прекрас-

ный договор о ненападении между СССР и Германией этим гнусным словом "пакт"!»

Хотя на самом деле пакт — нормальный термин международного права, так называются особо важные международные договоры.

И лучше бы вспомнить, что в числе тех, кто заключил «ужаснейший» пакт о ненападении с Германией раньше нас, были и Польша, и Франция, и многие другие европейские страны.

Но, ограничиваясь только этим доводом, мы как бы говорим всем: не я один сволочь, все остальные — тоже. Это не срабатывает, это всё равно, что признавать свою преступность.

Ещё один довод: СССР был вынужден подписать договор о ненападении, деваться ему некуда было, ведь англичане и французы отказались же с нами тогда вступить в соглашение.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Они Мюнхенский договор заключили.

Игорь ШИШКИН. Да, совершенно верно. Но это опять признание своей преступности. Поясню... Например, Румыния постоянно говорит о том, что она вынужденно принимала участие в походе против Советского Союза вместе с гитлеровской Германией. То есть она теперь за это не отвечает? Точно так же и в Словакии говорят, что они против своей воли пошли воевать против нас. Венгры и финны тоже пошли вынужденно и так далее.

Извините, но это тоже не срабатывает. Надо сказать прямо: прекратите очернять этот договор, он абсолютно безупречен в правовом и моральном плане! Тридцать лет уже его поливают грязью, но при этом не нашли ни одной нормы международного права, которую бы этот "преступный" документ нарушил.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Тогда, может быть, это тайная часть, секретный протокол?

Игорь ШИШКИН. Этим секретным протоколом, как и словом «пакт», разве что только детей не пугают. Но ведь вся история дипломатии — это секретные соглашения.

Я напомню последний случай, который стал достоянием гласности. На закате президентства Обамы в Россию приезжал госсекретарь Керри, и они с Лавровым заключили договор по Сирии. И тогда даже не скрывалось, что по настоянию американской стороны большая часть договора была засекречена. Кто-нибудь после этого схватился за сердце, закричал о попрании всех норм международного права? Секретное соглашение к договору — это норма.

Напомню, что 23 августа 1939 года мы заключили договор о ненападении с секретным приложением, а буквально через два дня

Великобритания заключила договор с Польшей, у которого тоже было секретное приложение. Секретность — норма дипломатии.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Но нам говорят ещё, что этот договор разделил Европу и что по этому договору Гитлер отдал Сталину Прибалтику, Восточную Польшу, Румынию, Финляндию.

Игорь ШИШКИН. Звучит жутко, да, но только у меня сразу возникает вопрос... Вот вы можете отдать мне половину Центрального банка России?

Андрей ФЕФЕЛОВ. Нет.

Игорь ШИШКИН. Правильно. И я не смогу вам отдать половину банка. А у Гитлера, что, была Финляндия, была Прибалтика, была Восточная Польша?! Как можно отдать то, что тебе не принадлежит?!

О чём на самом деле идёт речь в этом договоре? О разграничении сфер интересов. И ни в одной норме международного права нет запрета на раздел сфер интересов. Более того, если бы таковой был, то он налагал бы на великие державы обязательства грызться между собой на территории третьих стран.

Конечно, мелкие страны привыкли ловить рыбку в мутной воде; и все эти латвии, литвы, эстонии, польши хорошо на противостоянии великих держав научились наживаться. Для них этот договор, конечно, ужасен: как это так, великие державы согласились и решили на их территории больше не сражаться между собой? Но нет ни одной нормы международного права, которая обязывает великие державы собачиться меж собой!

Поэтому Германия имела полное право сказать: «Я не буду вмешиваться в ваши дела на постимперском пространстве». Имела она право? Имела. Она обязана была вмешиваться? Нет.

Короче говоря, суть договора с его секретной частью заключалась главным образом в том, что Советский Союз обязывался соблюдать нейтралитет и не нападать на Германию, независимо от того, в каких отношениях она окажется с третьими сторонами. А Германия обязывалась не вмешиваться в дела СССР на постимперском пространстве. Всё! Ничего другого этот договор не содержал! И ни одной нормы международного права он не нарушает.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Ещё говорят, что он якобы противоречил нашему договору о взаимопомощи с Францией и Польшей?

Игорь ШИШКИН. С Польшей не о взаимопомощи, а о ненападении, а договор с Францией, приказал, как говорится, долго жить

после Мюнхена. После того, как Франция отказалась выполнить свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии, а Польша поучаствовала в ее разделе, все эти договоры обесценились.

Было даже специальное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) после Мюнхена, на котором решался вопрос, расторгать официально договор с Францией или нет. Потом решили лишний скандал не устраивать, а просто иметь в виду, что этот договор не действует.

А когда Польша по Мюнхенскому сговору собиралась «оттяпать» у Чехословакии Тешинскую область, Советский Союз официально известил власти Польши, что если они это сделают, то мы не будем считать себя более связанными договором о ненападении.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Но по-прежнему напирают на моральную сторону: Гитлер — абсолютное зло, и этот договор мы заключили со злом.

Игорь ШИШКИН. До 22 июня 1941 года Гитлер мог быть для нас каким угодно злодеем, но он был главой великой державы, с которой можно и нужно было выстраивать отношения. Тем более что на момент подписания договора никаких международных преступлений совершено Гитлером не было. Аншлюс Австрии был признан и Англией, и Францией, и США, раздел Чехословакии — тоже.

Давайте сравним: президент США Буш-младший устроил агрессию против Ирака, в результате которой погибло около миллиона мирных жителей. Так что же, все те, кто подписывал какие-то соглашения с Бушем-младшим, — нравственные уроды и преступники?

Да, в Германии угнетали евреев, была Хрустальная ночь. Это правда. Но разве в США негры не были официально поражены в правах? Ку-клукс-клан не действовал, негров не убивали, не линчевали? Линчевали. Были скамейки «только для белых», таблички «чёрным и собакам не входить». Официально были? Официально.

Кто-нибудь ставит в вину Сталину то, что он всю войну был союзником Рузвельта — президента расистского государства США?

А на вопрос, почему мы заключили пакт с Германией, очень хорошо ответил сам Сталин в официальной речи: «Могут спросить, как могло случиться, что советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны советского правительства ошибка? Конечно, нет. Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю,

что ни одно миролюбивое государство не может отказаться... Независимо от того, что во главе этой державы стоят такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп». Исчерпывающий ответ!

Андрей ФЕФЕЛОВ. Но антисталинисты упирают на то, что Сталин-де не соблюл интересов Советского Союза, что Гитлер обманул Сталина, заключив этот пакт, а потом нарушил его. А Иосиф Виссарионович, мол, наивный человек, поверил такому договору о дружбе, и в итоге первые месяцы войны прошли столь катастрофично для СССР.

Игорь ШИШКИН. Да, у нас много было россказней о том, как мы «содержали» Третий рейх и помогали ему готовиться к агрессии... Тот же Мироненко об этом постоянно повествует. Рассказывают, что 22 июня, когда начиналась война, в Германию продолжали идти поезда с пшеницей и прочее. Только забывают сказать, что оттуда в СССР тоже кое-что шло. То, что сыграло немалую роль в грядущей Победе.

Вот цифры: сразу после заключения договора мы за один год получили из Германии 6430 самых современных на то время металлорежущих станков. Для сравнения: за весь 1938 год, предшествующий этому договору, из всех стран мира мы смогли импортировать только три с половиной тысячи станков!

А Германия по договору согласилась поставлять нам эти совершенные станки и оборудование! Те самые, с помощью которых был побит потом Третий рейх.

Экспорт СССР в Германию в апреле-июне 1941 года составил около 130 миллионов марок, за этот же период они нам поставили продукции на 151 миллион марок. Станки и технологии, которые мы получили, работали все годы войны.

Гитлер был уверен, что Советский Союз — колосс на глиняных ногах. Поэтому, когда мы потребовали, чтобы в соответствии с пактом нам продавали новейшие самолёты, танки, зенитные пушки и так далее, он сказал своим: «Продавайте. Они не успеют с ними ничего сделать». А наши инженеры технику их успели изучить, в том числе в отношении её уязвимости.

Есть и ещё обвинение. Те, кто признаёт, что не было в рассматриваемом нами пакте никаких нарушений международного права, всё равно упорствуют в том, что именно он развязал Вторую мировую войну.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Эта идеологическая конструкция очень выгодна тем, кто хочет повесить ответственность за войну именно на Сталина!

Игорь ШИШКИН. Некий Борис Соколов недавно в очередной раз заявил: «Мне представляется, что если бы не было пакта о ненападении между СССР и Германией, не было бы Второй мировой войны». А ещё доктор наук, к тому же исторических!.. Услышишь такое, и сразу приходит в голову: как же все эти люди уверены во всемогуществе товарища Сталина! Они, видимо, искренне верят, что если бы он отказался ставить подпись, не было бы Второй мировой войны! Гитлер, узнав об этом, схватился бы за голову и вынужден был бы распустить вермахт, не говоря уже о «белокурых бестиях», которым, вместо того чтобы маршировать по Парижу и гибнуть под Сталинградом, лучше было бы отправиться сразу в баварские пивные и там тихо спиваться.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Как сейчас это и происходит.

Игорь ШИШКИН. Да. А самураи в Японии, узнав об этом, в ужасе сломали бы мечи и пошли возделывать рис. И всё это на полном серьёзе нам преподносится.

Андрей ФЕФЕЛОВ. И объяснить это никто из них не может.

Игорь ШИШКИН. Главное, возникает вопрос: почему с таким остервенением льют ложь на этот пакт? А по той простой причине, что этот пакт действительно не был безобидным документом. Он нанёс колоссальный удар по стратегическим планам всех врагов Советского Союза!

И вот этого они забыть до сих пор не могут. От слов «пакт Молотова — Риббентропа» у них действительно мурашки по телу бегут. Они панически боятся, что Россия когда-нибудь сможет этот опыт использовать и нанести по ним ещё раз такой же сокрушительный удар. Для упреждения этого они и поливают его грязью.

И не только для жалких лимитрофов этот пакт — символ всего наихудшего, но и для ведущих западных держав. Они проклинают его, потому что люто ненавидят. И когда Буш-младший говорил, что США гарантируют всему миру, что больше никогда не будет ничего подобного пакту Молотова — Риббентропа и Ялтинским соглашениям, он знал, о чем говорил. Тем более что Ялтинские соглашения — прямое следствие этого договора. Можно много говорить и о том, что дал пакт Советскому Союзу...

Андрей ФЕФЕЛОВ. Некоторые аспекты надо обозначить обязательно.

Игорь ШИШКИН. Благодаря пакту Молотова — Риббентропа Советский Союз вернул стратегически важные территории, утра-

ченные в результате распада Российской империи: Прибалтику, Западную Белоруссию, Западную Украину. Тем самым завершился многовековой процесс собирания русских земель.

Последняя территория, вошедшая в состав России — древний русский город Львов, русская Галиция. В результате пакта Молотова — Риббентропа процесс, начатый Иваном Калитой, был завершён товарищем Сталиным!

А сейчас посмотрите, как Запад реагирует на возвращение Крыма в Россию! Мир оказался на грани войны, а ведь один только Крым мы вернули. А тогда, на рубеже 30-х—40-х вернули какую огромную территорию! Естественно, что они от одного этого воспоминания в обморок по сей день падают.

Далее... Территория — это ещё и время. Это предопределило уже чисто с военной точки зрения, что Гитлеру не хватило буквально чуть-чуть...

Андрей ФЕФЕЛОВ. Это военно-стратегическая глубина.

Игорь ШИШКИН. Да, иначе бы они наступали на Ленинград от границ Прибалтики, а это всего лишь сотня километров... Сказки про то, что Прибалтика осталась бы независимой, — это всего лишь сказки. Например, в воспоминаниях Германа Гота, танки которого рвались к Москве, есть очень интересный момент. Когда разрабатывался план нападения на Советский Союз, главный удар на Москву планировалось нанести не через Минск, а кратчайшим путем через Ригу. Но благодаря пакту Прибалтика оказалась нашей. И присоединили мы её с юридической точки зрения безупречно.

Если бы немцы нанесли удары по Ленинграду и Москве из Прибалтики — выдержать нам было бы намного сложнее. А далее следовал бы удар по мурманскому направлению, и перерезалась бы одна из важнейших артерий. Не зря Гитлер столько усилий приложил для захвата Мурманска.

Но было и более важное стратегическое значение. Как писала об этом Наталья Нарочницкая: «Советско-германский договор 1939 года изменил очерёдность и расписание планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Главное, договор 1939 года, поменяв «всего лишь» расписание войны, поменял и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов вхождение в Восточную Европу ни в начале войны, ни после Победы. А, следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР».

Андрей ФЕФЕЛОВ. Пакт «вырубил» Францию?

Игорь ШИШКИН. Франция в то время была мелочь. Он «вырубил» Великобританию. Хотя считается, что добил Британскую империю Рузвельт, "брат" по англосаксонскому миру.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Именно США прибрали к рукам британское наследство...

Игорь ШИШКИН. Да, совершенно верно. Были соглашения типа «вам нужны эсминцы, у нас есть они, но вы взамен нам отдайте свои стратегические объекты по всему миру»... И деваться британцам было некуда. Но чтобы это произошло, до этого должен был состояться пакт Молотова — Риббентропа, который нанёс смертельный удар Британской империи.

А вот теперь давайте разберёмся, почему это так. У нас есть стандартная версия, что за Вторую мировую войну отвечает Германия (Третий рейх и лично Адольф Гитлер). Всё верно. Снимать тут ответственность никто не собирается. Но только ли Адольф Гитлер и Германия были заинтересованы в начале Второй мировой войны? И был ли, кстати, Гитлер заинтересован в том, чтобы именно в 1939 году она началась? Даже с формальной-то точки зрения 1 сентября 1939 года что произошло? Нападение Германии на Польшу. Это что, мировая война? Нет, это двусторонний конфликт.

А вот 3 сентября, когда Великобритания объявила войну Третьему рейху, война стала общеевропейской, и в таковую её превратила именно Британия.

А теперь давайте вспомним, как и почему это случилось. У нас везде пишут о том, что Британия перед войной проводила так называемую политику умиротворения. И объясняют это тем, что англичане боялись войны. Да, они не отрицают того, что намеревались направить Гитлера на восток...

Андрей ФЕФЕЛОВ. Но преподносится это всё как психологически понятная ситуация?

Игорь ШИШКИН. Да, хотя с моральной точки зрения это не очень хорошо выглядит: если боишься войны, то обязательно ли противника науськивать на соседа?

И нам рассказывают, что главный побудительный мотив Британии был — избежать войны. Британии, которая захватила почти весь мир, создала империю, в которой действительно никогда не заходило солнце. Британская империя прибирала к рукам всё, что плохо лежит, и никогда не останавливалась перед кровью. С чего

бы она вдруг ни с того ни с сего стала пацифистской и запросила мира?

Читаешь сейчас работы, посвящённые Мюнхенскому соглашению, и там пишут в таком примерно ключе: соглашение было плохое, но побудительные-то мотивы были хорошие, стремились избавить свой народ от войны. А вот Сталин, наоборот, когда заключал пакт, хотел, чтобы Германия воевала с поляками...

Из Чемберлена делают простака, которого обвёл вокруг пальца коварный Гитлер. В это можно было бы поверить, если бы это хоть чуть соответствовало фактам. Вот что на этот счёт писал историк Андрей Фурсов: «Прогитлеровская политика Великобритании во второй половине 30-х годов, курс на умиротворение были не ошибкой и не глупостью, то был курс на сохранение Британской империи». И ещё одна цитата из Натальи Нарочницкой: «До сих пор тиражируется суждение, что Британия полагала умиротворить Гитлера. Нет. Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии».

Дело в том, что Британская империя, как писал тот же Черчилль, 400 лет руководствовалась в своей европейской политике одним непреложным принципом — бороться с любым сильным государством на континенте независимо от того, как оно называется. Потому что только объединённая континентальная Европа могла бросить вызов Британии.

А что это за вызов? Давайте не забывать, что вся история западной цивилизации — это два взаимосвязанных процесса. Первый из них — это расширение, захват всего мира, превращение его в колонии.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Да, четыре или пять веков они только этим и занимались.

Игорь ШИШКИН. А второй процесс — драка внутри западной цивилизации за доходы от ограбления мира, сражение за гегемонию. И в этой схватке после наполеоновских войн победила Великобритания. Именно тогда она и создала свою колоссальную империю. Затем она Францию прихлопнула окончательно, когда в 1870 году во Франко-прусской войне помогла Пруссии.

Затем Британии бросил вызов Второй рейх. И что произошло? Первая мировая война, в которую были вовлечено огромное количество народов. Но главный нерв и причина той войны — это борьба за гегемонию между Германией и Великобританией, и там уже чуть-чуть начинают «высовываться» Соединённые Штаты Америки...

Британцы в той войне не позволили Франции добить Германию. Иначе они бы получили континентальную Европу под французским господством. Шило на мыло они менять не захотели.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Они уже видели такую Европу при Наполеоне.

Игорь ШИШКИН. Да, тогда им пришлось воевать с Наполеоном и быть союзниками России. Зачем же повторяться?

А в 1936 году, когда Гитлер занял Рейнскую область, у него было всего три батальона. Французы были готовы войти и всё, Гитлеру был бы конец. Кто остановил французов? Британцы, сказав, что они отказываются помогать Франции.

А французы были уже хищниками надорвавшимися и пугливыми. Они хотели только тянуть со всех, а самим подставляться после Первой мировой уже у них была кишка тонка. Словом, французы пошли на попятную.

Что дальше было нужно Великобритании? Чтобы снова поднялась Германия и пошла на восток. Потому что, помимо борьбы за гегемонию, появляется ещё один новый фактор — Советская Россия. Да, Россия всегда и в любом обличии для Запада была противником. Но здесь было другое... У нас в последнее время увлекаются геополитикой и сбрасывают со счетов антикоммунизм. А совершенно напрасно. У нас даже часто приходится читать, что «Запад прикрывался лозунгами борьбы с большевизмом, а на самом деле сражался с Россией».

Такое читаешь и думаешь: «Подождите, вы хотите сказать, что если бы Запад реально воевал с большевизмом, а не с Россией, он был бы хорошим, значит? Ему нужно было бы помогать?» Подтекст-то именно вот этот.

Андрей ФЕФЕЛОВ. По их мнению, да.

Игорь ШИШКИН. Но, извините, Запад-то не из-за того большевистский режим возненавидел, что храмы взрывали, не из-за красного террора, не из-за расказачивания! Советский строй впервые поставил под вопрос само существование принципа, на котором стоял западный мир.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Мировую капиталистическую систему.

Игорь ШИШКИН. Да, систему, в которой эксплуататорское меньшинство владеет и правит миром, сначала по аристократической линии, потом — по линии «денежного мешка». И вдруг это

сметается, что на Западе реально воспринималось как смертельная угроза.

Отсюда и их отношение к Гитлеру, ведь он предложил другую схему обеспечения капиталистического строя и власти элиты, когда эта элита увидела, что парламентская демократия уже не срабатывала, а коммунистические идеи набирали популярность по всему миру.

Тут и появился принципиально новый подход — национал-социализм, который решал проблему открытой диктатурой, основывая власть элиты не на парламентских процедурах, а на расовой избранности.

Гитлер потому так легко и занял всю Европу, что сторонников его в правящем классе европейских стран было более чем достаточно. Приведу высказывание известного деятеля Великобритании лорда Ллойда: «Какими бы отвратительными ни были методы Гитлера, какими бы лживыми ни были его дипломаты, какими бы ничтожными он ни считал права прочих народов, в конечном итоге всё это мы готовы простить, потому что он действует во имя общих интересов защиты традиционных институтов и обычаев от коммунизма». Это он говорил до пакта Молотова — Риббентропа.

А после пакта Запад возмутился: «Как же так?! Мы Гитлера холили, лелеяли». Вот цитата из того же Ллойда: «Заключение германо-советского пакта устранило малейшую возможность почётного мира с Гитлером».

Итак, для Британской империи одной угрозой была возрастающая Германия, а другой угрозой — большевизм, Советская Россия. И Советская Россия, может быть, воспринималась даже более страшной и опасной.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Столкнуть их — было идеальным вариантом для Британской империи.

Игорь ШИШКИН. Конечно! Они бы в войне измотали друг друга, а тогда уже вступила бы в действие вовсе не Британия, которая на суше воевать не собиралась. Ей нужна была шпага на континенте, а для этого можно было использовать хоть и обветшавшую, но ещё на что-то годную Францию. И вот британцы с французами в решающий момент «прихлопывают» и Германию, и Советский Союз.

Англия снова берёт под контроль всю континентальную Европу — её ресурсы, её финансовые, боевые и промышленные возможности; плюс получает все ресурсы Советского Союза.

Андрей ФЕФЕЛОВ. И при таком раскладе у неё появляется шанс вступить в схватку с Соединёнными Штатами?

Игорь ШИШКИН. Это был её единственный шанс победить Соединённые Штаты и ещё лет на пятьдесят, а то и на сто, остаться гегемоном западного мира. Поэтому они шли на всё ради этой цели.

Вспомним, каким пацифистом выступал Чемберлен во время Мюнхена. Он говорил: «У меня сердце обливается кровью от одной мысли, что мы должны здесь, в Лондоне, копать траншеи, оттого что каких-то там два государства в тысячах километрах от нас решили выяснить между собой отношения». Имелись в виду Германия и Чехословакия. Все говорили: да, действительно, зачем же?..

Проходит всего полгода, и в марте 1939-го тот же самый Чемберлен делает заявление в палате общин о гарантиях Польше, что если та вступит в войну с Германией, то Британия тоже начнёт воевать. У всех в Англии был шок.

Андрей ФЕФЕЛОВ. То есть Британия отдала свою судьбу в руки Польши, руководство которой в то время было, мягко говоря, не совсем адекватным?

Игорь ШИШКИН. Да, и не будем голословны: 6 августа 1939 года маршал Рыдз-Смиглы, между прочим, верховный главнокомандующий польской армией в будущей войне, сделал такое заявление английской газете: «Польша добивается войны с Германией, и Германия не сможет избежать её, даже если захочет». Польша собирается воевать с Германией до победного конца, до того самого, когда польские уланы промчатся под Бранденбургскими воротами, и в это время Чемберлен заявляет, что всё будет зависеть от решения Польши! Что если Польша решит воевать, то и Британия вступит в войну! Что он, за полгода где-то поскользнулся, головой ударился? Нет.

Всё очень просто и логично. В Мюнхене Гитлеру отдали часть Чехословакии, но отдали с барского стола — решением Британии и Франции, при этом Гитлер как бы попадал в подчинённое положение. К тому же, отдавая Чехословакию, они спасали Гитлера, потому что на британцев вышла немецкая военная верхушка, и открытым текстом заявила, что если их поддержит Британия, они Гитлера ликвидируют, так как понимают, что он может привести Германию к катастрофе.

А вместо поддержки они получили Мюнхен. После Мюнхена попробуй против Гитлера дёрнись! Он на блюдечке преподнёс Германии Судеты, вернул огромные территории, освободил немцев от иноземного ига. Всё, он герой, на него уже не поднимешь пальца. Кроме того, он получил прекрасную чешскую промышленность и ресурсы для похода на Восток.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Но на этом Гитлер не остановился...

Игорь ШИШКИН. Да, он берёт всю Чехословакию, превращает её в протекторат Богемии и Моравии, Словакию делает формально независимой, но в сущности вассальной, не согласовывая всё это с Лондоном, самостоятельно. Современники тогда писали: «Зачем он это сделал? Если бы он обратился с просьбой, ему бы это подарили опять». Но он уже выходит из подчинения. До этого он мастерски играл на том, что, мол, я антикоммунист, я только большевиков резать собираюсь, а вас нет, никогда...

А тут наметилась опасность, и британская дипломатия сразу же решила подстраховаться, чтобы Гитлер не смог выкинуть фортель и повернуть на запад вместо востока.

Британия знала, что Гитлер не собирался сначала воевать с Польшей. Он собирался с поляками договориться, ему нужен был тыл на востоке для того, чтобы разобраться с Францией и поставить всю континентальную Европу под свой контроль. А затем уже — с Россией... Так вот, британцы учитывали, что поляки в последний момент, несмотря на задиристость Рыдз-Смиглы, могли дрогнуть и уклониться от войны с Германией.

Чтобы они этого не сделали, и был предпринят фантастический демарш, который с точки зрения здравого смысла является просто дикостью: британские гарантии Польше. Лезьте, мол, на рожон с немцами сколько угодно, мы за вами. Затем это оформили договорами.

Поляки — хороший народ, но они всегда были неадекватны в вопросах, касающихся русских и немцев.

Андрей ФЕФЕЛОВ. На этом и сыграли британцы.

Игорь ШИШКИН. Да, по поручению Британии полякам дала гарантии и Франция. Был подписан договор, что Франция на пятнадцатый день после начала войны обязуется начать полномасштабное наступление против Германии. А затем, уже без поляков, приняли решение о том, что никакого наступления не будет, с уникальной формулировкой, что судьба Польши будет решена по итогам начинающейся войны. То есть то, что сейчас её сметут, это на здоровье, потом, мол, полякам возместим...

Им любой ценой нужно было, чтобы Гитлер пошёл на восток — на Украину, в Белоруссию, западнорусские земли... Они очень рассчитывали на то, что уже независимо от желания Гитлера произойдёт столкновение Советского Союза и Германии — сама сила и логика вещей начнёт работать...

Для чего Англия и Франция устроили переговоры с Советским Союзом летом 1939 года? Если они действительно боялись войны,

то проще всего было бы реально договориться с Советским Союзом. Он вступает в войну вместе с ними, в 1939 году Германия ещё слаба, наносится по ней тройственный удар — и Германии как не бывало.

Андрей ФЕФЕЛОВ. И Гитлера.

Игорь ШИШКИН. Но, если бы это произошло, усилилась бы Франция. А главное, Советский Союз, чтобы победить, вошёл и занял бы ту самую территорию, которую мы и заняли в 1945 году, но почти без потерь! То есть Советская империя оказалась бы на рубежах 1945 года без 27 миллионов погибших, без уничтоженной промышленности в европейской её части, без сожжённых городов и сёл!

От одной такой мысли британцам проще было застрелиться! Поэтому они и говорили нам: дайте гарантии, что вступите в войну, мы вас поддержим и так далее. Им важно было, самим оставаясь в стороне, втянуть нас в войну. Они поступили бы с нами так же, как с поляками. Ведь не двинулись же они в защиту поляков ни в указанный в договоре 15-й день, ни в 20-й...

И в этих условиях заключается пакт Молотова — Риббентропа. Всё! Мир для них действительно рухнул. Стало ясно, что Советский Союз и Германия Британию переиграли. После этого ситуация в корне изменилась. Германия, получив гарантию того, что Советский Союз на неё не нападёт, атаковала Францию...

Андрей ФЕФЕЛОВ. И поставила Британию на грань катастрофы.

Игорь ШИШКИН. Британии пришлось обращаться за помощью не только к Америке, но и к Советскому Союзу. Одной Америкой без Советского Союза от мощной Германии уже не спасёшься. Те, кто собирался стоять в сторонке и наблюдать за схваткой Германии и СССР, попали в такое положение, в котором, дабы выжить, надо было помогать Советскому Союзу. Да, открытие второго фронта они оттянули, ещё что-то, но ленд-лиз был нужен. Он давал то, чего не хватало Советскому Союзу. В общей массе это, может быть, 3-5%, но по отдельным конкретным направлениям это было очень важно.

Поэтому Сталин так добивался этих поставок, лично выверял номенклатуру, что именно будет поставлено. Это к вопросу о тех шести с лишним тысячах станков, которые за один только 1939 год мы получили из Германии. А сколько нам таких ещё было нужно! Например, для производства 57-миллиметровых противотанковых пушек ЗИС-2 нужны были западные станки, чтобы делать стволы уникальной по тем временам длины.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Пробивающие немецкую броню...

Игорь ШИШКИН. Да, те пушки в 1941 году насквозь «прошивали» немецкие танки. Их тогда отодвинули из-за сложности производства. Но как они понадобились нам в 1943 году под Курском и дальше!.. А где бы мы эти станки взяли?

То есть пакт Молотова — Риббентропа привёл к тому, что Британская империя оказалась совершенно в ином положении. До этого ей как на ладони была явлена новая эра британского владычества, а в результате советско-германского договора положение оказалось «не до жиру, быть бы живу» — хотя бы куски империи сохранить!.. Не случайно в разговорах с Рузвельтом Черчилль сбивался на истерику и кричал, что он не желает быть свидетелем на пиршестве по случаю раздела Британской империи.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Недавно они выпустили фильм «Тёмные времена». Там ужасные Гитлер и Сталин и практически святой Черчилль. Надо признать, что в этом отношении Британия блюдёт свою самость, они чтут таких, как Уинстон Черчилль, это их герои и властители дум в самые сложные для них периоды. Чего не скажешь о нас, особенно в 90-е годы, когда вопросы истории были отданы на расклёвывание омерзительным во ронам, заглушавшим всё своим карканьем: «А-а-а, пакт Молотова — Риббентропа! Ужас, покайтесь!» Но нам надо разобраться во всём, понять, что происходило, досконально и чётко.

Игорь ШИШКИН. Нужно понять, что этим пактом Сталин действительно изменил «расписание» Второй мировой войны. Сделал так, чтобы из войны, которую нам навязали, и которая нам, в отличие от Британии, США и Германии, была не нужна, мы вышли победителями. Без союзников выйти победителями мы не могли, а этот пакт вынудил Британию и США стать нашими союзниками. Напомню, что британцы до последнего пытались не стать ими, они хотели оказаться «падальщиками» на теле Советского Союза, погибшего под ударами Германии.

Вспомним операцию «Копьё», задуманную британцами в начале 1940-го. Тогда уже шла так называемая Странная война с Германией. Почему «Странная...»? Почему Англия и Франция не напали на Германию? Потому что надеялись, что советские и немецкие войска сцепятся в Польше. Тогда появилась идея атаковать Советский Союз, нанести удар по его нефтяным промыслам с Ближнего Востока. Британия и Франция объявили бы «крестовый поход Запада» против большевизма.

И в этой ситуации куда бы делся Гитлер с его антикоммунизмом? Его западные противники уже сражаются с «коммунистической заразой» — примыкай! И, соответственно, кому придётся под Москвой сражаться? Вермахту, а не англичанам. Была эта попытка? Была. А не удалась она только потому, что буквально за несколько дней до начала операции «Копьё» (англо-французского удара по бакинским нефтепромыслам) Гитлер атаковал Францию.

Андрей ФЕФЕЛОВ. И Франции не стало.

Игорь ШИШКИН. Да. И самая последняя попытка Черчилля спасти Британскую империю — это операция «Немыслимое», когда в 1945 году он пытался спровоцировать столкновение уже Соединённых Штатов с Советским Союзом. Британцы остаются британцами. И они чтят преступника Черчилля, а он действительно преступник, на его руках море крови мирных жителей по всему миру! Но что он был выдающимся политиком, сражавшимся сугубо за интересы Британской империи, это факт. А не спас он её потому, что товарищ Сталин в 1939 году Британию переиграл и нанёс ей самый страшный удар, от которого она уже не оправилась.

Пакт Молотова — Риббентропа — это начало конца Британской империи. И этого, кстати, они нам, конечно же, никогда не забудут и никогда не простят.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Игорь Сергеевич, спасибо большое за интереснейшую беседу

ОПУБЛИКОВАНО В ГАЗЕТЕ "ЗАВТРА"
(№31, АВГУСТ 2019 ГОДА)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ 4

ВВЕДЕНИЕ
ПОЧЕМУ «ОНИ» ТАК НЕНАВИДЯТ ПАКТ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА? 9

«Пакт войны» 10
«Преступный сговор» 11
«Аморальный пакт» 13
Запад 15
Постсоветские этнократии 15
Либеральная общественность 16

ГЛАВА I
ВЫЗОВ БУДУЩЕМУ РОССИИ 18
Подмена смысла войны 18
Геополитика, а не история 20
Европейский интерес 22
Цивилизационный фактор 25
Постсоветское пространство 25
Пакт — пошаговая демонизация 27
«Нюрнберг-2» 30
Пакт и Холокост 32

ГЛАВА II
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ 36

Игра в поддавки? 36
Интересы российской элиты и пересмотр истории 40
Коллаборационизм на историческом поле 43
Нет худа без добра 48
Научные основы 57

ГЛАВА III
«ПРЕСТУПНЫЙ ПАКТ» БЕЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 60

Секретные протоколы 64
Сферы влияния и интересов 67
Все государства равны, но... 70
Международно-правовой пуризм 74

ГЛАВА IV
ВОЗВРАЩЕНИЕ СВОЕГО ИЛИ ОККУПАЦИЯ ЧУЖОГО? 77

Что осудил и отменил Съезд народных депутатов? 77
Бессарабия 82
Право России 84
Румынская оккупация 85
Возвращение 87
Пакт и Великая Румыния 90
Прибалтика 93
Реальность 96
«Оккупация» и международное право 96
Провокация 101
Нарушение двусторонних договоров 102
Право наций на самоопределение 104
Предательство 105
Добровольное вхождение 107
Западная Украина и Западная Белоруссия.
Освободительный поход 108
Присоединение Западной Белоруссии
и Западной Украины к СССР 111
Континуитет 114

ГЛАВА V
АМОРАЛЬНЫЙ СГОВОР ИЛИ НРАВСТВЕННЫЙ ПОДВИГ? 117

Сюрреализм 117
Источник силы и ахиллесова пята России 119
Ловушка «абсолютного зла» 125
Реальный враг 127
Противников предать нельзя 130

ГЛАВА VI
ПОБЕДНЫЙ ПАКТ 133
«Хуже, чем преступление. Это ошибка» 136
Пакт и Британская империя 137
Хищник-«миротворец» 138
Проигравший триумфатор 140
Безысходность 141
Британия выбирает войну 142
Планов громадье 144
От успеха к успеху 145
Гладко было на бумаге 147
Форсаж 148
Крах 149
«Нам-то что?» 150

Взаимная выгода 151
«Буферы», которых не было 153
Был ли выигрыш времени? 154
Крах Третьего рейха 157
Пакт и провал блицкрига 158
Пакт и Сталинградская битва 159
Пакт и антигитлеровская коалиция 160

ПРИМЕЧАНИЯ 165

ГЛАВА I 165
ГЛАВА II 166
ГЛАВА III 168
ГЛАВА IV 170
ГЛАВА V 173
ГЛАВА VI 174

ПРИЛОЖЕНИЕ 176

ОГЛАВЛЕНИЕ 192

Шишкин Игорь Сергеевич
Безупречный Пакт: Кто разрушил Британскую империю.

Издание второе, исправленное и дополненное

Редактор — Е.Г. Пашкова
Дизайнер-верстальщик — Е.Л. Амитон

Подписано в печать 30.07.2020.
Формат 60 x 90 / 16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ №155893.

ООО "Наше Завтра"
zavtra.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в АО «Т 8 Издательские Технологии» (АО «Т 8»),
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп.5.

ИГОРЬ ШИШКИН

«ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ ОТ 23 АВГУСТА 1939 Г., ИМЕНУЕМЫЙ ПАКТОМ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА, НАНЕС СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР ПО ЖИЗНЕННЫМ ИНТЕРЕСАМ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ВРАГОВ РОССИИ. ОТСЮДА И ИХ НЕНАВИСТЬ К НЕМУ КАК К СИМВОЛУ СВОЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОРАЖЕНИЯ».

Издание второе, исправленное и дополненное

ISBN 978-5-9904496-8-8

9 785990 449688 >

design amiton